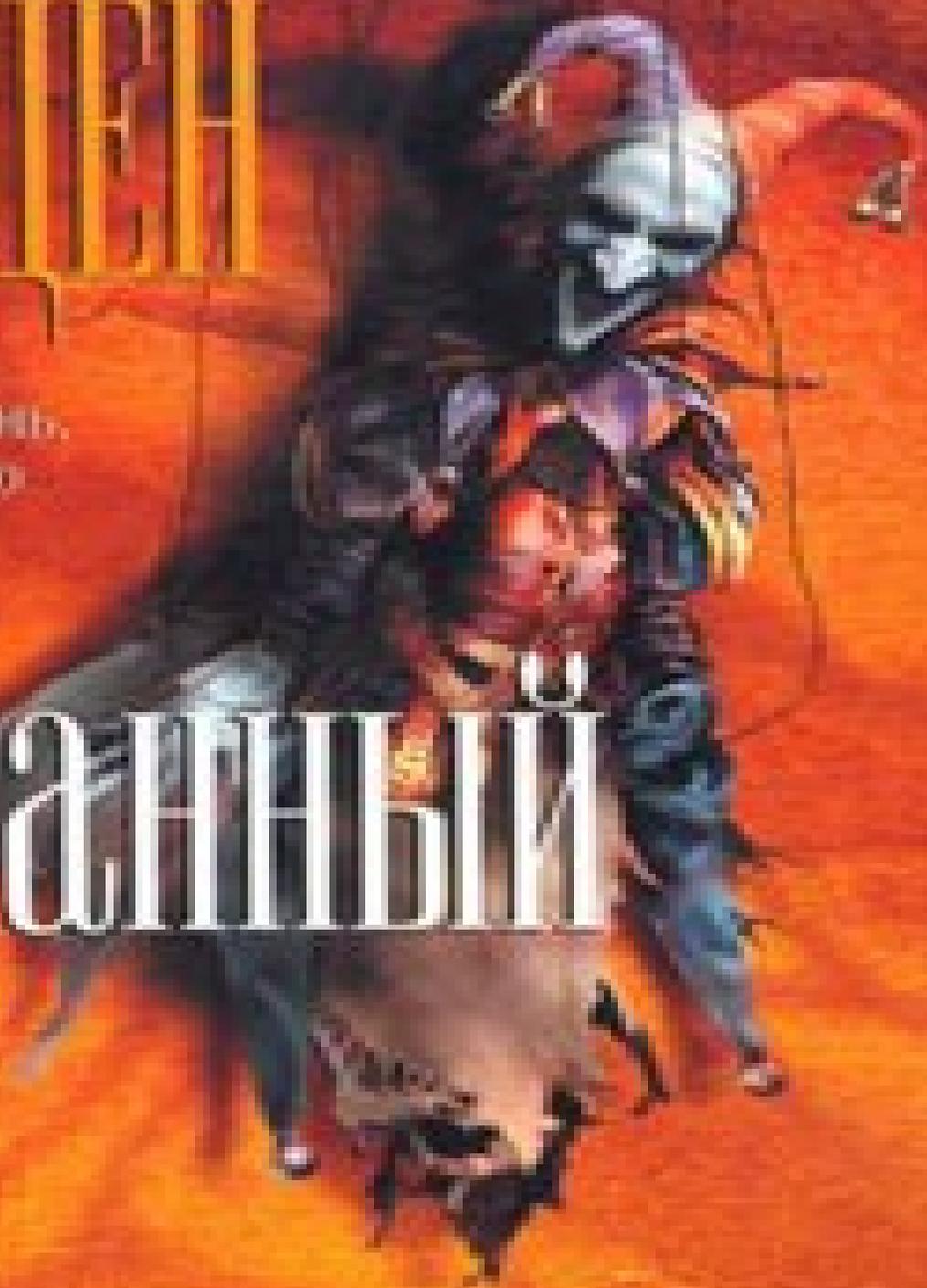

ROMAN MYSTIQUE

Кристофер ГОЛДЕН

Победу за гробом,
разделавшись со
мёртвым

Обманный лес

Томас Рэнделл – преуспевающий писатель, автор книг о захватывающих приключениях в вымышленном мире Обманного леса, которыми зачитываются дети и взрослые. Он доволен своей жизнью, которая течет размеренно и почти без тревог. До тех пор, пока выдуманный им мир не начинает вдруг вторгаться в его реальную жизнь, зримо, грубо и без предупреждения. Мир, которому Рэнделл обязан практически всем, чего он достиг, пытается лишить его единственного, что по-настоящему для него важно, – сына. У писателя не остается другого выбора, кроме как покинуть окружающую его реальность и отправиться в опасный поход за грань, разделяющую миры.

Кристофер Голден

Обманный лес

Посвящается Конни. Без тебя солнце никогда не взошло бы.

Эта книга родилась не сразу. Я благодарен, разумеется, моей жене Кончи и сыновьям Николасу и Кэниелу. Моему агенту Кори Перкинс за доверие и стойкость. Моему редактору Коре Энн Кэжилмен. Моей матери Роберте Голден Паулос за веру.

Кроме того, выражаю признательность Тому Счигоски за восхитительно абсурдные и неоценимые идеи, а также Кюси Руссо, Хосе Ньето, Бобу Томко, Кжеффу Мариотту, Крейгу Шоу Гарднеру и Кизе Клэнси. Кркторам Брайану М. Голдену и Ф. Полу Уилсону за их ответы на мои дурацкие вопросы, Клайву Баркеру за вдохновляющие слова в процессе моей работы и Хэнку Ватеру, с которым я разговаривал как раз в тот момент, когда эта история постучалась мне в голову.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Всем вам наверняка известен вопрос, который больше всего пугает любого писателя, – и, разумеется, именно этот вопрос нам задают чаще всего.

«Где вы берете идеи?»

Этот вопрос задают два типа людей: те, кто интересуется, откуда берутся идеи, чтобы тоже пойти туда и позаимствовать идею-другую, и те, кто считает меня чокнутым, потому что я пишу всякий бред.

Обычно я ухожу от ответа. Правда заключается в том, что большинство идей – это обрывки светлых мыслей и сведений, которые я складываю в кучку многие месяцы и даже годы, обрывки, не имеющие друг к другу совершенно никакого отношения, и однако же в конце концов они оказываются связанными, если только я потружусь как следует заполнить пробелы. Эти идеи из тех, что создаются, а не находятся сами.

Не так давно мне приснилась пара идей для книги, но я предпочитаю не распространяться об этом, потому что, как мне кажется, людей это раздражает. Вроде как они достались мне даром. Это не совсем так – сны обычно содержат не много смысла и неизбежно имеют недостающие звенья, которые необходимо восстановить, – и все же кажется, что это слишком уж легко. Потом, бывает еще и «эврика». Пока что за всю мою карьеру подобные озарения посещали меня трижды, и каждый раз я оставался весьма доволен результатами. Примерно так появился на свет мой «Обманный лес».

Недавно я побывал на конвенте, где Клайв Баркер заклинал присутствующих писателей не обуздывать свое воображение. Он полагал, что нет для автора худшего греха, чем наступать на горло собственным замыслам из тех соображений, что они, мол, слишком безумные.

Вряд ли можно было выбрать для этого более удачный момент.

Вскоре после возвращения с конвента я давал интервью для одного журнала моему другу и будущему коллеге Хэнку Вагнеру. Моему сынишке Николасу было тогда что-то около трех лет и он был, как мы это называли, страстным поклонником Винни-Пуха, то есть в нашем доме насчитывалось чуть не три десятка видеокассет с мультиками про Пуха, которые мы смотрели круглые сутки.

Я люблю «Винни-Пуха». Всегда любил. С книгой Милна мои дети познакомились в самом нежном возрасте. Но, видит бог, всему есть предел. Я сказал Хэнку, что, мол, сып Пухом до такой степени, что был бы рад, когда бы в Чудесный лес ворвалась шайка конных головорезов, освежевала маленьких поганцев и развесила их шкуры на деревьях.

В ту минуту и родился «Обманный лес». В общих чертах. Разумеется, кое-какие подробности возникли значительно позже, и именно им моя повесть обязана своим успехом – как я это понимаю. Кроме того, в процессе написания я находился под огромным впечатлением от чудесного рассказа, прочитанного много лет назад, – называется он «Власть мандарина», и написал его Гэхан Уилсон, карикатурист, писатель и джентльмен.

И тем не менее все появилось именно тогда. Вспышка Эврика.

Так что, если вы из числа тех, кого интересуется этот вопрос, теперь вы знаете на него ответ – по крайней мере, в отношении этой книги.

Какое блаженство сознавать, что безумный замысел, который пришел мне в голову в ту секунду, оказался настолько ярким, что позволил не просто написать книгу, но и увлечь за

собой других. Я попросил кое-кого из моих знакомых писателей высказать свое мнение и с трепетом ожидал их приговора. Вы и представить себе не можете, какое облегчение и радость я испытал, когда начали приходить ответы от авторов, которые всегда пользовались моим неизменным глубочайшим уважением: Питера Страуба, Ф. Пола Уилсона, Грэма Джойса, Кевина Андерсона и всех остальных, подавших голос в мою поддержку. Я был от радости на седьмом небе и чувствовал себя самым большим счастливымчиком на земле. И решил, что надо поскорее написать книгу, пока они не передумали.

Когда эта история увидела свет, читатели тоже приняли ее на ура. Старую поговорку о том, что на всех не угодишь, разумеется, никто не отменял, но в общем и целом те, кто вместе со мной рискнули тогда и поставили на «Обманный лес», казалось, были очарованы книгой гораздо больше, чем читатели других моих книг. Меня завалили электронными письмами с просьбами о продолжении приключений в Обманном лесу... И кто знает? Быть может, в один прекрасный день это случится. Вообще-то, у меня уже есть одна мыслишка, так сказать, эврика младшая, и я даже придумал название... но об этом в другой раз.

Увы, эта книга не получила достаточно широкой аудитории, и, как это нередко случается, тираж «Обманного леса» распродался медленно, а когда был распродан, допечатки не предполагалось. Электронные же письма все шли и шли. Люди продолжали интересоваться книгой. И мой редактор Лора Энн Джилмен продолжала сражаться за эту странную повестушку.

Вот так и получилось, что мы снова с вами – на этот раз, надеюсь, уже надолго.

Я часто упоминаю об «Обманном лесе» как о книге, на которой я вырос как писатель. Это кажется мне забавным, учитывая, что речь в ней идет о детской литературе и персонажах, которые обитают на просторах подобных произведений. И тем не менее я придерживаюсь именно этого мнения. В мрачных фэнтезийных романах, написанных мной до этого, главным были действия и идеи. Только не поймите меня превратно. Придется кое-что пояснить. «Сага теней» всегда будет близка и дорога моему сердцу, и я намерен время от времени навещать в тамошний мир. Но с «Обманным лесом» я обнаружил, что в моей душе живут и другие истории.

«Обманный лес» – книга не о действиях и идеях, а о персонажах и ситуациях. Работая над ней, я стал думать – и говорить – о ней как о мрачной семейной фэнтези. А для меня это означает, что она прежде всего о людях, о самой обычной группе людей с самыми обычными проблемами. В нашем случае – о Томасе и Эмили Рэнделлах, которые только что развелись, и об их впечатлительном сыне Натане. О необычайных событиях, которые случаются с этими обычными людьми, и о последствиях, к которым они приводят. Об отцовстве и разводе, о творчестве и небрежении, и о том, как справиться с эмоциями, когда любовь дает трещину.

Вот видите, а вы думали, что эта книжка всего-навсего о говорящих воронах и разъяренных саблезубых тигролюдах.

«Обманный лес» до сих пор самая любимая из всех моих книг.

Надеюсь, путешествие в него доставит вам удовольствие.

Прошу также простить меня, если вы вернетесь из этого путешествия не совсем целыми и не очень-то невредимыми.

Кристофер Голден

Бредфорд, Массачусетс

29 июля 2003 года

ПРОЛОГ

– Правда? Правда-правда? – крикнул Мальчик, глядя в зеленовато-голубое небо над Обманным лесом.

– Да, да, – отозвался дракон Смычок и принялся носиться в воздухе вверх-вниз, и кувыркаться, и выписывать восьмерки, отчего у Мальчика и его друзей немедленно закружилась голова.

– Я должен был догадаться! – воскликнул Мальчик. – Я должен был догадаться с самого утра! Сегодня ужасно здоровский день, так тепло, как будто не осень – а ведь уже осень, представляешь! Так тепло, как будто не осень, и я должен был догадаться, что сегодня случится что-то совсем особенное! Такой необыкновенный день!

Мальчик еще немного полюбовался Смычком, но очень скоро у него заломило шею, ведь дракон парил высоко в небе и вообще. Тогда Мальчик издал восторженный клич, и рассмеялся, и прошелся колесом, чему он уже сто лет безуспешно пытался научить гризли Брауни.

Брауни захохотал и тоже попытался сделать колесо, но растянулся на земле большой и косматой хихикающей грудой.

И они все смеялись и плясали на полянке за хижинкой Ворчуна, которая долго была местом печали, а теперь снова стала местом веселья.

Послышалось позвякивание, побрякивание и дзыньканье. Мальчик радостно поднял глаза и увидел, как по Путаному пути на полянку – динь-дон, тилитень! – выбежал мистер Тилибом.

– Он правильно говорит, Наш Мальчик! Смычок правильно говорит! Трещотка и Труба и еще много кто разнесли молву по Путаному пути из края Колокольчиков и Свистулук! Их уже видели, видели, они идут вниз по реке Вверх. Лесные стражи подтвердили это!

Мистер Тилибом подбежал к Мальчику, и его пузико-колокольчик весело бомкало при каждом шаге. Хохотун залился своим гиеным хохотом, а Брауни пустился в пляс, и все услышали, как мелодично запели, зашелестели на лету крошечные крылышки Смычка – словно ветер, перебирающий китайские колокольчики.

Последним появился Тыкван Горлянкин. Осенью его работой было приглядывать за Большим Старым садом, охранять его от братьев-воронов, Дэйва и Барри. Когда Мальчик увидел Тыквана, он завопил от неожиданной радости, потому что Тыкван был не один!

Вместе с Тыкваном прилетели братья-вороны.

– О, сегодня и вправду совсем особенный день, раз уж братья-вороны и единственное на весь Обманный лес пугало смогли на время позабыть свою вражду, – сказал Мальчик. – Мы устроим праздник, прямо сейчас Праздник возвращательный и никуда-больше-не-уходительный. Праздник мы-прекасно-по-вам-скучательный. Праздник дома-встречательный! Да! Точно!

Все друзья Мальчика согласно закричали. Это же не просто праздник, а по какому случаю – наконец-то возвратились их старые друзья!

Секунду спустя, когда Мальчик пустился в пляс с Брауни, сверху донесся крик Смычка.

– Идут, идут! – закричал он, и песня его крылышек зазвучала громче и быстрее.

– А ну тихо там, а то я своих собственных мыслей не слышу! – прикрикнул на Смычка Тыкван.

– Будет вам, сэръ пугало, – пожурил его Мальчик. – Мы все немножко разволновались, разве вы не видите?

В темном лесу Путаный путь вдруг затрещал, и Мальчик сначала испугался. Потом он понял, что это за звук, – топот обутых в сапоги ножищ и копытцев по сухой осенней листве.

– Эгегей! – крикнул Мальчик – Ворчун! Султанчик! Мы здесь, все вместе, ждем вас у хижины Ворчуна! Эгегей!

Из мрака между деревьями выступил недовольного вида гном в зеленой фетровой шляпе. Рядом с ним семенил веселый маленький пони, и на голове у него топорщился пышный мохнатый хохолок из желто-зеленых перьев.

– Ворчун! – радостно закричал Мальчик и бросился навстречу гному. – Султанчик! – восторженно вопил он, широко раскидывая руки.

– Наконец-то вы пришли! – взволнованно выпалил Мальчик. – Наконец-то вы оба вернулись домой, в лес!

Ворчун остановился на опушке. Прищурившись и скривив губы в ухмылке, которую все они отлично помнили, Ворчун устремил взгляд мимо Мальчика на хижину, где он когда-то жил. Потом он обвел взглядом всех остальных, которые улыбались, пели и плясали в честь него джигу. Ворчун взглянул на Султанчика, и пони заржал и тоже посмотрел на Ворчуна.

– Я так рад, что вы вернулись домой, – сказал Мальчик уже спокойнее, но все так же радостно.

– Ну, – отозвался Ворчун, и голос у него оказался чуть пониже, чем Мальчик его помнил. И куда холоднее. – Не то чтобы у нас был выбор...

Отрывок из книги Ти-Джея Рэнделла

«Полет в Обманный лес».

Последней, неоконченной повести из цикла «Обманный лес».

О мгновении, в которое жизнь Томаса Рэнделла начала изменяться, не возвестили фанфары. Ни тебе драматических потрясений, ни внезапных озарений, ни крутого поворота судьбы.

Это просто случилось, совершенно буднично, как будто щелкнули выключателем, только это событие не ознаменовал даже вспыхнувший вдруг свет. И сам Томас даже не заметил, что что-то изменилось.

И тем не менее изменилось все.

Официантка звонко выставила запотевшую бутылку пива на столик, за которым Томас Рэнделл сидел в «Лайв Бэйт», где у него был назначен поздний обед с его агентом. Судя по значку с именем, девушку звали Беверли. У нее была шоколадная кожа и металлический штырь в языке, который блеснул, когда она поблагодарила его за чаевые. Было в этом что-то сексуальное.

Хотя, конечно, в «Лайв Бэйт» все официантки – и официанты, если уж на то пошло, – были сногсшибательно хороши. Существует миф, будто в Нью-Йорке, как и в Лос-Анджелесе, каждая официантка либо актриса, либо модель. Как-то раз одна особенно потасканная девица из Анджелеса даже с гордостью отрекомендовалась Томасу как «АМКУ».

– Что такое АМКУ? – наивно поинтересовался он.

Она одарила его в высшей степени снисходительной улыбкой и прощепетала тоном какой-нибудь героини из сериала «Бестолковые»:

– Актриса, модель... кто угодно!

Затем она рассмеялась, вернее, жеманно захихикала, отчего волосы ее рассыпались по спине, а груди заколыхались – ровно настолько, чтобы подчеркнуть их неправдоподобную округлость. Неправдоподобную... впрочем, это ведь был Лос-Анджелес.

Вот почему после того, как на студии Диснея был снят первый мультфильм, названный просто «Приключения в Обманном лесу», Томас перевез свое семейство обратно в Вестчестер, штат Нью-Йорк. Дело сделано.

С другой стороны, у него больше нет настоящей семьи.

Томас стер несколько капелек влаги с горлышка бутылки. Он любил этот сорт эля главным образом потому, что любил Новый Орлеан, где его производили. Какая-то часть Рэнделла хотела бы жить в Новом Орлеане, если бы не проклятая жарница и не экзотичная чужеродность. Манхэттен – вот его город. Опасный, да, но с тех пор, как он поселился в Вестчестере, опасности Манхэттена таили в себе скорее экзотику, чем риск. Кроме того, Томас предпочитал северо-запад еще и потому, что, попросту говоря, нуждался во временах года, в ощущении бега времени.

– Принести вам еще? – спросила Беверли.

– Гм? – отозвался Томас, потом опустил глаза и увидел, что бутылка почти опустела.

– Это все жара, – заметил он и помахал рукой над горлышком. – Наверное, оно испарилось.

Они ухмыльнулись друг другу, и Томас согласился, что, пожалуй, закажет еще

бутылочку. Ему было тридцать два года, меньше чем шесть месяцев назад он развелся с Эмили, и у него был единственный сын, Натан, которому исполнялось пять. Официантка Беверли едва достигла того возраста, когда можно пить – если вообще достигла, – была убийственно сексуальна и строила ему глазки. О серьезном флирте тут и речи не шло, Томас же не был идиотом. Однако между ними перетекали возбуждающие флюиды, и он просто наслаждался этим.

На смену первой бутылке пива прибыла вторая. Беверли поставила ее в точности на то же место, что и первую, как будто небольшой влажный кружок на столе представлял собой яблочко. Томас передвинул бутылку. Может, он так ведет свой счет, отмечает гибель первого павшего. Он проводил Беверли глазами, на миг залюбовался ее атлетическим сложением, черными шортами и кроссовками, белыми носочками и футболкой, даже не слишком свежим зеленым фартучком. Она выглядела необычайно безыскусно для жительницы Нью-Йорка, в особенности желающей стать моделью или актрисой.

Он наблюдал за ней. Писатели в этом смысле как ловцы, подумалось ему философски, и уже в который раз. Он следил за ней слишком пристально, слишком внимательно. И потому заставил себя отвести глаза.

Его взгляд скользнул по небольшому обеденному залу, рассчитанному приблизительно на дюжину шатких столиков, за которыми сидели *работники*. Томас всегда называл их так про себя. Разумеется, они не были ни его работниками, ни работниками ресторана, но были же чьими-то. В час дня по будням Манхэттен – один гигантский бизнес-ланч. Поди найди себе приличное и недорогое местечко, чтобы поесть.

«Лайв Бэйт» отвечал всем требованиям. Маленький каджунский ^[1] ресторанчик располагался на перекрестке Двадцать третьей улицы и Бродвея, в месте, более чем насыщенном издательствами. Модное местечко, где редакторы, агенты и писатели могут столкнуться друг с другом, случайно или намеренно.

За стойкой, забитой людьми, употребляющими свой обед в жидком виде и, вероятно, зашедшими сюда не по делу, находилось широкое венецианское окно, украшенное перевернутыми неоновыми пивными вывесками. Перевернутыми для Томаса, разумеется. С раскаленного, залитого солнцем тротуара Двадцать третьей улицы они отлично читались.

Томас смотрел, как мимо проходят люди в распушенных галстуках, без пиджаков. Те, у кого не было необходимости соблюдать столь строгую форму одежды, оголились, насколько позволяли приличия. Одна женщина, выгуливавшая собаку, была облачена в лифчик от купальника и нечто вроде шелкового шарфа вместо юбки. Томас и глазом не моргнул, и только туристы провожали ее взглядом. Это же Манхэттен.

Была знойная июльская пятница, и в спертом воздухе нью-йоркских улиц-каньонов не чувствовалось ни малейшего дуновения. Когда солнце скроется за башней Флэтайрон-билдинг, длинные прохладные тени расплзутся по тротуарам и протянут пальцы поперек самой улицы.

А пока что от солнечного света не было спасения.

Потом его затмил силуэт, женская фигура.

– Надеюсь, ты не очень долго ждешь.

Томас поморгал, заставляя глаза сфокусироваться. Силуэт превратился в его агента, Франческу Кавалларо. Привлекательная, она, несмотря на свою миниатюрность, обладала неукротимой решительностью, а уверенная манера держаться придавала ей куда более внушительный вид, чем можно было рассчитывать при ее размерах.

Томас всегда считал ее женщиной с огоньком. Это в ней понравилось ему с самого начала. И сослужило им обоим неплохую службу.

– Не-а, я решил без тебя не заказывать, – признался Томас. – Но я знаю, что буду есть. Здесь превосходная джамбалайя^[2], ты непременно должна ее попробовать.

– Вообще-то я хотела рыбу, – сказала Франческа. – Если у них есть сом по каджунски, я беру.

– Может быть, тебе повезет, – сказал он, когда она взяла меню. Потом, секунду спустя, добавил: – Мне не хотелось бы тебя подгонять, но у нас не очень много времени. Мне нужно забрать Натана из сада.

Голубые глаза Франчески одарили его ласковым взглядом поверх меню. У нее были длинные волосы, выкрашенные в почти естественный рыжий цвет, и голубые глаза, напоминавшие Томасу стеклянный шарик, который у него был в детстве; он был всего один, и Томас потерял его в ту весну, когда ему исполнилось семь. Но до сих пор его помнил.

– Кстати, как ты с этим разобрался?

– Пока вроде все получается, – ответил Томас – Я делаю все свои дела на неделе, а выходные провожу с Натаном. Предел мечтаний, учитывая то, как мы с Эмили нынче ладим. Или, вернее сказать, не ладим.

Этот ответ, судя по всему, удовлетворил Франческу, поскольку она лениво огляделась по сторонам в поисках официантки.

– Как продвигается книга? Как там ее?

– «Полет в Обманный лес», – напомнил он ей. – Там Ворчун и Султанчик наконец-то возвращаются домой.

При этих словах Франческа просияла.

– Боже, Ти-Джей, – сказала она. – Ребятишки вот уже года три как этого ждут, да? Ты заработаешь на ней уйму денег.

– Мы, – поправил ее Томас, ероша густые заросли своих коротких темных волос. – Мы заработаем на этом кучу денег. И пожалуйста, Фрэнки, не называй меня Ти-Джей. Ты же знаешь, я терпеть этого не могу.

– Прости, – неискренне извинилась она.

Подошла официантка, и Томас, взглянув на ее значок, понял, что забыл ее имя. Менее чем за пять минут оно полностью испарилось у него из головы. Он пожурил себя, посетовал на дырявую человеческую память и заказал свою джамбалайю.

– Еще пива? – спросила официантка.

– На этот раз просто колу, – попросил он. – С лаймом.

Пока Франческа делала заказ, Томас чуть поерзал на своем стуле, таком же рахитичном, как и столик. На Томасе были чистые голубые джинсы и новые кроссовки, добротная рубашка с короткими рукавами и тремя пуговицами на воротнике. Ему было удобно. Всякий раз, когда его начинали одолевать опасения, что он исписался, утратил запал, суть своей работы, Томас напоминал себе, как ему повезло.

Это был не самый худший способ заработать себе на жизнь. И потом, он же создал Обманный лес, который полюбился детям во всем мире. Плохо ли?

Вообще говоря, по этому поводу он испытывал смешанные чувства. Он зарабатывал приличные деньги, пользовался определенной известностью и был владельцем имущества, которое определено переживет его самого, а то и его детей тоже. Но чем популярнее

становился «Обманный лес», чем на большее количество языков его переводили, чем больше товаров производилось под этой маркой, тем меньше он принадлежал Томасу. Тем меньше в нем оставалось от его детища.

Взять хотя бы Ворчуна и Султанчика. Когда в «Прощании с Обманным лесом» он убирал их со сцены, то думал, что они больше на ней не появятся. Ему хотелось посвятить время более детальной проработке каких-нибудь других персонажей. Но реакция детей и их родителей – не говоря уж о представителях кино– и телестудий, заинтересованных в его книгах, – оказалась столь резкой, что он практически вынужден был вернуть их обратно.

Книги изменились и еще кое в чем. Центральный персонаж всего цикла «Обманный лес», Мальчик, всегда был неким, шести– или семилетним сорванцом, исследующим небольшой лесок за домом, который в его воображении таил в себе фантастические миры и был населен удивительными существами, как дружелюбными, так и не очень. Однако прежде всего Мальчик был всего лишь окном в Обманный лес для читателя.

Давным-давно Мальчика звали Томасом. Но несколько лет назад, когда Томас писал «В сердце Обманного леса», все переменялось. Мальчик вышел из дома через черный ход, и его мама, как всегда, попросила его не забираться слишком далеко. По тропке-царапке, окаймленной колючими кустами, он углубился в самое сердце Обманного леса, где в маленькой хижине Ворчуна в очаге всегда пылал огонь.

Как обычно, его уже поджидали приключения. Гризли Брауни пообещал помочь пугалу, Тыквану Горлянкину, осуществить самый последний из бесконечной череды хитрых планов, как отвадить братьев-воронов от кукурузного поля. Но Брауни был ленив, вечно зевал, и к середине утра задремал. Тыкванова кукуруза осталась без присмотра, и братья-вороны безнаказанно поживились несколькими дюжинами початков.

Когда появился Мальчик, все собрались за хижинкой Ворчуна, неподалеку от поля, и спорили об ответственности Брауни, вернее, о его безответственности. Ну все, кроме Смычка – который еще не прилетел из своей пещеры, – и кое-кого из менее приятных обитателей Обманного леса.

Султанчик и Ворчун решительно заняли сторону Тыквана. Гиена, которую все звали Хохотуном и которая всегда говорила о себе в третьем лице, считала все происшедшее крайне забавным. Однако она разобиделась на Брауни, который, как он сказал, «мог не клевать носом не больше, чем Хохотун может не хохотать». Мистер Тилибом, хотя и не был самым сообразительным колокольчиком в Обманном лесу, тоже считал, что Брауни это не нарочно.

И все, разумеется, ждали, какой Мальчик вынесет приговор.

Пока он решал, Боб Долгозуб и Скалоголовый, пренеприятная парочка, воры и негодяи, которые при каждом удобном случае мутили воду, перебрались в домик Ворчуна и заявили, что он принадлежит им.

Когда Мальчик вынес решение, гласившее, что Брауни должен попытаться стать более сознательным и следующие несколько дней за свою провинность будет помогать Тыквану в поле, все собрались отправиться к Ворчуну на чай. Ворчун, несмотря на сварливый нрав, готовил отличный чай.

Но хижины Ворчуна больше не было. На ее месте, хотя оно и выглядело в точности так же, возвышалось явно новехонькое жилище, принадлежащее Бобу Долгозубу и Скалоголовому. Затем последовала череда до смешного неудачных попыток отыскать старый домик Ворчуна или завладеть этим, «новым».

После чего, разумеется, с подачи Мальчика его друзья раскинули мозгами и одержали победу, убедив злодеев, что они на самом деле заняли не тот домик.

Именно тогда все и произошло.

Во время написания этой сцены Томас понял: впервые за более чем десять лет он не знает, что Мальчик скажет дальше. Значит, Мальчик перестал быть Томасом Рэнделлом. И Томас не знал, кто он. Может, Натан? Может, вообще больше никто?

Никто. Вот что тревожило его больше всего. Если Мальчик – никто, несуществующее лицо, как может Томас хотя бы приблизиться к пониманию всего остального Обманного леса? Он продолжал писать, сочинять одно приключение за другим, исполнять обязательства по контрактам и оправдывать ожидания. Но чего-то не хватало. Даже если никто этого не замечал, Томас то чувствовал. Что-то жизненно важное ушло из Обманного леса навсегда.

Когда на него находили приступы мрачности, Томас гадал, не возраст ли причиной тому, что он отдаляется от своего детища. Неужели в конце концов произошло то, чего он поклялся не допускать? Неужели он вырос, позабыл, что значит быть ребенком?

Раньше он всегда знал дорогу в Обманный лес, как и всех тех, кто в нем обитал. Но теперь он стал просто гостем. Все равно что вернуться в родной город после двадцатилетнего отсутствия и обнаружить, что все изменилось.

У него разрывалось сердце.

Но жизнь продолжалась.

– Ну? – подстегнула его Франческа, и Томас поднял глаза и увидел, что она выжидательно смотрит на него.

– Прошу прощения? – отозвался он, потом тряхнул головой. – Н-да. Прости, Фрэнки. Просто у меня в последнее время слишком много всего вертится в голове. Быть отцом-одиночкой еще сложнее, чем отцом в полной семье.

– Ты замечательно справляешься, Томас, – заверила его Франческа.

Но это не слишком помогло. Она знала ровно столько, сколько он ей рассказывал, и никак не могла судить, хороший он отец или нет. Но он старался, и это не могло не иметь никакого значения.

– О чем ты говорила? – спросил он.

– Я просто любопытствовала, когда ты собираешься спросить меня о переговорах с «Диснеем», – пояснила она. – Ведь именно из-за этого мы и решили пообедать сегодня вместе, не так ли?

Томас поморщился.

– Боюсь спрашивать.

Франческа отхлебнула холодного чая, который официантка каким-то образом ухитрилась принести, пока Томас витал в облаках. Она помолчала, сделала вдох, как будто тщательно и очень загодя строила несколько последующих предложений. Он никогда не понимал, действительно ли она так делает или это просто способ создать впечатление, будто она собирается с мыслями. Впрочем, это действовало. Он полагал, что все остальное не имеет значения.

– Они хотят дать добро на съемку мультсериала «Обманный лес», который будет идти по «Эй-би-си» в субботу утром два года, а с начала третьего сезона перенести его на дневное время по будням, – ответила она. – Я сказала, что ты не согласен, если Ворчуна будет

озвучивать кто-то другой, кроме Нельсона де Кастро.

– А они?

– Сказали, что не могут позволить себе Нельсона, – призналась она. – Я и спорила, и про нашу аудиторию им втолковывала, и про опросы, и про пробные выпуски. Они стоят на своем. Хотят пригласить Билли Кэррола, он еще играл в этой новой комедии на канале «Фокс», как же она называлась?

Томас вздохнул, почесал затылок и снова вздохнул. Потом глотнул кока-колы.

– Томас! – подхлестнула его Франческа.

– «Дерьмо», вот как она называлась, Фрэнки, – вспыхнул он, и за несколькими столиками люди обернулись на него. – Тот малый недостаточно смешной, недостаточно желчный, недостаточно старый... Черт, да этот парень никогда раньше даже не занимался озвучкой!

Франческа ничего не сказала. Им принесли заказ, и Томас принялся лениво ковыряться в тарелке. В конце концов он с виноватым видом поднял на Франческу карие глаза. И снова взъерошил короткие темные волосы с начавшей пробиваться сединой на висках.

– Прости, – смиренно попросил он. – Просто, понимаешь, я не хотел выставлять Ворчуна на передний план. Черт побери, этот маленький стервец мне даже не нравится. Но когда я мысленно слышу его голос, это голос Нельсона де Кастро, понимаешь? Господи, я даже сам уже не понимаю, зачем все это делаю. Пора покончить с этим сюжетом.

– С тем, который ты сочинял одиннадцать лет, – с умеренным сарказмом в голосе заметила Франческа. – Я думала, ты любишь «Обманный лес».

Томас ничего не ответил, сделал еще глоток кока-колы. Он смотрел на толпу, наводняющую бар, болтающую, флиртующую, напивающуюся. Придя сюда, они отключились от своей работы. Во всяком случае, большинство из них. Но не от всякой работы можно отключиться. Мысли и идеи продолжают роиться в голове, сюжет требует придать ему живости и преследует тебя, куда бы ты ни пошел. В определенном смысле владельцы баров – счастливы. Но он ни за что на свете не согласился бы поменяться с ними местами. Они даже не знают, чего лишены, что значит сочинять истории. Развлекать.

Это все, чего ему хотелось в жизни, – развлекать. В частности, развлекать детишек сказками об Обманном лесе, о месте, куда он всю жизнь уходил в своих снах.

Его взгляд переместился на окно, за которым тени уже дотянулись до тротуара.

– Они согласились на все остальное, чего мы просили? – осведомился Томас.

– И глазом не моргнули, – уверила его Франческа.

– А деньги?

– Не проблема, – подтвердила она.

Томас смотрел, как люди идут по улице, спеша вернуться с запоздалого обеда или направляясь на встречи на другой стороне улицы или на другом конце города. Он даже не глядел на Франческу, когда сказал:

– Заключай сделку.

Томас протянул руку к стакану, мгновение разглядывал карамельного цвета жидкость, кубики льда, мясистый ломтик лайма. Он взглянул в лицо своему разочарованию, напомнил себе о том, как ему повезло, и пошел дальше.

Поднеся стакан к губам, Томас устремил взгляд обратно, мимо стойки бара, за окно, где по улице шли несколько прохожих.

Один из них был гном в зеленой фетровой шляпе.

Стакан лязгнул о зубы и замер. Томас осторожно отставил его.

– Томас, что случилось? – с тревогой спросила Франческа.

Он уже стоял, отодвинув стул назад.

– Подожди секунду, ладно? – пробормотал Томас, чувствуя себя глупее некуда, но не в силах удержаться. – Я сейчас.

Он миновал стойку бара и прибавил шаг. Толкнул стеклянную дверь и встал, глядя на запад, крутя головой по сторонам в попытке разглядеть что-то в потоке людей. Он стоял поперек дороги и мешал людским волнам, колышущимся вокруг, поэтому и зашагал в том же направлении... в том направлении, куда скрылась его цель.

Ворчун.

Томас поднажал, начал обгонять людей и снова остановился на углу Бродвея. Опомившись, чувствуя себя дурак дураком, он посмотрел на север и на юг, потом в последний раз глянул на запад. Карлика шутника, любителя носить зеленые фетровые шляпы, и след простыл.

Не то чтобы он и впрямь верил, будто видел Ворчуна, Одно время он посещал психиатра, но потому, что в среде творческих личностей это модно, а не потому, что у него было что-то не в порядке с головой. И все равно даже с одного мимолетного взгляда, брошенного на человека, который проходил мимо ресторана, он понял, что сходство поразительно. В этом мгновенном кадре и в этой зеленой фетровой шляпе, которая подразумевала, что остальные уже проиграли в сравнении, он показался Томасу куда более похожим на Ворчуна, чем все художественные изображения.

Честно говоря, в этом было что-то жутковатое.

Но по пути обратно в «Лайв Бэйт», к Франческе и ее недоуменным глазам, он начал полностью осознавать, какие возможности открылись перед ним в тот миг, когда он увидел проходящего мимо маленького человечка. Если не вышедший ростом пешеход с чувством юмора смог заставить человека, который придумал Ворчуна, взглянуть на него дважды...

– Меня только что осенило, – сказал он, снова берясь за стакан с кока-колой.

– Ты так это называешь? – спросила она насмешливо. – Я подумала, что ты увидел, как твою машину собираются отбуксировать на штрафную стоянку или еще что-нибудь в этом роде.

Томас улыбнулся, но в голове у него шла лихорадочная работа.

– Что ты скажешь о художественной экранизации, с актерами? – спросил он. – Почему мы ни разу по-настоящему не обсуждали эту возможность? Ну, то есть я знаю, что они скажут: «О, в "Иве" гнома играл карлик, и она провалилась!» Но Ворчун – только один из персонажей.

Какой-то человек, поднимавшийся со своего сиденья за спиной у Томаса, задел его стул и даже не подумал извиниться. Томас едва взглянул на него, поглощенный собственными мыслями. Франческа раздумывала, глядя на Томаса поверх сложенных домиком ладоней.

– Я знаю, что ты собираешься сказать, – первым начал он. – «Это слишком дорого». Но с современными компьютерными технологиями это будет стоить не так и много. Возможно, даже не дороже мультипликации.

– По «Винни-Пуху» не было снято ни одного фильма, – сказала наконец Франческа, позволив пряди густых рыжих волос упасть на левый глаз. Она не отвела ее. Слишком была сосредоточена.

– Неправда. Однажды сняли, но очень дешево и очень плохо. Никто не давал на это

денег, но это потому, что герои «Винни-Пуха» – мягкие игрушки, а актеры только усиливают ощущение неправдоподобности, – возразил Томас – А у нас совсем другая история. Все герои Обманного леса состоят из плоти и крови. Это волшебный лес, но он при этом и настоящий.

Франческа отвела взгляд. Ее глаза бесцельно обводили ресторан. Томас знал ее слишком давно, и такое поведение означало – она хочет сказать ему что-то такое, что, по ее мнению, ему не понравится.

– Что? – спросил он. – Не понимаю, почему эта идея кажется тебе нежизнеспособной.

Прошло несколько секунд, прежде чем она снова взглянула ему в лицо. Она прикусила нижнюю губу – если бы между ними существовало физическое влечение, это даже могло бы показаться чувственным. Но, напротив, лишь раздосадовало его, потому что она чего-то недоговаривала.

– Фрэнки, что? – настаивал он.

– Я закину пробный шар, если хочешь, – сдалась она. – Но не знаю, пойдет ли кто-нибудь на это.

– Господи боже мой, да почему же нет? – спросил он, не веря своим ушам. – Это самый популярный цикл детских книг за несколько десятилетий. Почему бы кому-нибудь не ухватиться за эту идею?

– Могут и ухватиться, – объяснила она – Но – хотя, конечно, это только мое мнение, – я думаю, что художественная экранизация «Обманного леса» может, ну, что ли, напугать некоторых детей, и, боюсь, на студиях со мной согласятся.

– Напугать? – переспросил Томас. – Ты шутишь! Да, я вижу, что не шутишь. Такие шутки не в твоём духе. Но все-таки... что такого страшного в «Обманном лесе»?

– В «Обманном лесе» масса страшных вещей, – не сдавалась она. – В этом половина его прелести и половина причины, по которой он столь популярен. Но живое действие, оно... ну не знаю, слишком реалистичное. Но, послушай, я заброшу удочку.

Томас уже слегка выходил из себя. Он понимал все, что говорила Франческа, и не мог не признать, что она права. Во всем, что происходило в Обманном лесу, таился какой-то угрожающий подтекст. Ворчун, к примеру, был забияка, потенциально опасный персонаж – пусть даже и очень милый, – который носил в наплечных кобурах пару аргументов системы «кольт». В книгах он не меньше дюжины раз грозился прикончить мистера Тилибома, и Томас создал его таким, что это не было шуткой. И все же...

– Слушай, просто прозондируй почву, ладно? – подытожил он. – Теперь, когда «Дисней» покупает права на создание мультсериала, мы будем просто нарасхват. Даже без Нельсона де Кастро.

– Ты же у нас творец, – отозвалась Франческа Почему-то ее ответ показался ему забавным, и Томас ухмыльнулся.

– Угу, – сказал он, – это будет моей эпитафией.

Предвечерний свет оранжевыми бликами играл на стали и стекле – Томас вел свой «вольво» по Со-Милл-парквей. Натан ходил в детский сад при церкви Святой Бригитты в Тарритауне, где он жил со своей матерью. Томас переехал в Ардсли, за несколько миль отсюда, как только они решили разойтись. Не слишком далеко и не слишком близко.

По пятницам Натан оставался в группе продленного дня, чтобы Томас мог поработать, прежде чем забирать его. Обычно, когда ему не надо было ехать на Манхэттен на какую-

нибудь встречу, как сегодня, он все равно появлялся около трех.

Сейчас время уже подбиралось к пяти, а дорога была забита. Сестра Маргарет, разумеется, его дождется. Она милая бабулька, не то что сестра Тереза, деспотичная старая ведьма, которая учила Томаса, когда он пришел в школу Святой Бригитты.

Школа представляла собой самое унылое и ничем не примечательное строение, которое когда-либо значилась в реестрах недвижимого имущества Римской католической церкви. Собственно церковь Святой Бригитты являла собой помпезное здание с рвущимся к небу шпилем и громадной витражной сценой распятия над алтарем, но дом приходского священника на другой стороне улицы и примыкающую к нему школу с таким же успехом можно было принять за военные бункеры.

Когда Томас въехал на площадку за школой, было двадцать минут шестого. Сестра Маргарет сидела на крыльце и с безмятежной улыбкой наблюдала за тем, как Натан выколачивает губки для стирания с доски. Томас хлопнул дверцей машины, и она метнула на него строгий взгляд. Ему пришло в голову, что теперь, когда благодаря новым веяниям большинству монахинь позволено носить мирскую одежду вместо традиционного черно-белого облачения, они выглядят далеко не так внушительно. И все же вид у сестры Маргарет даже без этого пингвиньего наряда был весьма грозный. Если не знать, какая она милая.

– Привет, папа! – радостно завопил Натан, улыбаясь до ушей, хотя ему приходилось щуриться из-за облака меловой пыли. – Я только закончу, и все!

– Давай, дружище, – ответил Томас, усмехаясь про себя.

Сознательности Натану не занимать. Вот уж действительно хороший мальчик. У него были льдисто-голубые глаза – как у Пола Ньюмена, всегда говорила Эмили, – и рыжеватые волосы, которые с возрастом могли как посветлеть, так и потемнеть.

Смышленный, здоровый, славный, общительный. Вот такой Натан. Рэнделлам – еще когда Томаса и Эмили можно было назвать этим собирательным именем – страшно повезло.

Но даже радость от встречи с Натаном лишь откладывала неизбежное. При мысли об Эмили на память Томасу пришла его любимая песня из семидесятых. Это все Манхэттен, подумал он. «Есть те, кто создан друг для друга, есть те, кто любит на всю жизнь. А как же мы с тобой?»

Он всегда безоговорочно верил в подобную романтическую шелуху. Во всяком случае, до тех пор, пока в музыкальные грезы не вторглась настоящая жизнь. Для него это был серьезный удар. Истинность ответа – который был, разумеется, «нет» – глубоко его ранила.

Энтропия. Любовь выгорает. Никакое золото не, блестит вечно. Время проходит.

Все это слюнявая чушь. Но, в конечном итоге, у него есть успешная карьера и есть Натан. Так что, несмотря на душевную боль, он сравнительно счастливый человек.

– Прошу прощения, сестра, – сказал он, взбежав по ступеням, – слишком хорошо вбили в него почтение за те годы, что он провел в школе Святой Бригитты.

– На этот раз я прощаю вас, Томас, – предупредила монахиня, хотя на лицо ее уже вернулась улыбка. – Но только потому, что обычно вы приходите рано.

– Спасибо, сестра М. Вы – золото, – сказал Томас.

Он обернулся, чтобы позвать Натана, но застыл: рука сестры Маргарет невесомо опустилась на его плечо.

– Томас, – начала она, и он снова взглянул на нее, озадаченный ее тоном – Вы с Эмили в последнее время хорошо ладите? – спросила монахиня и слегка покраснела. – Я имею в виду, вообще. Не возникало ли каких-нибудь добавочных стрессов или... или трений, которые

Натан мог бы заметить?

В этом мягком вопросе звучала искренняя тревога, поэтому Томас не стал отмахиваться от сестры Маргарет, как, возможно, отмахнулся бы от любого другого, решившего сунуть нос в его личную жизнь.

– Поймите, пожалуйста, меня волнует только благополучие Натана, – продолжила она, явно опасаясь, что задела его.

– Я отлично все понимаю, сестра, – уверил он ее. – Но кроме стресса из-за самого развода мне ничего не приходит в голову... ну, то есть мы с Эмили изо всех сил стараемся, чтобы Натану было полегче. Его что-то гнетет?

Сестра Маргарет нахмурилась, потом вскинула брови и вздохнула.

– Ничего конкретного, Томас, – призналась она. – Просто последние несколько дней у него очень расстроенный вид. Я спросила, не тревожит ли его что-нибудь, и он ответил, что ему грустно, но с детьми, которые пережили развод родителей, это бывает.

Томас заметил, что в устах сестры Маргарет, в отличие от многих знакомых ему представителей духовенства, слово «развод» не звучит постыдно. Он был благодарен ей за это.

– Наверное, ничего страшного, – сказала она наконец.

– Я поговорю с ним, – решил Томас. – Спасибо за заботу, сестра.

– У вас замечательный мальчик, с необыкновенным воображением, – тепло сказала сестра Маргарет. – Думаю, это не слишком неожиданно для ребенка, отец которого придумал Обманный лес, и все же это прекрасное качество.

На лице Томаса промелькнула кривая усмешка.

– Я сказала что-то смешное, мистер Рэнделл? – с притворным ужасом осведомилась сестра Маргарет.

– Я просто вспомнил свое пребывание в школе Святой Бригитты, – признался Томас – Тогда монахини пытались как могли укротить мое воображение. Я постоянно что-то рисовал или писал. Меня считали чудачком и нарушителем дисциплины просто потому, что я не был таким же серьезным, как остальные ребята.

– Тогда был такой подход, – согласилась сестра Маргарет. – В наши дни мы поощряем буйную фантазию. Творческие порывы идут на пользу ребенку, а впоследствии, возможно, и всему миру. Это дар Божий.

– Папа, мы идем или нет? – возмутился Натан.

Закончив выбивать губки, он стоял в сторонке, но его явно ограниченное терпение истощилось.

– Идем, дружище, – отозвался его отец. – Прощайся с сестрой Маргарет и поедем есть пиццу, которую я тебе обещал.

– Пепперони? – воскликнул Натан.

– А то! – ответил Томас.

Натан издал восторженный клич, помахал сестре Маргарет и подбежал к пассажирской двери отцовского «вольво». Томас сунул руку в карман и выудил ключи. Он нажал крохотную кнопку, которая отключала автомобильную сигнализацию, и крикнул «спасибо» в спину почти уже скрывшейся в школе монахини.

Томас открыл дверцу, велел Натану пристегнуть ремень безопасности и в последний раз взглянул на школу, прежде чем усесться в машину. Это было старое здание, выцветший гранит и бетон. Оно всегда казалось ему тоскливо-унылым. Но сейчас впервые в глаза ему

бросилась строгая простота школьного здания, имя, высеченное над входом, и распятие там же.

Стоянка для машин представляла собой еще и площадку, где он с приятелями много лет назад играл на переменах. Шелест ветерка, ерошащего листья могучих дубов, которые все так же стояли на краю площадки, ласковое предвечернее солнышко, припекающее асфальт, и пение птиц, такое знакомое, что он едва замечал его... Все это перенесло его в прошлое. Всего на мгновение.

Ему ужасно хотелось, чтобы Натан пережил все хорошее, что в свое время пережил он. Все, и еще больше.

– Ну, как у тебя дела, Натан? – поинтересовался он, заводя мотор.

Мальчик не отвечал.

– Натан? – переспросил Томас, бросив взгляд на Бродвей в обоих направлениях, прежде чем свернуть налево и поехать на юг, к Ардсли.

И снова нет ответа.

Томас оглянулся и увидел, что Натан внимательно смотрит в одну точку на соседнем сиденье и почти неслышно что-то шепчет.

«А-а, – подумал Томас. – Дичок».

Томас, или Ти-Джей, Рэнделл, был сыном военного. Его отца переводили так часто – из Массачусетса в Техас, из Калифорнии в Виргинию, – что они со старшей сестрой Тришей ни в одной школе не проучились больше двух лет. По крайней мере, пока был жив их отец и еще некоторое время потом. В конце концов Рут Рэнделл перевезла детей обратно в свой родной городок Северный Тарритаун в штате Нью-Йорк. Томас тогда был в седьмом классе.

С тех пор он считал своим домом только это место.

Мать не дожидаясь выпуска всего месяц, а Триша давным-давно переехала в Лос-Анджелес, где устроилась работать помощником режиссера в небольшую телекомпанию. В то место, которое Томас называл своим домом, она приезжала дважды – на похороны матери и на крестины Натана. Они перезванивались с полдюжины раз в году.

Томас любил сестру. Просто он не слишком хорошо ее знал. И не делал особых попыток исправить положение. Писательство не располагало к общению, разве что с теми немногочисленными друзьями, которых он завел по работе – и с которыми переговаривался исключительно по телефону или обменивался письмами по электронной почте, – и с его агентом. Возможно, отчасти поэтому ему пришлось так нелегко, когда они окончательно расстались с Эмили. Она была единственным оставшимся в его жизни человеком, который по-настоящему, на самом деле его знал.

В самые мрачные мгновения Томас задавался вопросом: как его характеризует то, что они больше не могут жить вместе?

И все же, пока у него есть его работа и есть Натан, жаловаться не на что. Конечно, немало было такого, что ему хотелось бы изменить в своей жизни, но он всегда полагал, что у всех так. Тем не менее, несмотря на его теперешнее одиночество, жизнь была ему в радость. Все, что надо было сделать в эти мрачные мгновения, это взглянуть в глаза своего сына.

Северный Тарритаун не так давно одержал победу в борьбе за право переименоваться в Сонную Лощину, поскольку местная легенда утверждала, будто бы Вашингтон Ирвинг сочинил свои произведения о всаднике без головы, Рипе ван Винкле и прочих прославленных персонажах именно здесь. В старших классах Томас даже учился в школе «Сонная Лощина», которая нарекла себя этим гордым именем задолго до того, как город последовал ее примеру.

Томас проехал по Бродвею через Сонную Лощину и въехал в сам Тарритаун, время от времени бросая взгляды на мост Таппан-Зи, висящий над Гудзоном в бледном предвечернем свете. На холме слева находился Мэримаунтский колледж, где училась его мать.

Жмурясь на позднее солнце, Томас взял с приборной панели купленные за доллар солнечные очки и надел их. Потом оглянулся на сына и увидел, что Натан все так же еле слышно болтает на тарабарском языке непонятно с кем.

По крайней мере, так это выглядело. Но Томаса Рэнделла не обманешь видимостью. Он точно знал, с кем разговаривает его сын.

Дичок был воображаемым другом Натана. Судя по тому, что Томасу с Эмили удалось выведать, этот невидимый приятель был порой неуживчивым маленьким рыжеволосым мальчиком на два или на три года старше Натана. Впервые Дичок появился вскоре после

того, как Томас и Эмили решили разойтись. Для ребятшек его возраста воображаемые друзья не были чем-то из ряда вон выходящим, в особенности в тех случаях, когда обстановка в семье оставляла желать лучшего. Во всяком случае, так сказала психолог, доктор Моррисси.

– Натан, – повторил он еще раз.

Мальчик не отвечал.

– Натан! – сказал он чуточку резковато и положил руку сынишке на плечо. В конце концов Натан обернулся к нему.

– Уже почти приехали, папа? – спросил Натан, как будто они ехали черт знает сколько времени.

– Ты же знаешь, что да. Через пять минут приедем, – ответил Томас, потом улыбнулся. – А Дичок тоже будет пиццу?

Рот Натана начал кривиться в ухмылке, как бывало всегда, когда он собирался обозвать отца глупышом. Но ухмылка быстро сошла, и Натан нахмурился.

– Дичок не голодный, – заверил он. – Зато я голодный!

– Вот и хорошо, нам больше достанется, – подытожил Томас – А почему Дичок не хочет есть?

– Просто он глупыш, папа, – сказал Натан. – Он боится.

– Боится? – переспросил Томас, и теперь настал его черед хмуриться. Интересно, не поэтому ли Натан витает в облаках? Он знал, что сестра Маргарет непременно подняла бы эту тему, если бы Натан и в самом деле вел себя странно. К тому же она уже знала про Дичка, так что дело было не только в этом.

– Чего Дичку бояться? – спросил Томас. – Его никто не видит и не слышит, только ты. А ты никогда не причинишь ему зла.

Логика пятилетки. Томас всегда старался воздействовать на Натана убеждением, но он ушел слишком далеко, чтобы помнить. Пять лет. Что творится в голове в таком возрасте? Он не мог вспомнить.

Внезапно Томас поймал себя на горьком сожалении о том, что они с Эмили не стали дальше водить Натана к доктору Моррисси. По всей видимости, у малыша появились глубоко укоренившиеся тревоги на почве их развода. Чувство вины подняло свою уродливую голову, но Томас задавил его. Натану куда лучше без постоянных родительских ссор.

Но порой вина заглушала доводы разума. От одной мысли о том, что он причинил своему собственному ребенку такую боль и горе, ему становилось тошно.

– Никто не обидит Дичка, дружище, – пообещал он Натану с натянутой улыбкой. – Никто не заберет его от тебя.

– Дичок не верит тебе, папа! – воскликнул Натан; теперь он разволновался еще больше. Хотя поначалу, похоже, воображаемое мнение его воображаемого друга вызывало у него сомнения, теперь, как видно, он был сам не свой.

– Они уведут его и сделают ему больно, может, даже убьют его, папа! – настаивал Натан.

Потом полились слезы.

Томас притормозил у обочины и, включив аварийную сигнализацию, отстегнул ремень безопасности. Он потянулся, отстегнул ремень Натана и прижал сына к себе в медвежьем объятии, все это время кляня себя. Он знал, что ни в чем не виноват. Такова жизнь. Но знать и чувствовать – две большие разницы, а чувствовал он приступ ненависти к самому себе.

– Тише, Натан, все хорошо, – прошептал он. – Папа здесь. Я не дам тебя в обиду никому... и Дичка тоже.

– Ты не можешь их остановить, папа, – всхлипнул Натан. – Дичок говорит, они все равно схватят его.

– Кто «они», дружище? – спросил Томас сынишку, озадаченный упорством мальчика. – Кто собирается его обидеть?

– Все. Султанчик, и Ворчун, и Боб Долгозуб, и древесные нимфы. Шакал Фонарь ^[3] собирается обидеть Дичка, папа. Они все хотят ему зла, – прорыдал Натан.

Томас только глазами захлопал. Обманный лес. Натан говорил о героях «Обманного леса», героях, про которых Томас – вернее, Ти-Джей Рэнделл – писал большую часть своей взрослой жизни. О героях, которые все это время обеспечивали семейству Рэнделл безбедную жизнь.

– Зачем... зачем им делать это? – спросил Томас, даже не удивляясь абсурдности собственного вопроса.

– Дичок говорит, это потому, что он здесь, со мной, а они... они до сих пор там, в Обманном лесу, – сказал Натан; голос у него дрожал, но слезы уже начали иссыхать.

– Да ну же, Натан, – взмолился Томас, пытаясь воззвать к разуму мальчика – Ты же знаешь, что герои из Обманного леса – не взыправдашние. Папа их всех выдумал. И даже если бы они были настоящие, Ворчун и Султанчик ни за что не подружились бы с Бобом Долгозубом и всеми остальными.

«Ну вот, – подумал он. – Логика пятилетки». И это, похоже, подействовало, потому что Натан тут же слегка повеселел.

– Дичок просто глупыш, – продолжал Томас. – Ну кто еще откажется от пиццы пепперони?

– Глупыш, – согласился Натан, глядя на пустое место, где понарошку должен был находиться Дичок.

Остаток пути до «Пицца Палас» мальчик не разговаривал со своим невидимым другом. Когда они принялись за еду, разговор свернул на песочницы, качели и почему шоколадное молоко – самое лучшее творение Бога.

Но это происшествие никак не шло у Томаса из головы. Он дал себе слово поговорить об этом с Эмили в воскресенье, когда будет отвозить Натана. Пожалуй, придется им снова походить к доктору Моррисси.

Когда в субботу утром Томас закончил печь Натану оладьи, его мысли снова вернулись к сделке со студией Диснея и возможности экранизации «Обманного леса». Угроза жизни и благополучию Дичка была забыта.

Натан был в восторге, до ушей перемазанный кленовым сиропом. Солнце нагревало кухню, несмотря на прохладный ветерок, врывающийся в окно над раковиной. День выдался чудесный. Натан болтал о Джонни Квесте, Скуби-Ду и прочих любимцах из числа творений мультипликационной машины времени, именуемой «Картун Нетворк». Томас давно не помнил, чтобы ему было так хорошо. Радовался, что может разделить любовь сына к определенным мультикам. Как мало нужно для счастья.

За завтраком они болтали и дурачились, и Томас в который раз похвалил себя за то, что у него хватило предусмотрительности снять дом, а не квартиру. У Натана была своя комната, и ему приходилось по-настоящему спускаться к завтраку. Почему-то это казалось важным.

От этого он становился настоящим домом, а не просто папиным домом, куда он приезжал на выходные.

К тому же он был очень славный. Томасу повезло, что он нашел его, да еще за приемлемую цену. Ведь несмотря на то что он зарабатывал вполне приличные деньги, жить на два дома, отдельно он и отдельно Эмили... Она занимала не самую последнюю должность начальника отдела кадров в «Сентинел Софтвер», но на то, чтобы расплачиваться с кредитом за дом, по счетам и за детский сад, средств не хватало – не говоря уж о том, во что обходилось растить Натана... В общем, это был клад, а не дом. В традиционном колониальном стиле, построенный всего несколько лет назад. Наверху помещались три спальни, одну из которых Томас приспособил под кабинет. Внизу он превратил помещение, которое, наверное, служило столовой, в библиотеку. Помимо этого в доме была только гостиная и кухня. И ванные, разумеется, по одной на каждом этаже.

Черно-белый дом находился в хорошем состоянии, но был практически лишен какой-либо индивидуальности. Он был слишком новым, а заботы Томаса по обустройству не продвинулись дальше того, чтобы захлать его книгами и видеокассетами. Он уже много лет не читал комиксов, но хранил коллекцию, которую собрал за время учебы в колледже, и с нетерпением ждал той поры, когда у Натана может проснуться к ним настоящий интерес. Если его вообще будут интересовать комиксы. В эпоху Интернета и компакт-дисков дети перестали тратить время на чтение чего бы то ни было.

И книг тоже.

Да, ребяташки влюблялись в Обманный лес, стоило только познакомиться их с ним. Но Томас обнаружил, что его, Ти-Джея Рэнделла, читатели – на самом деле родители, а не их дети. К его огромному удовольствию, Натан уже не на шутку пристрастился к книгам и историям.

В кухню с неожиданной силой ворвался заблудившийся ветерок.

– Папа, можно мне еще сока? – попросил Натан.

Томас налил ему сок и принялся убирать со стола. Когда посуда была вымыта, он принял душ, пока Натан смотрел старые мультики про Супермена.

– У нас впереди отличный день, дружище! – провозгласил он, вытираясь насухо. – Как ты смотришь на то, чтобы сходить в зоопарк?

Даже Супермену не под силу было тягаться с зоопарком в Бронксе. Натан радостно завопил и исполнил небольшой танец, который был его фирменным номером с тех пор, как ему исполнилось два. У Томаса перехватило горло, и он улыбнулся так широко, что его чуть суховатые губы едва не треснули.

– Идем! – воскликнул Натан.

Томас показал ему два больших пальца.

– Клево! – сказал он, и Натан повторил его жест и возглас.

Потом, когда они поедали сахарную вату и смотрели, как возятся обезьяны, Томас, к собственному удивлению, пожалел, что с ними нет Эмили. Неожиданная и непрошенная грусть начала просачиваться в очарование дня, разъедая его.

– Ну, Натан, видишь своих друзей? – спросил он, отделяваясь от этого ощущения. – Мартышки, как мама всегда тебя зовет.

Натан посмотрел на него как-то странно.

– Мама не называет меня мартышкой, пап, – сказал мальчик с таким видом, как будто у его отца были галлюцинации.

Томас поморщился. Он чуть было не стал возражать, но потом сообразил, что уже довольно давно не слышал, чтобы Эмили называла Натана своей «маленькой мартышкой». Возможно, прошло слишком много времени и мальчик просто забыл. Грусть едва не завладела им окончательно, но он заглушил ее. Сейчас они создают новые счастливые воспоминания. Это и есть жизнь. Настоящее. А не прошлое или будущее. Дети растут с ужасающей быстротой, и Томасу хотелось выжать как можно больше из каждого дня, который он проводил с сыном.

Натан уже давно не спал днем, но по пути из зоопарка домой его сморило. День выдался утомительный, и Томас и сам был бы не прочь вздремнуть. Но должен же кто-то был вести машину. Когда они свернули на подъездную дорожку к их дому в Ардсли, он заметил, что Натан сжимает в руках длинное зеленое перо, и удивился, где мальчик его взял. Наверное, решил он, в павильоне с попугаями в зоопарке, хотя Томас что-то не припомнил, чтобы видел там хоть одну птицу с таким переливчатым зеленым хохолком. Перо было таким ярким, что казалось ненастоящим, словно раскрашенным.

Когда Томас заглушил двигатель, Натан пошевелился, и перо исчезло между сиденьем и пассажирской дверцей.

– Мы приехали, Натан, – сказал он. – Что ты хочешь на обед?

– Пиццу пепперони, – последовал вполне предсказуемый ответ.

– Опять? Нет уж. Что скажешь о домашних рыбных палочках с жареной картошкой? – спросил Томас.

Натан буркнул что-то в знак согласия, еще не до конца проснувшись. Томас улыбнулся, понимая, что теперь, когда Натан поспал днем, он будет колобродить до позднего вечера. Что вполне его устраивало. Он как раз собирался на этих выходных ввести Натана в чудесный мир сериала «Планета обезьян». Он надеялся только, что потом его сыну не станут сниться кошмары.

– Папа! Папочка!

Глаза Томаса распахнулись за миг до того, как он понял, что на самом деле не спит. И все равно то, что разбудило его, все еще оставалось частью мира снов, который он только что покинул. В голове стоял туман, и его следовало изгнать, прежде чем можно было начинать соображать по-настоящему.

Следующий крик Натана привел его в чувство.

– Папочка! – кричал его сын в другой комнате.

Голос у Натана был дрожащий, жалобный – Томас хорошо помнил его с доразводных времен, когда Натан был меньше и чаще просыпался по ночам. Малыш проснулся в одиночестве и испугался. Ему приснился страшный сон.

– Чтоб тебя, Родди Макдауэлл^[4], – буркнул Томас и откинул одеяло. – Уже иду, дружище! – крикнул он. – Все в порядке!

Томас, как был в трусах и футболке, поспешил по коридору в комнату Натана. У его ног что-то пошевелилось, что-то невесомое и зеленое, заколыхавшееся при его прохождении. Зеленое перо? То самое, которое, как он думал, Натан забыл в машине.

Но стоило ему распахнуть дверь в комнату Натана, как перо было забыто. Призрачный свет ночника заливал покрывало с символикой Национальной футбольной лиги жутковатой, как от газового рожка, бледностью. Тени разбежались по складкам постельного белья, по

подушкам, по самому Натану, который жался к спинке кровати. С мокрыми от слез щеками мальчик, раздавленный ужасом, смотрел на расплескавшийся мрак. Томас вгляделся пристальнее в то, что так напугало его сына, и на мгновение тени перестали быть тенями.

Казалось, они превратились в фиолетовые пятна крови, пропитывающей белье и покрывало, забрызгавшей стены... забрызгавшей Натана. Томас шарахнулся, поморгал и с усилием выговорил имя сына.

– Нат... Натан? – произнес он, и когда слово сошло с его губ, тени уже снова стали просто тенями, и Томас сообразил, что они никогда и не были ничем иным. Пожалуй, ему тоже стоило более ответственно подходить к тому, что он смотрит на ночь. Или это просто чувство вины дает о себе знать?

– Папа – крикнул Натан. – Ой, папочка, спаси меня!

Он бросился к постели сына, подхватил мальчика на руки и с размаху опустился на край кровати. Натан разрыдался, уткнувшись лицом в отцовское плечо, и Томас крепко прижал его к себе, принялся нашептывать на ушко слова любви и утешения.

– Это был просто плохой сон, зайка, – уговаривал он, хотя уже два года как перестал называть Натана «зайкой» – это ласковое словечко казалось ему слишком девчачьим. – Просто плохой сон, и папа теперь с тобой. Я никому не дам тебя в обиду.

Натан продолжал всхлипывать, цепляясь за отца, как будто его в любую минуту могли вырвать из теплоты объятий Томаса. Все, на что Томаса хватило, это не расплакаться вместе с сыном. Что бы мальчику ни приснилось, он не мог отделаться от чувства, что часть ответственности лежит и на нем тоже.

Все уговоры Томаса ни к чему не привели, и в конце концов он оторвал Натана от себя, отстранил мальчика на вытянутых руках и взглянул в его полные страха глаза.

– Эй, эй, а ну-ка успокойся, – мягко велел Томас. – Натан, дружище, тебе уже снились кошмары. Все хорошо, папа с тобой. Что тебе приснилось?

– Разве ты не видел кровь, папа? – прорыдал Натан; отцовские слова, казалось, лишь еще сильнее растревожили его.

От этого вопроса Томаса бросило в дрожь, но он подавил воспоминание о том, что почудилось ему в сумраке несколько секунд назад. В комнате Натана не было ничего, кроме самого Натана и призраков, которые всегда создавал свет ночника и воображение малыша. И еще боль от раскола семьи.

– Не было никакой крови, Натан, – заверил он. – То, что ты видел, это просто плохой сон. Это не взаправду. Ты ведь знаешь это, дружище. Ты большой мальчик. А теперь расскажи папе про свой сон, и сам поймешь, что это было не по-настоящему.

Натан на миг воззрился на него с сомнением, хлюпая носом. Потом его глаза обежали комнату, вспоминая, и он снова ударился в рев.

– Они приходили за мной, папа, – плакал Натан. – Они приходили за мной, хотели забрать меня, пока я спал. Но Дичок не дал им, пап. Он не дал им схватить меня... и они убили его!

В душе у Томаса Рэнделла начала подниматься волна чудовищного страха. Неуместный наблюдатель, с которым он уже свыкся за многие годы, на миг встрял и подметил сходство с ощущением, которое возникало у него, когда он был абсолютно уверен, что заболевает, и столь же точно знал, что предотвратить болезнь ему не под силу.

– Никто не мог убить Дичка, Натан, – заверил Томас сына, наклоняя голову так, чтобы заглянуть мальчику в глаза. – Дичок не взаправдашний. Мне очень жаль это говорить, но это

так. Он – твоя выдумка, и у меня такое чувство, что ты уже это понимаешь, верно? Он ничуть не более настоящий, чем герои, которых я придумал для «Обманного леса».

– Нет! – воскликнул Натан, на этот раз сердито. – Дичок спас меня, и они *убили* его, папа! Я видел. Они убили Дичка!

– Я не... Кто «они», Натан? – спросил наконец Томас; впрочем, он подозревал, что ответ ему уже известен. – Кто убил Дичка?

Натан замер и взглянул на Томаса. Ужас прошел, сменился горем и потрясением. Чувствами слишком реальными, чтобы мальчик из плоти и крови терзался ими из-за привидевшегося во сне убийства воображаемого приятеля.

– Натан? – настаивал Томас, уже чувствуя, как к сердцу подкрадывается боль.

– Это были они, папа, – прошептал Натан; на мальчика нашло какое-то холодное спокойствие.

– Они приходили за мной. Хотели забрать меня от тебя и от мамы. Хотя, думаю, больше от тебя. Но Дичок... Это все Султанчик и Ворчун, – сказал мальчик, и тут снова вернулись слезы, и Натан опять уткнулся лицом в отцовское плечо и плакал, пока не уснул.

За все это время Томас не промолвил ни слова. Утешения не шли ему на язык, так потрясли его кошмары сынишки. Он и не подозревал, что развод столь сильно подействовал на него. Столь сильно, что в его кошмарах те, кого он, видимо, считал воображаемыми друзьями отца, умертвили его друга. Но хуже всего была твердая убежденность мальчика в том, что герои из Обманного леса пришли за ним, что они намеревались обидеть его.

Несколько минут Томас мог лишь сидеть и смотреть на своего славного малыша и гладить его по голове, раздавленный теми ужасными последствиями, которые его развод причинил воображению Натана.

Казалось совершенно очевидным, что ночные кошмары и дневные выпадения Натана из реальности почему-то связаны исключительно с чувством обиды на отца. Уязвимая часть души Томаса Рэнделла не желала слушать того, что ему скажет доктор Моррисси. Но он ведь отец и хочет своему сыну здоровья и счастья, чего бы это ни стоило.

Томас уложил Натана обратно в постель и поцеловал мальчика в лоб. Он накрыл сына одеялом и прошел по коридору обратно в свою комнату, даже не взглянув, лежит ли все еще на полу зеленое перо.

Заснуть он не мог еще долго. Но даже когда сон пришел, он был прерывистым. Томаса преследовали свои кошмары, все до единого благополучно забытые в считанные секунды после того, как он проснулся на рассвете воскресным утром.

Она чувствовала себя изменницей. Вот в чем беда. Сколько бы Эмили ни твердила себе, что Томас ей больше не муж, она все равно чувствовала себя изменницей.

Лучи утреннего солнца полосовали кровать, мир светотени, в котором она уютно устроилась под бордовой хлопковой простыней. Ногам на солнышке было тепло, левая ступня высывалась из-под одеяла. Но ее туловище, ее лицо, тонущее в двух пышных подушках, нежились в приятной прохладе в тени, которая только и осталась от темноты.

Если, конечно, не считать Джо Хэйеса, мужчину, который провел эту ночь в ее постели. В постели, где они с Томасом зачали их единственное дитя, где они сделали своего маленького мальчика, которого оба любили так сильно.

Она чувствовала себя изменницей.

Эмили лежала с закрытыми глазами еще некоторое время, долгие минуты после того, как она полностью проснулась. Она не хотела знать. Не хотела думать. Просто наслаждалась ощущением свежего ветерка на лице, теплым солнышком, ласкающим ноги, и присутствием еще одного человека рядом с ней в постели. Тяжестью мужского тела.

В конце концов Эмили перевернулась на другой бок, шелестя простынями, и с облегчением обнаружила, что Джо еще спит. Она смотрела на него, смотрела, как вздымается и опадает его грудь, смотрела на его великодушное лицо, на это невинное выражение, за которым скрывалась способность, которой обладают все мужчины, – способность растоптать душу женщины безо всякого злого умысла. Вот что в них самое худшее, подумалось Эмили. Они так часто несут разорение, оставляют после себя одни руины, и все это из самых благих побуждений. Просто они думают по-другому.

Хотя, возможно, у них больше общего, чем Эмили хочется признать. Ведь оказались же они в одной постели. Джо – добрый и искренний, умный и забавный; быть может, чуточку заносчив, но в небольших дозах ей это нравится. Именно это убедило ее вчера, что грядущая ночь – самое время, чтобы довести их зарождающиеся отношения до логического конца. Но что в нем привлекло ее? Что подвигло ее начать кокетничать с ним тем вечером, когда девицы с работы вытащили ее «развеемся»?

Он был настоящим красавцем, но, казалось, не сознавал этого.

И да, он был на целых семь лет младше нее, а мужчина в этом возрасте обладает какой-то пьянящей недосыгаемостью. Ну, во всяком случае, он казался недосыгаемым в тот вечер, когда они познакомились. На вид.

Внезапно захваченная влечением к нему, Эмили наклонилась, соскользнувшая простыня открыла ее наготу – когда, кстати, она в последний раз спала нагишом? – и крепко поцеловала Джо в губы. В тот же миг его глаза распахнулись, и он ответил на ее поцелуй еще до того, как проснулся. Его руки поднялись и обхватили ее, и она ленивым движением завалилась на него. Его тело на мгновение напряглось, как будто спрашивало ее о намерениях. Но ей сейчас нужен был не секс, она хотела близости.

Эмили получила ее и была обрадована тем, что Джо оказался таким щедрым на это. Он страстно целовал ее, его пальцы играли ее волосами, ее груди прижимались к его груди. Потом поцелуй завершился, и любовники прижались друг к Другу носами и улыбками, и лишь после этого они отстранились друг от друга – Эмили почти упала на постель.

Внезапно с ощущением счастья она перестала чувствовать себя изменницей. У нее

возникло такое чувство, что это было самое удачное ее решение за долгое-долгое время.

– Доброе утро, – сказал Джо чуть хрипловатым со сна голосом.

– Угу, – согласилась Эмили. – Доброе. Хотя если бы ты поднялся раньше меня и приготовил завтрак, оно было бы еще лучше.

– Я что, похож на кухонного мужика? – осведомился он с озорной ухмылкой.

– Ну... – протянула она игриво, и он легонько шлепнул ее по ягодице. Легонько ровно настолько, чтобы это было приятно. – О-о, – проворковала она, – повтори еще разок.

– Ну уж нет, – притворно оскорбился Джо. – Ты этого не заслуживаешь.

– Правда? – кокетливо осведомилась она.

Оба замолчали, глядя друг на друга.

– Я рад, что не ушел вчера вечером, – сказал он.

В голове у Эмили тренькнул тревожный звоночек.

– Ты хотел уйти? – спросила она, не потрудившись скрыть обиду и досаду.

– Обычно я не задерживаюсь до утра, – отозвался он как ни в чем не бывало. – Это все равно что перейти какую-то границу, когда секс превращается в нечто большее, и ты никогда не знаешь, не пожалеет ли женщина обо всем утром. От этого может быть очень неловко, и иногда лучше уйти и посмотреть, как все сложится потом.

– И почему же ты не ушел? – поинтересовалась Эмили, уже лучше овладев собой.

– Разве это не очевидно? Мне не хотелось уходить. Это ничего? – с надеждой спросил Джо.

– Это гораздо лучше, чем ничего, – ответила она.

– Значит, ты не жалеешь?

Вопрос повис между ними на несколько секунд, и Эмили вдруг вспомнилось, как на школьных танцах в восьмом классе монахини расхаживали по залу, приглядывая, чтобы девочки и мальчики оставляли между собой пространство – «для Святого Духа». Она чуть не прыснула, но вовремя остановилась. Джо может неправильно это понять. Она вдруг обнаружила, что очень тщательно подбирает слова для того, что собиралась сказать.

– Эм? – повторил он, нахмутив брови, и сел на постели с поджатыми под себя ногами.

Ей нравилось, что для него все это, похоже, имело такую важность. Она так давно не была ни с каким вообще другим мужчиной, кроме Томаса, так давно вообще выбыла из этой гонки, что это приводило ее в ужас. Она вспоминала головоломные тендерные игры, в которые играла до замужества, и далеко не все из них с нежностью. С Джо все было совсем не так. Ей повезло. Пока что.

– Нет, – сказала она наконец с такой серьезностью, от которой, казалось, изменилась даже температура в комнате. – Я не жалею ни о прошлой ночи, ни о том, что ты все еще здесь. Мне... ужасно хорошо с тобой.

– Я так и слышу надвигающееся «но», – мрачно проговорил Джо.

– Но, – сказала Эмили со слабой улыбкой, – я – женщина с прошлым, понимаешь? Томас будет частью моей жизни до конца моих дней, пусть даже временами мне хочется его убить. Он был не просто моим мужем – он был еще и моим лучшим другом. И он отец моего ребенка. Он все время будет маячить на горизонте, неважно, злюсь я на него или до сих пор немножко люблю, – это состояние каждый день разное. Это не имеет к тебе никакого отношения. Эта часть моей души для тебя закрыта.

Эмили в упор посмотрела на него.

– Ну, ты не бьешь себя в грудь, не кричишь, как Тарзан, и не бежишь к двери, так что,

полагаю, это добрый знак, – сказала она чуть погодя.

Однако на этот раз настал черед Джо молчать. Его глаза перескакивали с места на место, искали в ее лице что-то такое, в наличии чего она была вовсе не уверена. Потом он опустил взгляд на постель и вздохнул. Теперь солнечные лучи тянулись через всю кровать, и он повернул голову так, что его серые глаза оказались в тени. Поскреб костяшками пальцев подбородок, за ночь заросший щетиной.

Когда он наконец посмотрел на нее, Эмили на один предательский миг почувствовала, что может полюбить Джо Хэйеса, если он правильно разыграет свою карту. Предательский потому, что она никогда толком не умела играть в карты.

– Эмили, милая, послушай, – сказал Джо. – Мы сейчас находимся в первой главе нашего романа, во что бы он потом ни превратился. Что касается меня, я хочу посмотреть, в какую сторону повернет сюжет. Все, что случилось в прошлой книге, интересует меня лишь постольку, поскольку благодаря этому ты стала такой потрясающей женщиной, какой мне кажешься.

Эмили широко улыбнулась, завернулась в простыню и поднялась, оставив голого Джо лежать на постели.

– Ух ты, – сказала она, не оборачиваясь. – Я стараюсь держать себя в руках, господин преподаватель английского, но это едва ли не самая гладкая фраза из всех, что мне доводилось слышать. Впрочем, надеюсь, это не просто фраза, Джо. Понимаешь, сейчас почти весь мой мир – это Натан Рэнделл. Этот мальчик – мое сердце и душа, и мысль о том, чтобы впустить туда еще одного человека, человека, чье присутствие, скорее всего, в той или иной степени отразится на нем.

– Это не фраза, Эм, – уверенно сказал Джо. – И тебе решать, какая часть наших отношений будет проходить на глазах у Натана, если он вообще будет о них знать. Ты разыгрываешь эту игру.

– Что ж, если ты ставишь вопрос таким образом...

Эмили не договорила и развернулась к нему. Простыня полетела на пол, и она предстала перед ним в солнечном свете, обнаженная, захваченная чувственностью этого мига. Такой раздетой, такой уязвимой она не стояла ни перед кем уже долгие годы. Ее переполняли страх и свобода. И она упивалась ими.

Эмили сделала два шага вперед и прыгнула на кровать, принялась подсакивать и смеяться, возясь с Джо. Он целовал ее, ласкал ее лицо, и они занимались любовью до тех пор, пока завтракать не стало слишком поздно, а обедать – слишком рано.

В воскресенье утром, после завтрака, Натан убежал на двор играть в большой песочнице – этот сюрприз отец сделал ему к его приезду несколько недель назад. Песочница была в форме дракона. Точнее, она являла собой большую пластмассовую версию Смычка, тощего хлопотливого дракона из «Обманного леса», который, словно громадный сверчок, извлекал мелодию из своих крыльев, потирая ими друг о друга.

Смычок был желто-зеленый, с темными крыльями и ярко-оранжевой чешуей на брюшке. Но у Смычка-песочницы не было оранжевого брюшка. На месте брюшка у него была здоровая дырка, наполненная песком. Пластмассовый дракон лежал, на спинке, распластав малюсенькие крылышки, а Натан Рэнделл играл в его наполненном песком пузике.

Томас смотрел на сына из окна над раковиной, моя посуду после завтрака. Утром все

было в порядке, ни намек на кошмары прошедшей ночи. Мальчик ни разу не заговаривал о Дичке, и все же Томас не мог отделаться от ощущения, что в душе Натана что-то происходит.

Может быть, этим кошмаром подсознание Натана пыталось избавиться от Дичка. За ненадобностью в таком воображаемом друге, или что-то в этом роде. Томасу хотелось в это верить – это изрядно облегчило бы его собственную совесть. Но ему показалось странным, что Натан не завел об этом разговор. Прошлой ночью он был перепуган, просто в ужасе, и Томас не мог его винить. Надо же такому присниться – Дичка... в общем, убили. В приступе легкомыслия он мог бы списать этот сон на то, что мальчик слишком много смотрит телевизор, но дело не только в этом.

Сестра Маргарет права. Не надо им было уходить от доктора Моррисси. Казалось, он вполне спокойно пережил их развод, и врач то же самое сказала. Но Эмили и Томас так хотели этому верить! Его сын – замечательный, здоровый, смешной маленький мальчик, наделенный живым воображением. Учитывая все то, что могло пойти не так во время и после беременности, то, сколько подводных камней нужно избежать в течение первых нескольких лет жизни, им очень повезло.

Очень посчастливилось.

А потом из-за того, что они больше не могли жить друг с другом, Томас и Эмили разрушили эту идиллию. Томасу даже помыслить об этом было тошно, но с прошлой ночи он никак не мог заглушить голосок, который твердил, что они с Эмили в некотором роде испортили Натану жизнь.

Возможно, навсегда.

Навсегда – это страшно долго.

Внезапно он понял, что едва не плачет.

«Господи, – подумал он. – А ну-ка возьми себя в руки».

Люди каждый день разводятся. И в большинстве случаев дети у них вырастают счастливыми и здоровыми. Может быть, они что-то и теряют, но некоторые вещи – ссоры, враждебность, родительские крики – не такая уж и большая потеря.

«Наверное, это мне пора к психологу», – сказал он себе.

Мысль была невеселой, но никуда от нее не денешься. Как не денешься и от чувства вины, которую всколыхнул кошмар Натана. Несмотря на боль и гнев, которые могло породить это решение – все равно что разворошить пчелиный улей, – Томас решил поговорить с Эмили о психологе, когда вечером завезет к ней Натана.

Он домывал последнюю тарелку, когда зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Привет, это Франческа.

– В воскресенье? – осведомился Томас. – Кто умер?

– Никто не умер. Я знаю, что сегодня выходной, но дело важное, – ответила она. – Вчера вечером мне позвонил Хорхе с «Фокса» по поводу моего не слишком тонкого намек на художественную экранизацию «Обманного леса».

– Ну? – спросил Томас, уже взволнованный. Франческа никогда не занималась работой на выходных – это шло вразрез с одним из ее основных правил. Плохие новости подождали бы до понедельника, так что новость должна была быть очень, очень хорошей.

– Как ты отнесешься к тому, чтобы слетать в Лос-Анджелес? – спросила она.

«Лос-Анджелес? Только не сейчас, – подумал он. – Не выйдет. Сперва Натан».

– Когда?

– Завтра в десять пятнадцать, вылет из «Кеннеди», – уверенно ответила Франческа. – Я уже взяла нам билеты.

– Постой-постой, – сказал Томас. – Чего ради? Они заинтересовались, или мы летим закинуть удочки?

Франческа вздохнула, ее радостный щебет сменился почти укоризненным тоном.

– Им по душе *идея* о том, чтобы сделать художественную экранизацию «Обманного леса», Ти-Джей, – сказала Франческа, и он в кои-то веки не поправил ее, молча дожидаясь «но». – Но... их нужно поуготоваривать. У Хорхе просто не хватает воображения представить, как будут выглядеть живьем кое-какие из наиболее фантастических моментов.

Теперь настала очередь Тома вздыхать, и сделал он это громко и закатил глаза.

– Это ведь все полноценное фэнтези, Фрэнки, – рявкнул он. – Они что, хотят сделать из них всех людей, только загримировать кое-как?

Ответа не было.

– Нет уж, – сказал Томас. – Или все, или ничего.

– Черт побери, Томас, сколько лет прошло, прежде чем возникли хотя бы мысли о том, чтобы снимать живьем «Властелина Колец»? Мир, который ты придумал, полон немислимых вещей, – сказала она. – Не наседай на Хорхе слишком сильно. Они хотят взяться за это, но ты должен предоставить им некоторую свободу действий.

– К черту свободу действий, – отрезал Томас – Я никому ничего не должен. Просто спроси их, смотрели они «Бесконечную историю» или нет, и напхни, что этому фильму сто лет в обед. Эти люди что, совсем не следят за новинками в их собственной индустрии?

– Послушай, им ведь понравилась идея, правда? – сказала Франческа. – Нужно только убедить их в том, что ее можно осуществить, показать им твое видение всего этого. И Хорхе действительно говорил по делу, честное слово. Ну взять, к примеру, хотя бы ту сцену, где Боб Долгозуб нападает на мистера Тилибома в краю Колокольчиков и Свистулек, или где шакал Фонарь берет в плен лесных стражей, чтобы напасть на Обманный лес. И как, скажи на милость, снять это так, чтобы вышло правдоподобно?

Томас молчал. Примеры были хорошие, ничего не скажешь. Создать убедительного мистера Тилибома – задача непростая. Этот малый, в сущности, не что иное, как большой цветной колокольчик с руками, ногами и лицом, чей звон соответствует его настроению. А край Колокольчиков и Свистулек, отдаленная часть Обманного леса, откуда он родом, точно потребует применения определенного вида мультипликации. Но компьютерная мультипликация с этим справится. ИЛМ, «Пиксел» и «Диджитал Домейн» и не с таким справлялись.

– Выйдет дорого, но это их забота, – сказал Томас скорее себе, чем Франческе.

– Не только, – возразила она. – Послушай, не хочешь лететь – не надо, но это же была твоя идея.

И снова он не ответил. В мозгу у него крутилась сцена, в которой злой шакал Фонарь, тощее и поджарое существо, смахивающее на собаку, стоял на задних лапах со зловещей хэллоуинской тыквой вместо головы и гипнотизировал лесных стражей, команду отважных ходячих деревьев, чтобы они напали на Султанчика, Хохотуна и всех остальных.

Даже с текущим уровнем технического развития снять это будет нелегко.

На миг его одолело искушение отказаться. «Обманный лес» был его детищем, и он как мог старался оберечь этот мир и его героев. Большую их часть он впервые придумал, когда

был еще в возрасте Натана, и его воображение подарило ему целую параллельную вселенную, которую можно исследовать, нечто, что стоило всей остальной жизни.

Но ему страстно хотелось увидеть, как его герои оживают, ведь буквы на бумаге и мультипликация – это совсем не то. И потом, ему надо думать о Натане не только сейчас, но и вообще. Не говоря уж о том, что половина его работы на сегодняшний день заключалась в том, чтобы стоимость «Обманного леса» как интеллектуальной собственности не уменьшалась и в будущем. Это еще больше подогреет интерес к его книгам.

– Встретимся в аэропорту, – сказал он наконец неохотно, ощущая, как чувство вины клубится вокруг, засасывая его. Более неудачного момента придумать было нельзя, но ему так этого хотелось. И, что более важно, это нужно было сделать – ради будущего.

Это ведь и ради Натана тоже, разве не так?

– Правда? – спросила Франческа, которая явно готовилась к более долгим препирательствам – Отлично! Я отправлю Хорхе письмо по электронной почте, предупрежу, чтобы ждал нас. Я действительно считаю, что это выведет тебя на новый уровень, Томас.

Он выглянул из окна над раковиной, Франческа продолжала говорить. Натан, очевидно, ушел куда-то из песочницы, хотя ему неоднократно повторяли, чтобы он играл там, где отец его видит. В пять лет он неплохо выполнял то, что велено.

Но разум подчас уводит детей в неведомые дали, а ноги, похоже, всегда уносят их следом.

Франческа завела что-то относительно того, что «Обманный лес» плавно превращается из мимолетного модного поветрия в непреходящую классику, но Томас ее уже не слушал. Он подошел к стеклянной раздвижной двери и оглядел двор. Натан как сквозь землю провалился.

Его не было.

– Фрэнки, мне надо идти, – сказал он оцепенело. – Утром увидимся.

– Что? А, конечно. Мне тоже надо идти. Моя сестра устраивает...

Наверное, она продолжала говорить и дальше, но Томас положил трубку переносного телефона и открыл дверь, встревоженный уже не на шутку. Сердце у него бешено частило, колотилось о грудную клетку, и он обнаружил, что ему не хватает воздуха. Это не поддавалось никакой логике. Никаким доводам рассудка.

Никакой страх не сравнится со страхом потерять ребенка. Ничто в целом мире, такой он первобытный и не рассуждающий. «Нельзя понять по-настоящему, что такое любовь, пока сам не влюбишься, – как-то раз сказал он Эмили. – И нельзя понять по-настоящему, что такое страх, пока у тебя нет детей».

Натан может быть где угодно, Томас понимал это. Хотя ему миллион раз говорили, чтобы он не уходил далеко, он мог забрести куда-нибудь. Мысли у ребятишек частенько блуждают, а ноги следуют за ними. Это вполне естественно. Но в крошечном темном закоулке его сознания – закоулке, где уже всколыхнулось чувство вины и страх за Натана, – нарисовалась картина – картина того, как незнакомец хватается за Натана и уносит его прочь.

Как Натан выбегает за мячиком на проезжую часть – под колеса мчащегося грузовика.

Это было нелепо, и он отделался от этой картины и не признался бы даже себе самому, что видел ее, но в его сознании промелькнуло видение мертвого Натана.

– Натан! – закричал он, пока еще не поддаваясь панике. Никто не уловил бы ее в его голосе. Разве что тот, кто очень хорошо его знал. Он выскочил на веранду, огляделся по сторонам и одним махом преодолел четыре ступеньки крыльца.

– Натан! – позвал он снова. Наверное, мальчик просто за углом дома, сказал он себе. Ни к чему носиться с вытаращенными глазами и орать, как дурак, на потеху соседям.

– Натан! – крикнул он еще раз, уже почти с отчаянием.

Его нога поехала по траве. Поскользнулась на чем-то. Томас на ходу обтер подошву о траву, решив, что на дворе у него снова побывала какая-нибудь соседская собака. Его взгляд случайно упал на землю, и он увидел, что вступил не в собачью кучку, а в чей-то грязный след. Грязь? Или что-то вроде глины, подумал Томас, принимая во внимание странный цвет и консистенцию этого...

– Натан! – крикнул он опять, на этот раз уже не беспокоясь о том, что выглядит по-дурацки. Грязные следы тянулись от рожицы за домом и исчезали за углом – лишь затем, чтобы вновь появиться и вернуться обратно в рожицу. – О господи, Натан!

Желчь прихлынула к горлу, его чуть не вырвало. Глаза у него щипало, они слезились – ужас и отчаяние пытались вырваться наружу. Томас сдерживал их. Он ведь разумный человек, он не поддастся приступу помешательства только из-за того, что какой-нибудь местный подросток или случайный прохожий сначала потоптался в грязной луже, а потом прошлепал по его лужайке.

Но перед его мысленным взором... эти картины.

Он завернул за угол, одолевая страх, и чуть не упал, когда увидел Натана. Его охватило облегчение, он едва не зарыдал от радости при виде того, как мальчик вытягивает ноги, чтобы точь-в-точь попасть в грязные следы, вымазывая кроссовки странной вязкой глиной. Вид у него был такой, будто он идет по канату.

Затем облегчение уступило место гневу, и Томас сердито устремился вперед.

– Натан! – прикрикнул он, и на этот раз мальчик отреагировал – возможно, на строгие нотки в отцовском голосе. Он обернулся на зов, потерял равновесие и растянулся на траве.

– Да что с тобой такое? – рявкнул Томас. – Ты не слышал, что я тебя зову? Ты что, оглох? Господи, как же ты меня напугал!

Томас пожалел о своих словах, едва они сорвались с языка. Этот повышенный голос, этот обвинительный тон обидели Натана. Он почувствовал это по тому, как мальчик сначала заморгал, потом начал крутить головой в поисках, куда бы спрятать глаза. Этого Томас хотел меньше всего. Еще одна рана, еще одно пятно на невинности его сына, которое Томас будет искупать до конца своих дней.

– Я... – Он запнулся и, опустившись на колени, сжал худенькие плечики Натана. – Прости, дружище, но папа же велел тебе не уходить со двора, когда меня нет поблизости. Я тебя звал-звал, а ты не откликнулся, и я испугался. Я так испугался за тебя.

Натан все еще прятал от него глаза; он всегда терпеть не мог смотреть на родителей, когда те сердились.

– Прости, папа, – сказал он негромко. – Я не нарочно.

– Все хорошо, Натан, – сказал Томас дрожащим от избытка чувств голосом. – Просто я люблю тебя и не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Пожалуйста, не ходи туда, где мне тебя не видно, ладно?

– Ладно.

Натан кивнул, потом перевернулся на четвереньки, поднялся и снова двинулся по следу.

– Ты видел кого-нибудь там, во дворе? – спросил Томас, снова встревоженный очевидным доказательством вторжения чужака.

– Я не видел его, папа, но он смотрел в окно, – ответил Натан, не оборачиваясь. – Если

бы я увидел его, я бы побежал и нашел тебя. Только ты можешь прогнать его.

Томас похолодел, несмотря на солнце на небе. Сколько раз по ночам ему чудился какой-то шум, и он выскакивал из постели, которую делил с Эмили, чтобы обыскать дом. Он постоянно был начеку, оберегая свою семью. Разумеется, в доме никогда никого не оказывалось. Просто звуки дома, какие каждый слышал. Но страх, что что-то случится по-настоящему... эти картины в его голове...

– То есть как это – смотрел в окно? – спросил Томас. – Если ты не видел его, откуда ты знаешь?

Натан рассмеялся смехом маленького мальчика.

– Глупый ты, папа, – сказал он. – В окно вон той комнаты, где телевизор, – добавил он и махнул рукой в ту сторону, куда вели следы.

Томас быстро подошел к окну, перед которым заканчивались грязные следы. На подоконнике было несколько пчел, и это показалось ему странным. Они просто кружили, то взлетая, то вновь приземляясь. Странно, что они роились вот так, в одном месте.

На стекле тоже была грязь, там, где незваный гость прижимался липким ртом. Нос Глаза Пчелы, копошащиеся на отпечатке лица, липкие черты, глядящие на Томаса Рэнделла.

Он узнал это лицо. И потом, были еще слова, которые сказал ему Натан: «Только ты можешь прогнать его».

Это, конечно, не грязь. Теперь он чувствовал это, должен был почуять сразу, как только вышел на улицу. Пчелы любят его. Арахисовое масло.

Это было лицо генерала Арахисовое Масло.

Что, разумеется, было решительно невозможно. Но это не значило, что его страх, сама опасность, не был настоящим. Томас подхватил Натана на руки и потащил в дом. Они приведут себя в порядок и отправятся в парк или в торговый центр до того времени, когда пора будет везти его к матери.

Затем можно будет кое-кому позвонить: полицейским, Франческе, а утром – издателю и редактору. Кто-то играет с ним очень нехорошую шутку. Но ему не смешно. Если у него есть какой-то ненормальный... преследователь или еще кто-нибудь, нужно попытаться выяснить, кто это может быть. По меньшей мере не помешает намекнуть полицейским, чтобы маячили возле его дома, пока он будет в Лос-Анджелесе.

– Джо, тебе пора идти, – уже в третий раз сказала Эмили.

На этот раз это была не мимолетная фраза, а распоряжение.

– Еще даже четырех нет, – заметил Джо, нахмурившись. – Натан будет дома не раньше пяти тридцати, верно? С чего такая спешка?

– Просто я... – начала она, потом закусила губу. – Зачем ты все усложняешь? Ты же сказал, что не собираешься этого делать.

– Я не хочу вторгаться в остальную твою жизнь, – сказал он, – просто мне сдается, что ты слишком заикливаешься на этом. Небо не рухнет на землю, если мы вдруг случайно встретимся. Я не горю желанием немедленно познакомиться с твоим бывшим мужем, но не понимаю, почему ты выгоняешь меня за полтора часа до того, как он должен появиться. Ты сама говорила, что он вечно опаздывает.

Эмили сердито посмотрела на него.

– Это моя жизнь, – сказала она наконец. – Моя. Мой выбор. Я хочу, чтобы ты ушел сейчас. Если тебя это смущает, возможно, тебе вообще не стоит здесь находиться.

Джо замер, казалось, на миг даже задержал дыхание, ошеломленный горячностью в ее голосе. Зря это он, подумала она. После того, как он проявил такую широту взглядов и благородство, по крайней мере в теории, относительно того, чтобы отделить их отношения от ее «семейной» жизни, она не ожидала, что он поведет себя так эгоистично.

– Послушай, – сказала она, – мне не хочется, чтобы ты подумал, будто ты мне не нужен, или что ты для меня на последнем месте, но я должна думать сначала о Натане. Всегда.

Джо кивнул.

– Я знаю, – сказал он – и знаю, что ты, скорее всего, нервничаешь и тебе было бы куда удобнее, если бы я сейчас просто ушел. Так я и сделаю. То есть уйду. Терпеть не могу, когда меня скрывают, как будто я что-то такое, чего надо стыдиться.

– Это не так, и ты это знаешь! – обиделась Эмили.

– Да знаю я, Эм, – сказал он. – Знаю. Но наше хрупкое мужское эго время от времени тоже нужно гладить по шерстке, понимаешь?

Он подошел к ней, коснулся ее плеча, и она, подавшись к нему, крепко его обняла.

– Понимаю, – сказала она, прижимаясь к нему, прикладывая головой к его широкой груди. – Понимаю.

Она отстранила его с улыбкой на лице и протянула.

– А теперь давай-ка отсюда, пока я не спустила тебя с лестницы. Мне еще нужно приготовить обед, и не хватало только, чтобы ты все это время ошивался вокруг.

– Думаю, как раз этого тебе и не хватало, – в тон ей ответил Джо, – но я не стану с тобой спорить.

Он поцеловал ее, и миг спустя дверь за ним уже закрылась. Джо оставил Эмили с улыбкой на лице, но на душе у нее скребли кошки. Она знала, что очень важно, для них всех, сказать Томасу, что она с кем-то встречается. Эмили подозревала: в глубине души Томас до сих пор не верит, что все кончено, тешит себя надеждой на их воссоединение.

Но этому не бывать. Новый мужчина в ее жизни, возможно, как раз то, что нужно Томасу – в конечном счете. Нужно им обоим, чтобы продолжить жить.

Как это отразится на Натане – это уже совсем другой вопрос. Эмили не собиралась сообщать Натану о Джо прямо сейчас, пока она не уверена, что он останется в их жизни надолго. Но Томасу сказать нужно. Последние несколько лет были для них нелегкими, но она все еще была глубоко равнодушна к бывшему мужу. Он заслуживает того, чтобы услышать эту новость от нее самой, пока кто-нибудь еще не сообщил ему, что ее видели с другим мужчиной.

Да, нужно ему сказать.

Но от одной мысли об этом разговоре у нее начинала раскалываться голова.

– Почему ты сразу же не рассказал мне об этом? – осведомилась Эмили обвинительным тоном, который был слишком хорошо знаком им обоим.

– Господи, Эмили, откуда я знаю, – ответил он с сарказмом, который не мог обуздать, – еще один симптом разлада в отношениях, который привел их к разводу. – Может, потому, что сначала надо было исполнить все необходимые ритуальные пляски?

Томас взглянул на Натана – тот возводил какое-то архитектурное сооружение из фасоли и пюре, – затем снова на бывшую жену. Она была права.

– Натан, давай-ка готовься спать, ладно? А мы с папой через несколько минут придем поцеловать тебя на ночь, – пообещала она.

Мальчик просиял при ее словах – таких знакомых. Томас поморщился. «Мы с папой». Почти нечестно произносить это так, как будто о настоящей семье, подумал он. По отношению ко всем ним. Но такова уж теперь их жизнь. Интересно, привыкнет он когда-нибудь к этому, да и надо ли?

– Хорошо, мамочка, – с улыбкой сказал Натан. Он отодвинул стул, улыбнулся обоим во весь рот и попросил:

– Папа, польешь мой садик, ладно?

Томас согласился и только тогда понял, что Натан говорит о своей картофельно-фасолевым башне. Оказалось, это вовсе не архитектурное сооружение, а грядка с фасолью или что-то типа того.

– Конечно, дружище, – пообещал он и легонько ткнул Натана в живот. – А теперь давай, пижаму и чистить зубы.

Он снова взглянул на тарелку Натана и улыбнулся про себя. Воображение – необыкновенная штука. Невозможно догадаться, о чем дети думают, а когда они рассказывают тебе, это каждый раз становится почти полной неожиданностью.

– Это меня беспокоит, Томас, – сказала Эмили, когда Натан ушел. – Я не собираюсь поднимать переполох или еще что-нибудь, но, пожалуйста, держи меня в курсе. Может быть, на следующие выходные тебе стоит куда-нибудь увезти Натана, или что-то в этом роде?

Томас задумался. Ему не нравилась идея бегать от того, кто донимал его, но за неделю его преследователь, или кто он там, может остыть настолько, что это отобьет у него всю охоту продолжать.

– Я подумаю об этом, – пообещал он. – Как дела пойдут.

Оба снова замолчали. И у Томаса оказалось время вспомнить пору, когда совместное молчание не разделяло их. А даже совсем наоборот. Но теперь молчание отягощал груз недоверия и боли.

Теперь с ними всегда так было. Когда бы они ни виделись, в особенности когда он привозил Натана домой по воскресеньям, этому сопутствовала неловкость при встрече, осторожность, с которой они спрашивали друг друга, все ли благополучно. Со временем становилось легче, но Томас подозревал, что совсем это не пройдет никогда. И все же сегодня напряжение ощущалось сильнее обычного. Эмили явно что-то тяготило. Уж лучше бы она прямо сказала ему, что случилось, чтобы снять эту терзавшую обоих нервозность.

Разумеется, его тоже кое-что мучило, даже сильнее, чем возможный преследователь.

– Похоже, вы неплохо провели выходные, несмотря ни на что, – сказала она наконец.

– Ну, если не считать того, что за нами шпионил генерал Арахисовое Масло, – сказал он со смешком, – да, выходные получились очень ничего. Было весело. Только... послушай, Эмили, ты явно собираешься что-то мне сказать, и я хочу это выслушать, – добавил он, устав от молчания. – Но я тоже хочу кое о чем с тобой поговорить.

Он рассказал ей о том, что сказала сестра Маргарет, о странном поведении Натана и о том, что это, возможно, как-то связано с их разводом. Он рассказал ей о Дичке, и о кошмаре Натана, и, наконец, о том, что, по его мнению, им следует снова отвести их мальчика, их единственное дитя к психологу.

Эмили смотрела на Томаса, и он видел, что будет дальше, как видел всегда. Она расплакалась. Это были не бурные громкие рыдания, а тихие, горестные слезы.

Томас обнял бывшую жену, которую до сих пор горячо любил и полагал, что будет любить всегда. Секунду-другую спустя она всхлипнула, отстранилась и вгляделась в него, как будто желала убедиться, что он и в самом деле Томас Рэнделл, мужчина, которого она когда-то любила и которому родила сына. Она искала что-то. Возможно, прошлое, подумалось Томасу.

– Мне невыносимо, что мы так с ним поступили, – сказала она наконец.

– Время не повернешь вспять, Эмили, – сказал Томас. – Единственное, что мы можем, – это любить его изо всех сил и вместе стараться сделать так, чтобы он всегда это знал.

– Значит, к психологу? – спросила она.

– Опять к доктору Моррисси, я думаю, – отозвался Томас. – Она уже в курсе ситуации, так что...

Эмили кивнула.

– Впрочем, мы еще не закончили наш разговор, так ведь? – спросил Томас. – Ты что-то хотела мне сказать.

– Ох, Томас, не знаю, надо ли... – начала она, но он перебил ее.

– Нет необходимости играть друг с другом в эти игры, Эмили, – сказал Томас – Слишком много стоит на кону. В чем дело? Ты с кем-то встречаешься?

Эмили побледнела, глаза у нее стали огромные, и она посмотрела на него, прежде чем отвести взгляд.

Вот оно что. Его жена... его бывшая жена завела себе нового дружка. «Этс замечательно, Эмили, – хотелось сказать Тому. – Живи. Начни все заново. Будь счастлива». Ему действительно хотелось это сказать.

Но он не мог.

– Что ж, думаю, тогда мы отправляем Натана к психологу в самый подходящий момент, верно? – брякнул Томас, не успев сдержаться. – Уверен, ему сейчас не хватало только, чтобы его мамаша начала путаться неизвестно с каким мужиком.

Она метнула на него сердитый взгляд.

– Бог ты мой, Эмили, тело не успело еще остыть. А ребенку всего пять, дай ты ему прийти в себя, бога ради, – продолжал Томас, страстно желая заткнуться, но одолеваемый ломотой в висках, одышкой и ледяным комом под ложечкой.

Он любил ее. И видел по ее глазам, что причинил ей боль. Опять. Они причинили друг другу немало боли, и развод затевался как раз для того, чтобы избавить от этого Натана.

– Все сказал? – процедила она.

Томас отвел взгляд и вздохнул, стыдясь самого себя, но не желая отпустить боль.

– Натан не знает, что я с кем-то встречаюсь, и не узнает, пока я не решу, что настало

время. Я отдам жизнь за этого ребенка, точно так же, как и ты, я знаю это. Но я должна позаботиться и о своем будущем. И тебе следует делать то же самое, – жестко сказала Эмили. – А теперь, если ты все сказал, почему бы тебе не отвалить в сторону дома и не попытаться отыскать придурка, который измазал арахисовым маслом твое окно, – добавила она.

Эмили поднялась со стула и, подойдя к раковине, принялась сердито греметь посудой. Томас ждал, когда же раздастся звон бьющегося стекла, но его не было. Всегда, когда она так делала, его изумляло, что тарелки не бьются.

– Не хочешь поцеловать своего сына на ночь? – отрывисто осведомилась она не оборачиваясь. – Скажи ему, что я сейчас приду.

Томас отодвинул стул и медленно поднялся. Он подошел к Эмили – она все еще стояла к нему спиной. Поцеловал ее в макушку и шепотом извинился; она будто и не слышала. Томас знал, что она чувствует себя виноватой, и использовал ее чувство вины и ее любовь к Натану против нее. Извинение было искренним.

Оставив ее мыть посуду, он прошел по коридору в спальню сына.

– Эй, дружище, папа пришел поцеловать тебя! – возвестил он, переступая порог.

Натана не было. Томас вскинул бровь. В глубине сознания слабо всколыхнулось смутное, испытанное сегодня утром на заднем дворе. Но эта мысль исчезла, едва мелькнув. Здесь они дома. Натану нечего здесь бояться, особенно когда оба его родителя совсем рядом, через коридор.

«В ванной, наверное», – подумал Томас. Едва он вступил в коридор, как до него донесся звук льющейся воды. Томас улыбнулся. Натан хороший мальчик. Зубы сам чистит, утром и вечером Конечно, он, случается, озорничает, капризничает и скандалит, но с кем из ребятшек такого не бывает? Во многих других отношениях, важных отношениях, Натан – мечта любого родителя.

– Ладно, дружище, мне пора идти, – он толкнул дверь ванной.

Натан был в сборной пижаме – с Микки-Маусом сверху и с самолетиками снизу. Он стоял на небольшой табуреточке, которую Томас купил, когда сыну было три года, и держал перед собой щетку с намазанной на нее пастой; губы его были растянуты в странном оскале. Паста стекала по подбородку. Из крана текла вода.

Но Натан не чистил зубы.

Немигающий взгляд мальчика был прикован к зеркалу, а рука со щеткой застыла в воздухе.

– Натан? – слабым голосом позвал Томас. Его сын не обернулся, не отреагировал – не моргнул даже глазом. Шок сменился ужасом Любопытство обратилось в отчаянный страх, паровым молотом грохнувший Томаса в грудь.

Он подскочил к сыну и схватил Натана за плечи, потрянул его, сперва легонько. В какой-нибудь другой день он, возможно, подождал бы, чтобы посмотреть, в чем подвох. Но один взгляд на мальчика сказал ему – разыгрыши тут ни при чем.

– Натан! – крикнул он и развернул тело сына так, чтобы он мог заглянуть Натану в глаза, привлечь его внимание.

Смутно, откуда-то из другого мира, донесся голос его бывшей жены – она кричала, спрашивала его, что стряслось. Он слышал, как она бежит по коридору в ванную. Но Томас едва ли сознавал все это. Единственное, что он видел в этот миг, это слюну и зубную пасту, стекающую по подбородку его сына зеленоватым пенистым ручейком.

– Господи Иисусе! – воскликнула Эмили у него за спиной. – Что с ним случилось?

Она выкрикнула имя сына и подбежала к нему, выдернула его из рук отца. Снова и снова Эмили звала Натана, каждый раз со все возрастающей жалобной беспомощностью. Несколько секунд спустя она снова заметила Томаса и в слепой панике накинулась на него.

– Что стоишь столбом? – закричала она. – Вызывай «скорую», бога ради! У него шок или что-то в этом духе!

Томас рванул к телефону; им овладело какое-то оцепенение, как будто это он впал в ступор.

Когда он повесил трубку, то смутно помнил, как говорил с кем-то из диспетчеров. Он надеялся, что сказал все что нужно, но на самом деле не помнил этого. Из головы у него не шли глаза Натана. Выражение этих глаз. Или, точнее, полное отсутствие в них разумного выражения. Его глаза казались... пустыми. Свет горит, но дома никого.

Его сына за ними не было.

Натан долго плыл куда-то. Его несло, как будто он лежал на плоту на мягко перекатывающихся волнах реки. Несколько раз он слышал звуки, бормотание и тяжелое дыхание, и птичий щебет. Был еще и запах. Пахло дымом.

Веки его затрепетали.

Натан очнулся в темноте и забился, пытаясь вырваться из колючих тряпок, которыми были связаны его лодыжки и запястья. Он принялся звать родителей, маму и папу, потому что, хоть они и не были больше вместе, они были вместе, когда он отправился чистить зубы. До...

До всего этого.

– Мама! – закричал он, и на глазах у него выступили слезы, торопливо покатались по щекам, чтобы освободить место для новых.

Он попытался вырваться из своих пут и со звоном ударился головой о что-то металлическое, на котором лежал. Металлическое, гладкое и холодное. Он всхлипнул, поднял глаза на темное небо, на котором мерцали громадные рыжие звезды, на высоченные деревья, коричневые и морщинистые, склонившиеся словно для того, чтобы взглянуть, как его провозят мимо. Казалось, им больно, этим деревьям.

Откуда-то потянуло запахом костра.

Натан снова позвал маму.

– Заткнись-сь, маленький негодник, – пророкотал низкий голос.

Натан вытянул шею, чтобы взглянуть из металлического ящика, в котором его мчали под звездами. В темноте светились зеленые глаза Кошачьи глаза. Рыжие звезды отразились от длинных, острых, как бритва, клыков.

– Ты не вправдашний, – прошептал Натан.

В тот же миг движение прекратилось, и его металлическая повозка – он понял, что это тачка, – лязгнула о землю. Зеленые глаза приблизились, и Натан смог разглядеть его по-настоящему: громадного саблезубого тигрочеловека, которого он всегда боялся в отцовских книжках. Только не умного и мягкого, как в этих книжках. Жестокого, а не умного. Грязного и свалывшегося, а не мягкого.

Натан закрыл глаза и закричал громче. Пусть это все исчезнет. Это не вправду. Он знал, потому что папа всегда говорил ему так, давал честное слово, что в его книжках все не

взаправду. Все выдуманное, для детей, для мальчиков и девочек, таких же, как он.

– Сслыхал, Сскалоголовый? – сказал Боб Долгозуб в темноте за зажмуренными веками Натана. – Этот негодник говорит, что мы не взаправдашшние.

Длинная теплая меховая лапа легла на лицо Натана, и он захныкал и обмочил штанишки, а ведь он уже больше года не писался. Острый коготь расцарапал ему лицо, и он завизжал, принялся жутко кричать.

– Да этот пацан мертвого из могилы поднимет, – буркнул неподалеку негромкий голос, похожий на рокот грома.

Но Натан не слушал. Натан кричал. Он открыл глаза, дыхание вырывалось судорожными толчками; тачку снова подняли и покатали.

– У-у! – рывкнул Боб Долгозуб, и вопль Натана взвился на новую высоту. – Значит, мы не взаправдашние, а, сопляк?

И оба снова зашлись смехом, а Натан все визжал, пытаясь отвернуться в другую сторону от Боба Долгозуба. Теперь он видел Скалоголового, нечеловечески широкоплечего, уродливого мужчину, ниже ростом, чем мама Натана. Борода и волосы у него были длинные и грязные, голова над левым глазом раскололась, и из трещины поднимался зловонный дым.

В книжках Скалоголовый всегда был злым, но он был еще и глупым. Глупость делала его забавным. Но Натан больше не считал его забавным. Мальчик всхлипывал, слезы струились по его лицу, и он продолжал вертеться в тачке, пока его ноги не оказались свисающими с той стороны, с которой ее толкал Боб Долгозуб. Он слегка выпрямился, его глаза забегали по сторонам, впитывая все, что видели.

Да, это был Обманный лес. Но не Обманный лес из папиных книг. Натан решил, что они на Путаном пути, магической дороге, которая вилась по всему Обманному лесу. А это, возможно наверно Большой Старый сад, в котором растут великанские яблони, на которые так здорово забираться и качаться на них. Их огромные яблоки краснее, чем лакрица, и такие сочные, как никаким другим яблокам и не снилось. Тут есть чем хвастаться в мире, где яблокам, вероятно, действительно что-то снится.

Но это был не Большой Старый сад. Не совсем. Он выглядел так, как если бы был им много лет назад. Но только не теперь. Деревья были корявые и темные, слишком страшные, чтобы на них забираться. Даже опасные. И яблок тоже больше не было, если не считать падалицы на земле по обеим сторонам Путаного пути.

Натан был еще совсем малыш, но он знал, как пахнут гнилые фрукты. И дерьмо. До него доносились оба эти запаха, хотя ветерок дул едва-едва и он изо всех сил старался не дышать носом.

Он утер слезы, все еще негромко всхлипывая где-то глубоко внутри себя и даже не осознавая этого. Но Долгозуб и Скалоголовый, похоже, не собирались делать ему ничего плохого, пока он сидел тихо. Впрочем, это вряд ли многое меняло; ему было слишком страшно, чтобы говорить что-то еще. Слишком страшно, чтобы заняться еще чем-нибудь, кроме как оглядываться по сторонам с ужасом и печалью.

Обманный лес как будто бы умер. Как будто бы кто-то убил его. Если они продолжат идти по Путаному пути, то в конце концов придут в край Колокольчиков и Свистулек, а потом к реке Вверх, и Натану не хотелось даже думать о том, что могло произойти со всеми теми людьми, которые жили в тех краях.

Разве что... В общем, всегда существовала возможность, что он найдет кого-нибудь, кто сможет спасти его от Боба и Скалоголового. Он с надеждой крутил головой, оглядывая

разоренный сад в поисках какого-нибудь признака того, что помощь близка.

– Даже не думай об этом, ссынок, – прошипел Боб Долгозуб. – Теперь ты нашши. У боссса большшшие планы на тебя.

Натан старался не обращать на саблезубого тигрочеловека внимания, старался как мог, а мог он не особенно хорошо, принимая во внимание то, как сильно он боялся Боба. Он оглядывал лес, вслушивался в рыжезвездную ночь, надеясь увидеть знак, что помощь скоро подоспеет.

Именно тогда и начались крики. Справа, из глубины сухостоя Большого Старого сада, донесся жуткий, тоскливый вой. И Натан ощутил резкий и терпкий запах свежих апельсинов.

– Ой... – сказал он. – Ой, пожалуйста, не надо...

Скалоголовый с силой зажал ладонью рот Натана и приставил ему к горлу нож. Когда он заговорил, его грубый голос превратился в шепот, такой тихий, что Натан едва разбирал слова.

– Они не на нашей стороне, – прошептал Скалоголовый, и Натану захотелось завизжать еще сильнее. Существа, которые были в чаще, и в самом деле могли прийти ему на помощь, спасти от этих, других.

– Они и не на твоей стороне, щенок, – тихо добавил Долгозуб; потом все молчали, пока запах апельсинов не исчез.

– Апельсиновые вопильчики в этом деле ни на чьей стороне, – согласился Скалоголовый. – Они просто кровожадные маленькие дикари, которые хорошо пахнут.

Секунду спустя Боб Долгозуб поднял тачку и покатыл ее дальше. Они со Скалоголовым старались двигаться тихо-тихо, и Натана так и подмывало крикнуть еще раз, но он не стал. Ему не было еще и шести, но у него хватало ума бояться того, чего боялись сами страшилища.

Время от времени они поглядывали на него, и Натан только отводил взгляд. Ему было неприятно на них смотреть и не хотелось думать о том, где они и что случилось с этим местом. Он был большим мальчиком и понимал, что Обманный лес – не взаправдашний. Во всяком случае, так сказал ему папа, а папа никогда не врет. Но может быть, подумал он, может быть, папа просто сам не знает.

От этой мысли Натан снова заплакал; от нее и от запаха, который шел от мокрых штанишек: они уже начали подсыхать. Но если папа ничего не знает, значит, он не сможет прийти и отыскать его. Никогда в жизни.

– Какого черта он распустил нюни, Боб? – презрительно бросил Скалоголовый. – Так было хорошо, тихо, нет, мальнишке непременно надо все испортить. Вот сейчас расколю ему башку, как орех, и высосу мозги, как будто я на состязании по поеданию пирогов с цветной капустой.

– Боссу это не понравится, Скал, – проворчал Долгозуб. – Лучшше не надо.

– Нет, все-таки ты зануда, – сказал Скалоголовый, но больше не заводил речь ни о том, чтобы съесть Натановы мозги, ни о пирогах с капустой.

Они говорили о нем так, как будто его здесь не было, и Натана это вполне устраивало. Он не хотел здесь находиться и старательно жмурился, надеясь, что проснется дома или телепортируется отсюда в какое-нибудь другое место, как это происходило почти во всех мультиках, которые он смотрел, за исключением разве что «Скуби-Ду».

Путаный путь сделал еще один поворот, и внезапно небо озарилось. На миг у него мелькнула надежда, что выглянет солнце, но потом он услышал потрескивание. Почуял

запах едкого дыма. Где-то горел костер, и притом немаленький.

Он снова быстро перевернулся в тачке, и его затошнило при виде пламени, бушующего над крошечной деревенькой, которая когда-то была круглой и раскрашенной в яркие цвета. Огонь тоже был разноцветный, цвета домиков, и лавок, и людей... даже Музыкальная мельница горела, полыхала вместе с ее балкончиками, затейливыми железными и деревянными штучками.

Это был край Колокольчиков и Свистулек, и, если не считать рева пламени, он был объят мертвой тишиной.

– Ух ты! – прошептал Долгозуб, поглаживая усы и облизывая свои длинные клыки.

– Ой, обхохотаться можно! – восторженно воскликнул Скалоголовый.

Натан с гулко бухающим сердцем обнаружил, что парочка на миг совсем позабыла о нем. Надо было бежать, и он перекатился на правый бок и вывалился из тачки.

– Эй! – сердито завопил Скалоголовый, и его голос перешел в яростный рык.

Но Натан уже припустил во всю прыть своих пятилетних ног обратно по Путаному пути, туда, откуда они пришли. Он даже не помнил, что там находится, за исключением разве что логова Смычка, хижины Ворчуна и еще чьих-то жилищ. Но ему было достаточно, что это в противоположном направлении от того, куда Долгозуб со Скалоголовым его тащат.

– Поймал! – рыкнул Долгозуб, и Натан ощутил, как его ухватили сзади за пижамку.

Он рванулся вперед, услышал, как выругался у него за спиной Боб Долгозуб. Штанины его пижамы волочились по земле, слезы продолжали течь, но он не собирался останавливаться. Натан завизжал, громко и протяжно, как будто это могло его защитить.

– Щенок! – заорал Долгозуб.

– Я убью тебя за то, что устроил нам такую подлянку! – добавил Скалоголовый, и Натан чуть не замедлил бег, когда услышал этот жуткий раскатистый хохот.

Но он не остановился. Он побежал дальше. Завернул за поворот, молясь, чтобы ему встретился кто-нибудь. Он продолжал кричать, звать на помощь, звать отца, которому ни за что его здесь не найти, а если уж он не найдет, то не найдет никто.

В спину ему било жаркое дыхание саблезубого тигрочеловека, потом он услышал рев Боба Долгозуба, почувствовал, как когти ободрали спину, и Натан Рэнделл едва не грохнулся в обморок от боли и потрясения.

Натан лежал ничком на земле и просил Бога, чтобы сейчас появились мама и папа. Чтобы они пришли и забрали его домой. У них больше не было настоящего дома, настоящего общего дома, но его комната никуда не делась. Его комната, в которой он был в безопасности.

– Я... хочу... к... маме! – прорыдал он истерически между судорожными всхлипами.

– Уааа! – раздался над ним хриплый голос Скалоголового; он стоял чуть поодаль от того места, где лежал Натан, пригвожденный Долгозубом к земле, земле, вкус которой стоял у него во рту. – Бедный крошка хочет к мамочке! Давай-ка, Боб, подыми его.

Боб Долгозуб быстро поставил Натана на ноги, вцепившись когтями ему в кожу головы и щеку, и ткнул его лицом в ужасную, зловонную и дымящуюся голову Скалоголового. Тот придвинулся так, что его гнилой крючковатый нос оказался совсем близко от Натана, и он даже мог бы... мог бы лизнуть его, и снова расхохотался.

– Мы тоже хотим к твоей мамочке, щенок, – сказал Скалоголовый. – Если бы нам удалось добраться до этой твари – а сделать это не так легко, как сказать, – так вот, мы бы вырвали ее поганое сердце из груди и сожрали его, хотя для тебя это вряд ли что-то

изменило бы. Она виновата во всем этом ничуть не меньше, чем все остальные.

Это стало последней каплей – у Натана началась истерика, так что он больше был не в состоянии думать. Он едва дышал. Слез уже не было, он только визжал и думал, что его сейчас вырвет, если он не перестанет – а перестать он не мог.

Потом на него пахнуло апельсинами.

– Отпустите мальчика, – сказал влажный и тягучий голос, раздавшийся у самого его уха, – Отпустите Натана и убирайтесь, мерзавцы. Это приказ.

Долгозуб бросил его на землю, и они со Скалоголовым уставились куда-то за спину Натана и вверх. Преодолевая боль – спина у него все еще кровоточила, – Натан перевернулся и посмотрел на утопанную тропинку, Путаный путь, и увидел жуткую оплывшую фигуру, расплзающиеся черты и тлеющие угольки глаз генерала Арахисовое Масло.

Генерал выглядел в точности как облаченный в форму солдат из прошлого, только облепленный арахисовым маслом и пчелами. Когда он раскрывал рот, между его губами, словно паутинки, протягивались липкие нити арахисового масла.

Вокруг его ног, вереща на чем свет стоит, сгрудились четверо или пятеро апельсиновых вопильщиков, маленьких злобных созданий, похожих на апельсин с ногами и огромными клыкастыми пастями. Пасти раскрылись, и вопильщики заголосили.

– Мы... он... он наша законная добыча, – смело выкрикнул Скалоголовый.

Вопильщики заголосили еще громче и двинулись по склону холма вниз.

– Этот мальчик, – раздался тягучий голос генерала, – мой.

– О господи, – сказал Томас, глядя на тельце своего единственного сына на больничной кровати; попискивание аппаратуры свидетельствовало о том, что его мальчик еще жив.

– Натан...

Санитар вкатил его в палату на каталке; его руки и ноги были раскинуты так, как будто последняя искра жизни в нем уже угасла. Медицинская сестра раздела Натана, облачила его в больничную пижаму. У нее не сразу получилось завязать верхнюю часть на спине, но в конце концов она все же справилась. Эмили с Томасом предложили свою помощь, но все, казалось, происходило помимо них, как будто они были какой-то досадной помехой, а не родителями похожего на тряпичную куклу безжизненного маленького мальчика, который лежал на этой кровати.

– Натан, – прошептал Томас.

Эмили вызвали в коридор. Видимо, ей кто-то позвонил. Он мог лишь предположить, что это ее новый приятель, чье имя она даже не удосужилась ему назвать.

Она должна находиться здесь, подумал он сердито. Весь остальной мир может подождать. Он не хотел ревновать Эмили к ее новой жизни, но ее настоящая жизнь, ее ребенок сейчас нуждается в ней. О личной жизни даже думать не время.

Томас прищурился.

Что-то... необычное в воздухе. Что-то... какой-то запах.

Пахло апельсинами.

Запах усиливался и усиливался, пока не разлился по всей палате. Под конец он стал таким сильным, что Томас против воли не мог его не замечать. Он принялся расхаживать по палате, пытаясь выяснить, откуда идет запах, где он сильнее всего. Это озадачивало его, и в конце концов он плюнул и вернулся к Натану.

И тут он понял, что запах исходит от его сына. Натан благоухал апельсинами. Томас

опешил, до глубины души встревоженный этим необычным явлением. Он протянул руку и нажал над кроватью кнопку для вызова сестры.

За окном кто-то заскребся. Томас обернулся, охваченный вихрем разных мыслей, и заметил за стеклом что-то оранжево-зеленое. Но они же на пятом этаже! Кто бы это мог... Наверное, голубь или кто-то в этом роде, верно? Потом он услышал хлопанье. Ведь услышал? Разве он не слышал хлопанье, как будто это голубь махал крыльями?

Ну да.

И потом музыку. Перезвон китайских колокольчиков. И такой звук, как будто кто-то пиликает на скрипке. Смычком.

Или, возможно, это был шум крылышек маленького дракончика?

Возможно.

С губ Эмили Рэнделл сорвался протяжный вздох. Плакать она перестала, но на щеках остались влажные дорожки, воздух слегка отдавал солью. Она изо всех сил прижалась к Джо Хэйесу, закрыла глаза и наслаждалась ощущением крепких мужских объятий. Как бы ни старалась Эмили тесно прижать его к себе, ей все казалось мало.

Ее сердце отталкивало его.

Эмили открыла глаза, поймала взгляд Джо.

– Ты не должен здесь находиться, – сказала она.

– Я не мог не прийти, Эм, – ответил он и посмотрел на нее с такой тревогой и еле скрываемой жалостью, что она одновременно преисполнилась благодарности за то, что ей довелось узнать мужчину, способного на такое великодушие и заботу, и недоверия к этим чувствам, когда они исходят от мужчины.

Неважно. Он здесь лишний. Она позвонила ему, просто чтобы рассказать, что произошло, услышать его голос, и, честно говоря, потому, что так полагалось. Он ей не чужой. Она любит его, ну... немножко. Вот она и позвонила ему – рассказать, что произошло, и сказала, что они увидятся на следующий день, или на следующий вечер.

Но она не ожидала, что он примчится в больницу. Джо попросил одну из сестер сказать ей, что ее просят к телефону, а когда она вышла из палаты Натана и подошла к сестринскому посту, там оказался Джо. Она улыбнулась, и расплакалась, и обняла его, и разговаривала с ним вполголоса. Но на протяжении всего разговора ощущала, как озноб пробирает ее все глубже и глубже, до самых костей.

Его появление должно было бы взволновать ее. Вместо этого Эмили возмутилась его самонадеянностью. Маленький мальчик, ее малыш, лежащий в унылой, пропахшей нашатырем палате в конце коридора, – вот средоточие ее жизни. Каждая клеточка ее существа, вся кровь, которая течет в ее жилах... каждый ее вдох – ради Натана. Он так нуждается в ней, а она ничем не в силах ему помочь, и боль от собственной беспомощности мучительнее всего, что ей доводилось испытывать в жизни.

Только сейчас, глядя в серые, как бурное море, глаза Джо, который ждал объяснений, только сейчас она сама начала понимать это.

Джо здесь посторонний. Все это не имеет к нему никакого отношения. Она ему небезразлична, в этом нет сомнения, но он ни на йоту не может себе представить, как она сейчас страдает. Как будто она на витрине под стеклом, обнаженная рана, а он – просто случайный наблюдатель, турист в музее, способный различить великолепные краски шедевра живописи, но совершенно не способный постичь его суть.

Он здесь лишний. Эмили любит его, она к нему равнодушна, но быть с ним сейчас не хочет. Она хочет... ей нужно назад, к Томасу. Один Томас способен понять.

Эмили зажмурилась, закусилась верхней губой и покачала головой, не в силах встретиться с Джо взглядом.

– Прости, Джо, – сказала она и тут же рассердилась на себя за извинение. – Ты тут ни при чем. Но ты должен понять, что...

– Ш-шш, – прошептал он, прижав палец к ее губам; его добрые ясные глаза были широко распахнуты. – Не надо ничего объяснять. Я понимаю, что все это – у нас с тобой – только начинается. Что бы ни ждало нас впереди, это будет потом. Сейчас ты должна позаботиться

о Натане и о себе. Уж это-то я понимаю.

Где-то неподалеку надрывался телефон; две медсестры лет сорока принялись перешептываться. Эмили чувствовала восхитительный запах сирени, исходивший от цветочной композиции, которая украшала бледно-голубую стойку. Но сколько бы цветов близкие больных – ибо других тут не было, только близкие, – ни приносили, сколь бы усердно ни надраивали каждую поверхность, для Эмили больницы всегда пахли смертью.

Ну, пожалуй, не столько смертью, сколько умиранием.

Она не выносила этого запаха дезинфекции. От одной мысли о том, что Натану придется провести здесь ночь, остаться здесь до тех пор, пока доктора не определят, что с ним такое, к горлу подкатывала дурнота.

Джо произнес ее имя, так тихо, что она едва его расслышала.

– Прости, – сказала она, хотя не знала толком, за что извиняется, – за то, что сбрасывает его со счетов, или за то, что так задумалась. Наверное, за все сразу. У нее возникло ощущение, как будто она потратила слишком большую часть своей жизни на извинения. Перед другими. Перед собой.

Санитар провез мимо новую пациентку, девочку не старше тринадцати лет; все лицо и руки у нее были в порезах, синяках и швах. Наверное, автомобильная авария или что-то в этом роде. Глаза у девочки были открыты, но смотрела она в никуда. Запястье ее обвивала тонкая золотая цепочка с висящей на ней то ли рыбкой, то ли дельфином. Эмили решила, что это памятный подарок от родителей или других родственников или, может быть, от мальчика, если, конечно, ей еще не рано гулять с мальчиками.

Впрочем, когда в наше время «рано»?

– Наверное, тебе лучше вернуться? – спросил Джо. – Я понимаю, что ты сходишь с ума. Тебе сейчас надо быть с Натаном.

– Да, надо, – согласилась она, но точно приросла к полу.

– Если я тебе понадобится, просто поговорить или чем-то помочь, домой заскочить за чем-нибудь, звони в любое время, – напомнил ей Джо.

Эмили кивнула.

Он наклонился поцеловать ее, и его губы легонько коснулись ее застывшего рта, как будто понимали, что им здесь не рады.

– Спасибо, что пришел, – сказала она, смутно сознавая, что вообще что-то говорит; ее мысли полнились сиренью, медсестрами, швами и запахом умирания.

Когда она снова поморгала и подняла глаза, то не ожидала увидеть Джо. Она снова выпала из реальности и в ту же секунду почувствовала себя виноватой. Но он никуда не делся, просто отошел на шаг или два. Выгоревшие светлые волосы, почти отливающие рыжиной. Эти серые глаза, которые на свету становятся зелеными или голубыми. Профессор в колледже в двадцать шесть лет, способный и честолюбивый. Он двумя пальцами приподнял ее подбородок, очень нежно, и наклонился поцеловать ее так, чтобы она заметила.

Она заметила, и закрыла глаза, и поцеловала его в ответ.

– Спасибо тебе, – повторила она, не отрываясь от его губ, и на этот раз от души. Ей было приятно, что он пришел, и точно так же она радовалась, что он уходит. – Я позвоню тебе утром, – пообещала она.

– Позвонишь, когда получится, – сказал он; брови его озабоченно сошлись.

Джо развернулся и зашагал по коридору, а Эмили провожала его взглядом с трепетом

влюбленной. Потом она развернулась, вновь собираясь с духом перед тем, как увидеть своего мальчика, такого неподвижного на больничной кровати, и предвкушая возвращение к неожиданному ободрению, которое она ощутила в присутствии отца Натана. По крайней мере, когда Томас рядом, она не одна со своей болью.

Эмили взглянула на дверь палаты Натана.

На пороге, неотрывно глядя на нее, застыл Томас.

– Вот он, значит, какой?

Печально склонив голову набок, отчего ее светлые волосы рассыпались по плечу, Эмили раскрыла было рот, чтобы ответить, чтобы рассказать Томасу, что она сейчас чувствует. Но лишь вздохнула, еле уловимо покачала головой и протиснулась мимо него в палату.

– Я знаю, ты всегда предпочитала мужчин помоложе, Эм, но тут ты ужехватила через край, нет? – с горечью спросил Томас.

Не обращая внимания на буйные краски настенной росписи, Эмили опустилась в кресло у постели сына. Наконец она ответила бывшему мужу, но глаза на него поднять так и не смогла – не от стыда, от безысходности.

– Я понимаю, тебе нужно непременно устроить скандал именно сейчас, Томас, – слабо проговорила Эмили. – Не знаю, может, тебе это необходимо, чтобы отвлечься. Неважно. Когда Натан... когда Натан придет в себя, я с радостью потрачу свое время на то, чтобы сказать тебе: то, что я делаю со своей жизнью, тебя не касается.

Наконец она заставила себя посмотреть на него и увидела, что праведный гнев, хоть и не до конца, покинул его лицо и его позу.

– Просто сейчас у меня нет на это сил, – договорила она.

Эмили отвернулась и склонилась над Натаном, кончиками пальцев погладила бледную щеку, пробежала по вечно торчащим волосам. Хоть бы он взглянул на нее. Улыбнулся. Засмеялся. Что угодно, только бы знать, что он все еще здесь.

Она медленно положила голову Натану на грудь, прислушалась к биению его сердца, ощутила под щекой его мерное дыхание. И тут же хлынули слезы. Эмили, хотя не услышала и не почувствовала приближения Томаса, никак не отреагировала, когда он положил ей на плечи такие знакомые руки в жесте утешения.

Во всяком случае, так это было задумано. Однако от теплоты этих рук, от воспоминаний о них ей стало лишь еще более одиноко. Единение, которое она надеялась обрести с Томасом, разделив с ним их общую боль, теперь показалось ей безрассудной надеждой.

Никогда еще ей не было так одиноко.

– Мне надо сходить позвонить Франческе, – сказал Томас севшим голосом. Потом громко прокашлялся. – Сказать, чтобы отменила мою завтрашнюю поездку в Лос-Анджелес. Я хотел бы переночевать сегодня здесь, с тобой и Натаном, если можно.

В коридоре послышался грохот: санитар выронил подносы с едой, и они полетели на кафельный пол. Эмили даже не вздрогнула.

– Да, конечно, – отозвалась она, потом с оживлением, которое никак не отразилось на ее лице, добавила: – Твой преследователь так расстроится.

Лишь когда она услышала, как Томас ахнул, а его правая рука, лежавшая на ее плече, сжалась, она вдумалась в то, что только что произошло. С широко распахнутыми глазами она обернулась к нему и вгляделась в его глаза, мечущиеся, сосредоточенные. Но Эмили знала, что эти глаза сейчас ничего не видят. Томас думал.

– Ты же не считаешь... – начала она.

– Это безумие, – согласился он, – но исключить это нельзя.

Томас протянул руку к маленькой тумбочке у кровати и поднял трубку телефона. Он нажал девятку, чтобы выйти на городскую линию, и позвонил в справочное.

– Мне нужен основной номер тарритаунской полиции, – сказал он напряженным отрывистым голосом.

Пока ему искали номер, Томас взглянул на Эмили, кивнул в сторону длинного кабеля с крошечной кнопкой на конце.

– Вызови сестру, – велел он. – Надо, чтобы ему сделали анализы на яды... не знаю.

Его пальцы сплелись с ее собственными, и она крепко сжала их, стиснула его руку. Так, вместе, они ждали.

В понедельник с утра налетела гроза – явление, более привычное весной, нежели в разгар лета, да и тогда необычное. На рассвете было тепло, почти безоблачно и безветренно. К девяти часам все совершенно переменялось. Быстро поднялся ветер, по небу неслись темные тучи, стало стремительно холодать.

К половине десятого температура снизилась почти до семидесяти градусов^[5], горизонт казался избитым и болезненным, как будто внутри него скрывалась злокачественная опухоль. Стало темно, почти как ночью, однако небо было странно сумеречным и приобрело нездоровый цвет солнечного затмения. Казалось, воздух дрожит от предвкушения... чего-то.

Первая молния протянула электрические пальцы с небес к земле совсем незадолго до десяти часов, а рокот грома, который сопровождал ее, был таким громким и раскатистым, что задребезжали окна в больничном кафетерии. На третьем ударе хлынул ливень. Дождь стучался в стекла огромными каплями, сплошная стена воды, которая немедленно начала скапливаться широкими и глубокими лужами на стоянке и на дорогах.

Под почти сюрреалистический грохот дождя, бомбардирующего здание, Томас, насупившись, сердито смотрел на сидящего напротив Уолта Сарбекера, детектива, которую прислали из тарритаунской полиции разобраться с его жалобой на преследователя.

«Предполагаемого» преследователя, так они сказали. Именно это слово так взбесило Томаса. Но он быстро понял, что его гнев приведет к обратным результатам.

Сарбекер оказался тощим очкариком с обильной сединой на висках и ее проблесками во всех прочих местах. Он пальцем поправил очки на переносице, ожидая каких-либо пояснений от Томаса, потом уставился за окно, на проливной дождь, по всей видимости, сообразив, что никакого ответа не последует. Детектив был моложе, чем предполагала седина, хотя Томас не мог бы с уверенностью назвать его возраст.

Интересно, у детектива Сарбекера есть дети?

Он несколько раз вскидывал брови, пока Томас рассказывал ему о всех странностях, которые произошли за последнее время. О том, как Натан себя вел, об опасении мальчика, что герои «Обманного леса» желают ему зла, о его убеждении в том, что они на самом деле побывали здесь, в доме, что сейчас казалось пугающе более вероятным, чем прежде.

Когда Томас добрался до рассказа об арахисово-масляных отпечатках лица и ноги у него во дворе, Сарбекер отчетливо хмыкнул. Томас предпочел истолковать этот звук как выражение испуга со стороны долговязого детектива и в этом смысле добрый знак. Он хотел, чтобы этот человек принял его всерьез. Хотел, чтобы детектив встревожился.

Пока Томас рассказывал, Сарбекер набрасывал что-то в небольшом блокнотике. Вокруг в кафетерии кипела и шумела повседневная жизнь. Ходячие пациенты, которым надоело

торчать в палатах, с переменным успехом доносили подносы до своих столиков. Семьи и одиночки, ожидающие ответов на вопросы жизни и смерти, сидели молча или тщательно делали несерьезный вид. Парочка новоиспеченных папаш разменивали банкноты, чтобы взять ранний обед и подняться обратно, к женщинам, с которыми они теперь связаны на всю жизнь.

Ибо, что бы ни случилось, подумал Томас, у них всегда будет ребенок. Всегда будет дитя, которое они вместе произвели на свет.

Все прочее несущественно.

Томас потряс головой. У него было такое ощущение, как будто вокруг него, перед глазами и в особенности в голове стоит какой-то туман, – с самого вчерашнего вечера, когда он увидел в ванной Натана. Но теперь голова у него должна быть ясной. Он разговаривает с полицейским.

– Простите?

Детектив еле заметно кивнул.

– Я сказал, что не вижу в этом никакого смысла, – ответил Сарбекер. – Полагаю, у любого может появиться преследователь. И я понимаю, какое отношение это имеет к вашей работе, – это очевидно. Но я не понимаю зачем. У вас, очевидно, есть деньги, но вся эта затея не ради них. Если кто-то преследует вас...

От Томаса не ускользнуло это «если».

– ... это, очевидно, какая-то навязчивая идея. И каким бы замечательным «Обманный лес» ни был, что в цикле детских книг может внушить подобную навязчивую мысль?

Томас так и не смог найти язвительного ответа, хотя и искал. Ну что тут скажешь?

– Возможно, причина на самом деле не в этом, – предположил Томас – Может быть, это кто-то из моих знакомых. Затаил на меня обиду или еще что-нибудь в этом роде? Возможно, это профессиональное. Какой-нибудь психопат. Господи, не знаю.

Он чуть было не сказал: «Разве это не ваша обязанность?» Но отбросил эту мысль. Ему несколько раз пришлось напоминать себе, что Сарбекер на его стороне. Предположительно.

– Что с моим сыном? – спросил Томас, повторяя вопрос, который задавал уже дважды, но ответа так и не получил. – Думаете, что-то в зубной пасте? Но каким образом он смог пробраться в мой... то есть в дом моей бывшей жены?

Сарбекер поморщился с тем еле заметным кивком, который, как быстро понял Томас, не значил вообще ничего.

– Я не вижу никаких причин полагать, что он это сделал, мистер Рэнделл. Мы не обнаружили никаких признаков взлома, никаких свидетельств нахождения этого предполагаемого преследователя поблизости от местожительства вашей жены. И, по словам врачей, Натан не был отравлен.

Томас побледнел.

– Что? Он не был... Тогда, черт побери, что такое с ним произошло?

– Хотел бы я это знать, сэр, – ответил Сарбекер. – Но доктор Гершманн совершенно недвусмысленно заявил, что токсикологи не обнаружили никаких следов яда... вообще ничего необычного... в организме вашего сына.

Томас прикусил губу и покачал головой, отказываясь понимать слова полицейского.

– Прошу прощения, детектив, – начал он, но не договорил. Глупо называть человека «детектив». Он никогда прежде не употреблял это звание, и оно казалось ему чуточку нелепым.

– Мистер Рэнделл? – напомнил о себе Сарбекер.

– Неважно, – сказал Томас, прикрывая глаза, как будто ему мешал свет.

Внезапно он уронил руки, резко выпрямился, сузил глаза и в упор посмотрел на детектива.

– Вы ведь заходили в палату к моему сыну, так? – спросил Томас.

– Совсем ненадолго, поговорить с вашей женой, – ответил Сарбекер. – А что?

– Вы не заметили ничего... ну не знаю, необычного, когда вошли туда?

Сарбекер слегка вздернул подбородок; лоб у него недоуменно нахмурился.

– В каком смысле – необычного?

– Вы не почувствовали никакого запаха?

Детектив заморгал. Томас широко раскрыл глаза и опустил голову, побуждая полицейского к ответу.

– Наверное, цветы, – сказал Сарбекер. – Обычные больничные запахи.

– Подумайте хорошенько, – настаивал Томас.

На мгновение полицейский даже закрыл глаза.

Он раскрыл рот, медленно вдохнул. Когда его глаза распахнулись, он поглядел на Томаса как-то странно.

– Я действительно почувствовал еще один запах, – вспомнил Сарбекер. – Думаю, я решил, что это духи вашей жены, или шампунь, или еще что-нибудь.

– Мы с ней в разводе, и она не принимала душ со вчерашнего утра, – быстро сказал Томас. – Что это был за запах?

Едва заметно пожав плечами, Сарбекер сказал:

– Апельсины.

– Апельсины, – согласился Томас. – Запах то появляется, то исчезает, но исходит он от Натана, как будто он его выдыхает. Я думал, может, это какая-нибудь химическая реакция на яд или... Но вы сказали, что он ничем не был отравлен.

– Ничем таким, что врачи могут определить.

– Апельсины, – повторил Томас и положил подбородок на сложенные домиком пальцы рук.

– Откуда тогда исходит этот запах? – спросил детектив.

Томас не знал ответа.

Он слышал какое-то пиканье. Бип-бип-бип-бип. Не как писк Дорожного Бегуна, с равномерное, как будто подавал сигнал автомат. Пикало быстрее и быстрее. Билось быстрее и быстрее. Билось.

Он плакал. Слезы были соленые на вкус.

Сердце у Натана готово было выпрыгнуть из груди. Он так горько плакал, что едва мог дышать. Если он не перестанет, то его вырвет, он знал это, но ему было все равно.

– Мы... он... он наша законная добыча! – рыкнул Скалоголовый.

Но ни он, ни Долгозуб не приблизились к Натану ни на дюйм. Последовал долгий миг, когда все безмолвствовали, даже апельсиновые вопильщики прекратили вой, даже ветер улегся. Мерцающий свет рыжих звезд заливал тропинку. Запах гари – догорающего дотла края Колокольчиков и Свистулек – висел в воздухе.

Генерал Арахисовое Масло стоял на пригорке, облепленный пчелами. Он сделал шаг

вперед. Апельсиновые вопильщики засемили вниз, к тому месту, где на земле лежал Натан.

– Боб? – тревожно прошептал Скалоголовый; над левым глазом, там, где в его черепе была расселина, полыхнуло зеленое пламя. Так бывало, когда он злился или путался.

Боб Долгозуб рядом с огненноголовым троллем храбро шагнул вперед и вызывающе вздернул подбородок, сверля взглядом генерала Арахисовое Масло.

Натана Рэнделла вывернуло на землю, и от запаха он зарыдал еще горше и отполз в сторону, чтобы не испачкаться. Опять захотелось в туалет, но он закусил губу и терпел. От его штанишек уже и так воняло мочой.

– Мамочка, – выдохнул он, судорожно дыша, – Папа?

– Все будет хорошо, малыш, – сказал генерал Арахисовое Масло; голос у него был тягучий, рот набит арахисовым маслом. Оно паутинками протягивалось от одной губы до другой, а когда он открывал рот, в него влетали и вылетали пчелы.

Натан затаил дыхание, уставился во все глаза. Может быть, генерал пытался ему помочь, но Натан боялся его и пчел даже больше, чем Долгозуба и Скалоголового.

– Предатель, – буркнул наконец Долгозуб, буравя генерала взглядом. – Ты же знаешь, как все должно быть. Нашшего Мальчика нужно вернуть. Он нужен лессу. Надо значит надо.

– Только не так, – отрезал генерал Арахисовое Масло.

Он протянул руку и указал на Натана:

– Заберите его.

Апельсиновые вопильщики заверещали, и Натан подумал, что голоса у них почти радостные. Они на своих тоненьких ножках засемили по склону, скрежеща острыми зубами и размахивая копьями. Они подбежали прямо к Натану, и мальчик закрыл глаза, полностью уходя в себя. Он не мог смотреть.

Пока Боб Долгозуб не цапнул его когтистой лапой за руку и не попытался вздернуть его на ноги. Глаза Натана распахнулись в тот самый миг, когда Долгозуб издал крик, похожий на визг и рев одновременно. Пчелы. Они роились вокруг головы Долгозуба, и он бросил Натана обратно на землю и принялся хлопать себя по лицу.

Маленькие верещащие апельсинки подбежали к Натану и впились зубами в ноги Боба, а некоторые принялись подпрыгивать, чтобы укусить Скалоголового или ткнуть его копьём. Какое-то время Скалоголовый пытался отбиться от них, одновременно уворачиваясь от пчел. Но вскоре Боб Долгозуб развернулся и побежал, и едва Скалоголовый увидел это, как тут же последовал его примеру.

– Предатель! – пророкотал Скалоголовый, перед тем как исчезнуть в зарослях корявых мертвых деревьев у дороги.

Натан не понял, как это у него получилось, но он вдруг перестал плакать. Слишком перепуганный, он часто дышал, судорожно икая от ужаса и оглядываясь вокруг расширенными глазами. Апельсиновые вопильщики окружили его, но большинство из них стояли к нему спиной с копьями на изготовку, воинственно крича во тьму вокруг дороги.

Они... защищают его?

Ничего не понятно. Генерал Арахисовое Масло пообещал, что все будет хорошо, но ему нельзя верить. Он плохой. Самый плохой из всех, разве что шакал Фонарь хуже. И апельсиновые вопильщики... они свирепые, как волки или еще кто-нибудь. Это неправильно. Все должно быть не так. Даже Натан понимал это.

Но, с другой стороны, в Обманном лесу все было не так, как должно быть.

– Привет, Натан, – раздался зудящий голос. Натан подскочил, лихорадочно обернулся, чтобы взглянуть, кто это сказал так близко к нему.

Это, разумеется, были пчелы. Их были сотни, целая небольшая туча, которая висела у него за спиной. Он уставился на них, испуганный, что они вот-вот накинутся на него, примутся жалить. Натана никогда еще не кусали пчелы, но он ужасно их боялся.

– Мы не обидим тебя, Натан, – снова сказал зудящий голос.

Натан откуда-то понял, что это не настоящий голос. Это были пчелы, пчелы говорили. Весь рой своим жужжанием приветствовал его.

Апельсиновые вопильщики умолкли.

Что-то чмокнуло, как будто кто-то увяз в грязи, и голова Натана мотнулась назад. Прямо перед ним стоял, склонившись, генерал Арахисовое Масло и разглядывал его. Мальчик шархнулся.

– Я же сказал, что все будет хорошо, малыш, – напомнил генерал. – А я знаю, что говорю.

– Зззнает, зззнает, – зажужжали пчелы.

Сначала Натан прятал глаза от генерала Арахисовое Масло, но в конце концов что-то вынудило его посмотреть на него. Медленно, с опаской он взглянул в глаза генерала – нити арахисового масла тянулись от верхних ресниц к нижним. Но глаза за ними были добрыми. Даже печальными.

– Можно мне... – начал Натан, но слова застряли у него в горле. – Можно мне теперь домой? Я хочу к маме.

Генерал Арахисовое Масло на мгновение задумался, потом быстро вскинул руку и смахнул нескольких пчел с облепленного арахисовым маслом края фуражки. Натан снова шархнулся от испуга. И тут же вздрогнул от боли и прикусил губу, чтобы опять не расплакаться. Кровь из спины все еще идет, подумал он, ощутив на коже что-то мокрое.

– Ну-ка, – отрывисто сказал генерал. – Дай мне взглянуть.

Он протянул руку к Натану за спину, и мальчик захныкал. Но едва липкая рука генерала Арахисовое Масло коснулась спины Натана, как боль, казалось, отступила. Арахисовое масло было холодным и приятным.

– Так лучше? – спросил тягучий голос.

– Да, спасибо, – нерешительно сказал Натан. – Я... меня зовут Натан. Я из Тарритауна.

Генерал Арахисовое Масло улыбнулся ему с высоты своего роста.

– Да, сынок, – сказал он. – Я знаю, кто ты. И как только я соображу, каким образом они затащили тебя сюда, я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы отправить тебя домой.

С этими словами генерал Арахисовое Масло медленно обхватил Натана, не обращая внимания на описанные штанишки и рвоту, и очень-очень осторожно, чтобы не напугать мальчика еще больше, поднял его на липкие маслянистые руки. Пчелы жужжали вокруг ног генерала и у него за спиной, кое-какие из них окружали голову арахисовомасляного человека крылатым нимбом, но держались подальше от его лица и груди. Оттуда, где он держал Натана.

– Придется подыскать тебе какую-нибудь другую одежду, – сказал генерал и сверху вниз посмотрел на апельсиновых вопильщиков. – Позаботьтесь об этом, – велел он.

Несколько вопильщиков громко заверещали – звук был такой, как будто поезд в метро с визгом подкатился к перрону, – и умчались в лес. Остальные потянулись за генералом.

Натан все еще был перепутан. Сердце у него бешено колотилось, глаза бегали по сторонам, бдительно высматривая любую опасность, которая могла грозить им из леса. Арахисовым маслом пахло так сильно, что ему одновременно захотелось есть и затошнило еще сильнее. Но генерала он больше не боялся. Наверное, в книжках все неправильно. Конечно, неправильно.

Он же сам видел глаза генерала Арахисовое Масло, и они были очень добрые.

Пока они возвращались по Путаному пути, мысли Натана вращались вокруг сказок, которые отец читал или рассказывал ему об Обманном лесе. Он подумал о всех тамошних местах и понял, что Обманный лес – ужасно большой. Уже скоро они должны прийти к хижине Ворчуна, а потом и к Шаткому мостику.

При мысли о том, что скрывается под Шатким мостиком, Натан задрожал и крепче прижался к генералу Арахисовое Масло. И не успел он даже это осознать, как глаза у него начали слипаться.

Натан Рэнделл уснул на руках у слишком хорошо знакомого страшилища.

Пока интерн снимал постельное белье и перестилал Натану постель, медбрат по имени Фрэнк Перлмен держал его на руках.

– Бедный мальш, – сказал интерн. – Установили, что с ним такое?

– Нет еще, – ответил медбрат. – Пока никаких предположений.

Томас не мог думать. Вместо этого он плакал.

Сидел на небольшом молу, сложенном из массивных бутовых камней, который вдавался далеко в Гудзон, и плакал от собственного бессилия. Ничто в жизни не подготовило его к чувствам, которые бушевали сейчас в его душе. Горе от потери близких, физическая боль – все это не шло ни в какое сравнение с мукой и беспомощностью, которые терзали его в этот миг.

Было утро вторника, и никаких изменений. Ночь он провел в жестком пластмассовом кресле с откидной спинкой в палате Натана, едва ли в футе от Эмили, прикорнувшей на больничной койке. Утром Натан все так же лежал без движения на своей твердой неудобной кровати. Бывшие супруги Рэнделлы заключили нечто вроде перемирия, основанного на чувствах, которые они некогда испытывали друг к другу, и на том, что не уйдет никогда на неизменной смущенной симпатии и их общей любви к Натану.

Эмили вызвалась подежурить, пока Томас съездит домой принять душ и переодеться, чтобы он потом мог отпустить ее. Таким образом рядом с Натаном всегда кто-то будет, хотя доктор Гершманн не мог сказать, сознает он это или нет. Видеть он их точно не мог. Докторам пришлось заклеить широко раскрытые глаза Натана пластырем, чтобы они не пересыхали. Зрелище получилось жутковатое; ребенок походил на плод какого-то чудовищного эксперимента над людьми.

Когда Томас добрался до своего дома в Ардсли, на автоответчике было семь сообщений. Он не стал их прослушивать. Почту тоже свалил на кухонный стол, не разбирая. Вещи, которые имели в его жизни почти сакральное значение, теперь вообще утратили всякую ценность. Он принял душ, на бритье решил плюнуть, потом натянул застиранную зеленую футболку с треугольным вырезом и чистые голубые джинсы.

Однако на обратном пути в больницу он каким-то образом отвлекся. Он не может. Не может вернуться туда прямо сейчас. Томас понимал, что ему нужно немного побыть наедине с собой, собраться с мыслями, пообщаться со своим внутренним «я», или как там это называется. Он знал лишь, что события прошедших двух дней привели его в такое оцепенение, что он с трудом мог думать.

Так он очутился здесь, сделав небольшой крюк на своем «вольво». Томас сидел и смотрел на Гудзон, на обманчиво ленивую рябь, под которой таилась буйная стихия. Он заплатил четыре доллара и оставил машину на стоянке перед обсаженной деревьями поляной для пикников в Филипс-Мэнор, грязноватом предместье к северу от Сонной Лощины. У него было всего несколько минут – ему не хотелось, чтобы Эмили сочла, будто он воспользовался ей, – но несколько минут покоя стоили этих четырех баксов. За исключением немногочисленных старичков, мало кто мог позволить себе прохладиться в парке во вторник утром. А старички не станут прогуливаться по каменистому выступу всего в нескольких дюймах от воды. Он был один.

– Господи, Натан, прости меня, – прошептал он реке.

Никогда в жизни Томас не чувствовал себя таким слабым. Ему отчаянно необходимо что-то сделать, хоть что-нибудь, чтобы помочь Натану. Найти хорошего врача, отыскать хоть какую-нибудь зацепку, поймать преследователя и вышибить из него мозги. Два этих события с виду не были связаны между собой, но Томас никак не мог отделаться от ощущения, что

это так, что существует связь, только никто ее не видит. Ох, с каким же наслаждением он задаст ему трепку!

Со вздохом он сказал себе, что надо ехать. Тыльной стороной ладони утер лицо, размазывая слезы, но до конца их так и не убрал. Потом оперся рукой о край большого валуна и уже начал подниматься, когда послышался отдаленный всплеск.

Томас хмыкнул про себя, обернулся, на миг застыв в нелепой позе, и заметил, как что-то большое и черное исчезло в глубине, рассекая воду, словно китовый хвост.

– Что за чертовщина? – пробормотал он, поднимаясь и отряхивая штаны от грязи, по большей части воображаемой.

Охваченный любопытством, он прищурился и принялся смотреть на воду, ожидая, когда то, что это было, вынырнет снова. Покажется. Он пытался мысленно представить себе, на что это было похоже, но у него не получалось. Просто его воображение силилось наслоить какую-то подсознательную идею поверх реальности. Похоже, совсем недавно это уже было.

Пока он так стоял, прошла почти минута. Томас сунул руку в левый передний карман, куда всегда клал ключи, и вытащил их оттуда за пластиковую коробочку пульта дистанционного управления от сигнализации. Он неохотно развернулся, чтобы идти, все еще ломая голову, какая пресноводная рыба может быть такой здоровенной, как та тварь, которую он заметил, хотя видел он ее всего лишь миг.

Пожав плечами в ответ на собственные мысли, Томас огляделся и увидел, что он действительно один, если не считать двух пожилых джентльменов – они играли в шахматы за столиком под исполинским дубом, который, казалось, подпирает само небо. Значит, больше никто ее не видел, подумал он и, внимательно глядя под ноги, зашагал по молу к зеленой лужайке парка В самом конце каменистого выступа, перед тем как ступить на траву, Томас обернулся и снова взглянул на реку.

На миг помедлил.

Что-то вырвалось из-под поверхности, прорвало водную гладь. Широкая, плоская и черная, добрых четырех метров в поперечнике, тварь блестела, как мокрая резина, и казалось, была точно такой же на ощупь. Показался длинный тонкий хвост; существо словно плыло над водной гладью, как белка-летяга, парящая от дерева к дереву. Потом оно снова погрузилось в воду, распоров реку и исчезнув в глубине.

Лишь одно мгновение Томас стоял и смотрел на зыбь на поверхности в том месте, где тварь вошла в воду. Потом он вскинул руки, одна ладонь с растопыренными пальцами заслонила лицо, другой он обхватил себя. Пальцами он прикрывал один глаз, как будто ему невыносимо было видеть то, что он только что увидел, и сердце слишком сильно, слишком быстро колотилось в груди.

Память подсказала ему название этой твари. Это, разумеется, была летучая манта. Кто же еще? Но, с другой стороны, это не могла быть летучая манта, потому что летучих мант не бывает.

Не бывает за пределами Обманного леса. Господи, у него голова идет кругом.

В правом заднем кармане Томаса запел крошечный мобильный телефон. От неожиданности он шагнул вперед, нога у него поехала, и он едва не угодил в неглубокую воду у самого берега. Но не упал, а ударился правым коленом об острый край камня так сильно, что ободрал кожу даже сквозь ткань джинсов. Томас взвыл от боли. Вечные игроки оторвались от своих шахмат, увидели, что с ним ничего не случилось, и вернулись к своей партии.

Телефон затрезвонил снова.

Выругавшись так, что даже его покойный отец, кадровый военный, залился бы краской, Томас выдернул телефон из кармана, чуть не уронив его в воду, но в конце концов все же умудрился раскрыть его.

– Да! – рявкнул он.

– Я выбрала неудачный момент? Томас сделал глубокий вдох, уронил голову.

– Нет, Франческа, – сказал он своему агенту. – В последнее время удачных моментов просто не бывает, так что как можно говорить о неудачном моменте? Просто я думаю, что окончательно сошел с ума, вот и все.

– Я тебя не виню, – сказала она ему.

Томас понимал: Франческа считает, будто он говорит о Натане и о том, что происходит. Пусть и дальше так считает. Ему все равно нужно возвращаться обратно в больницу. Он лениво задумался, не обратиться ли ему к кому-нибудь из тамошних психиатров. Или хотя бы взять направление к психологу.

– Я сейчас еду обратно в больницу, – сообщил он. – Что у тебя?

Она немного помолчала в трубке. Когда она заговорила, сомнение в собственном здравом рассудке было не только в душе Томаса, но и в голосе его агента тоже.

– Я еду на встречу в «Фокс», – сообщила она. – Просто то, что у них здесь, в городе Ангелов, называется завтраком. А потом это дело начнет приносить тебе уйму денег. Я действительно не знаю, справлюсь ли со всем этим без тебя.

– Ты выколотишь из них больше денег, если меня там не будет, и тебе об этом известно, – сказал он легкомысленно.

– Возможно, – отозвалась она. – Послушай, я не хочу показаться бездушной, Томас, но, может, у тебя будет возможность устроить совещание по телефону через некоторое время? И мне нужно знать, что говорить, если спросят, когда ты сможешь подъехать для уточнения деталей. Даже если они согласятся заключить сделку, возможно, они все равно захотят встретиться с тобой лично.

Сначала Томас ничего не ответил. Потом, когда он уже открыл рот и даже издал первый звук, Франческа немедленно перебила его.

– Послушай, я знаю, что Натан для тебя на первом месте, – сказала она быстро. – И для меня тоже. Правда. Но врачи же сказали тебе, что он поправится...

– Они не опасаются, что он умрет, Фрэнки, – сказал Томас; щурясь, он потирал виски и смотрел, как старики играют в шахматы. – Это не значит, что ему лучше. Это не значит, что он не останется таким на всю жизнь, черт побери. Да что с тобой такое?

Фрэнки поперхнулась. Томас расслышал это даже по телефону.

– Я здесь работаю ради тебя, Томас. Может быть, тебе следовало бы подумать о том, чтобы хоть иногда тоже работать ради Натана. Послушай, ты хочешь, чтобы я все отменила? Поверь, у меня уйма друзей в Сан-Диего, которые будут рады провести эту неделю со мной, и я вполне могу устроить себе отпуск.

– Нет, – немедленно ответил Томас. – Прости, Франческа. Просто ты должна понять...

– Я и так понимаю. Хотя ты так и не считаешь. Но жизнь должна продолжаться, Томас. Мир не перестал крутиться, как бы тебе того ни хотелось. Seriously, ты сейчас, возможно, нужен Натану как никогда. Я понимаю. Честное слово. Но «Фокс» хочет заключить сделку сейчас. Через день или через неделю это им может быть уже неинтересно. Такой уж это бизнес. Ты же знаешь. Здесь замешаны деньги, гарантии. И если ты перестанешь работать

хотя бы ненадолго, мне не надо будет тебе напоминать, что субправа на «Обманный лес» – это все, на что ты живешь.

Все это было справедливо. Томас признавал это. Франческа не принадлежала к числу агентов-кровопийц, которые щелкают хлыстом только ради того, чтобы выжать свои комиссионные. Она была его другом и, как это ни ужасно, она была права.

До определенной степени.

– Послушай, в ближайшие несколько часов я не могу. Мне нужно отпустить Эмили, чтобы она могла помыться и переодеться. Если они захотят поговорить со мной днем, мы это устроим. Но прямо сейчас – никак. И я никуда оттуда не уеду.

– Томас.

– Прости, Фрэнки, нет. Если они хотят меня увидеть, могут приехать на Манхэттен, – решительно ответил Томас. – Я уже и так испоганил моему ребенку жизнь и здоровье своим разводом. Если они не понимают, что я сейчас нужен своему сыну, пускай катятся к черту. Я намерен быть с Натаном, когда он очнется.

– Позвони мне, если что-нибудь изменится, – только и сказала Франческа после недолгого молчания. – Я сообщу тебе, как пройдет встреча.

В трубке щелкнуло, и она отключилась. Томас сложил телефончик, сунул его в карман джинсов и снова похромал к берегу, морщась от боли в колене. На ткани проступило небольшое пятнышко крови, размером с мелкую монетку. Ладно, до свадьбы заживет. В этом сумасшедшем доме, в который превратилась его жизнь, Томас не придавал какой-то ссадине особого значения.

Еще раз бросив взгляд на шахматистов – старший из них, щеголеватый латиноамериканец, явно одерживал верх, – Томас поковылял по лужайке к грунтовой дорожке, которая вела на стоянку. Хотя за последние минут двадцать он заметил поблизости только шахматистов, на стоянке было еще пять машин, не считая его собственной. Через два места стоял темно-зеленый джип «чироки-ларедо», и Томас залюбовался машиной. Когда-то он тоже хотел такую и знал, что Натан был бы от нее в восторге.

«В самый раз для тебя, дружище», – подумал он – этакое молчаливое обещание сыну. Когда Натан очнется, он купит джип им обоим.

Томас обошел джип и увидел свою «вольво». Она была обляпана птичьим дерьмом. Бело-коричнево-зеленых шлепков было не один-два, а десятки. Можно подумать, машина простояла под деревьями несколько недель, а не полчаса.

– Господи Иисусе! – воскликнул Томас и запрокинул голову, как будто умоляя небеса о помощи. Хотя это небеса так ему подгадили, подумал он. И рассмеялся. Это длилось недолго, но посмеяться было здорово. Даже над своей собственной дурацкой шуткой.

Закатив глаза и покачав головой, Томас снова вытащил ключи из кармана джинсов. Он подошел к дверце и стал открывать ее, когда на крышу машины уселась здоровенная ворона. Вполне возможно, эта птица ничем перед ним не провинилась, но Томас всецело верил в вину по ассоциации^[7], в особенности там, где дело касалось таких злокозненных созданий, как собаки, коты, птицы и маленькие дети.

– Пшла, маленькая дрянь! – сказал Томас – убирайся. Кыш! Давай отсюда!

Ворона лишь недобро смотрела на него блестящими черными глазками, в которых, словно в отполированных драгоценных камнях, отражалось лицо Томаса.

Он вскинул руки, пытаясь спугнуть птицу. Напрасный труд. Тварь даже не шелохнулась. В конце концов, озадаченный дальше некуда, Томас залез в машину за дорожной картой,

которую хранил в бардачке, и замахал ей на птицу. Ворона повела себя так, как будто она была Клеопатра, нежащаяся на ветерке от бешено развевающейся карты.

Томас пробуравил птицу взглядом.

– Прекрасно, – процедил он. – Ну и черт с тобой. Посмотрим, удержишься ли ты на пятидесяти пяти милях в час.

Зажав ключи в правой руке, Томас распахнул дверцу и уже почти плюхнулся на сиденье, когда ворона заговорила.

– Ты нужен ему, Наш Мальчик, – сказала она. – Ты – единственный, кто может сейчас ему помочь.

Томас на мгновение застыл. Потом обернулся и в ужасе уставился на ворону. Клюв у нее был закрыт. Она не могла ничего сказать. Никак. Наверное, у него что-то с головой.

Но как она смотрит на него своими большими черными сумасшедшими зеркальными глазами...

Чувствуя себя полным идиотом, Томас склонил голову и посмотрел на птицу. Не ворона – ворон!

– Дэйв? – выдавил он.

– Карр! – крикнул ворон и, взбив воздух широкими черными крыльями, взмыл к небу. Томас провожал его глазами, пока птица не скрылась из виду. Тогда он уселся за руль «вольво», вставил ключ в зажигание и завел машину. Двигатель взревел, и Томас снова выглянул в окно.

– Нет, – сказал он себе. – Ну уж нет.

На пути в больницу он включил радио на полную громкость, так что едва не лопались барабанные перепонки, и все равно едва слышал музыку.

Из окна в палате Натана смотреть было почти не на что. Сидя в кресле, в котором Томас провел прошлую ночь, Эмили видела окна других крыльев больничного корпуса и крышу того, что, должно быть, представляло собой вестибюль, на несколько этажей ниже. Крыша была засыпана камешками, почти как стоянка для автомобилей, – с подобной практикой Эмили не раз сталкивалась и никогда ее не понимала. Какой смысл покрывать крышу здания слоем мелких камешков? Это раздражало ее.

И смотреть на нее было скучно. Непростительный грех. Даже разглядывать автостоянку и то было бы веселее. Она хотя бы видела, как люди приходят и уходят.

Щеки Эмили внезапно залила краска вины, и она повернулась к Натану. Никаких изменений. Он лежал, такой трогательный, словно просто спит. Ох, если бы это было так! Она вспомнила Натана малышом, пушистые каштановые волосенки, которые были у него в младенчестве, то, как его живое личико становилось ангельски невинным, когда он засыпал. Чуть приоткрыв беспрестанно лепечущие губки, ужасно утомившись от усилий, которые уходили на то, чтобы быть младенцем.

У него до сих пор были ямочки на щеках. Когда Натан улыбался, эти ямочки кого угодно могли заставить расплыться в улыбке вместе с ним. Но сейчас он не улыбался. И не спал. Он застрял в каком-то ужасном промежуточном состоянии, здесь, но одновременно и где-то еще, где-то далеко-далеко.

Эмили ничего не могла сделать, лишь следить, как грудь ее сына вздымается и опадает с каждым вздохом, смотреть кошмарные дневные телепрограммы по больничному телевизору или разглядывать из окна гравий, непонятно зачем рассыпанный по крыше. А когда Эмили

слишком долго смотрела в это окно, слишком долго и слишком бесплодно тревожилась о Натане и уставала от собственного беспокойства, ей больше всего хотелось вырваться отсюда.

Она уронила голову, терзаемая чувством вины, и светлые волосы рассыпались по ее лицу.

Снова и снова она твердила себе, что это ее сын, что ее место здесь, рядом с ним. Эмили знала, что это так, и ради Натана она пошла бы на все. Но какая-то часть ее хотела сбежать, хотя бы совсем ненадолго. Очутиться в другом месте.

– Прости, малыш, – прошептала она Натану и присела на краешек кровати, не обращая внимания на трубки.

Это глупо, честное слово. Она знала, все сказали бы то же самое. В конце концов, ни один человек не может безвылазно сидеть в больничной палате, ни с кем не общаясь, ничего не делая и не испытывая никаких чувств, кроме страха за будущее. Но чувство вины не отпускало.

Эмили поднялась и вышла в маленькую уборную при палате. Она сходила в туалет, потом вымыла руки и ополоснула лицо. Когда с этим было покончено, она оперлась о раковину и принялась пристально вглядываться в свое отражение в зеркале. С опаской. Эмили наоборот, как она всегда думала, то забавляясь этой мыслью, то испытывая к ней отвращение. Ее карие глаза окружали «гусиные лапки», правда, не очень много. И хотя темные круги выглядели особенно непривлекательно, она знала, что обычно все обстоит не так скверно.

Глядя в зеркало, Эмили наконец начала приходить в себя. Освободиться от оцепляющего тумана, который окутывал ее с вечера воскресенья. Она в больнице со своим сыном, и он нуждается в ней так сильно, как не нуждался ни разу с того дня, когда покинул ее лоно. Все остальное не имеет значения.

Но чтобы как следует заботиться о Натане, находиться рядом с ним и быть готовой справиться со всем, что бы еще на них ни свалилось, Эмили должна продолжать жить. Продолжать быть Эмили, женщиной в зеркале. Как-то раз, в одну из нечастых своих вылазок на чуждую территорию философии ее покойный отец сказал ей, что люди оценивают себя по тому, как они отражаются в глазах других. Эмили нуждалась в моральной и мысленной поддержке окружающих: бывшего мужа, матери – если бы только та могла вынырнуть из тумана болезни Альцгеймера, – врачей Натана, коллег – и Джо. Джо тоже был ей нужен.

Расчесывая пальцами невымытые волосы, Эмили вернулась обратно в палату. Она присела на край постели, поцеловала сына в лоб и посмотрела на часы.

Томас отсутствовал уже почти три часа. Довольно долго, подумала она, надеясь, что он скоро вернется. Ей нужен перерыв, пропади все пропадом, и к черту чувство вины, которое породила эта мысль.

Почему-то даже без душа, без возможности переодеться и выспаться, чего ей так страстно хотелось, Эмили ощутила прилив сил. Она протянула руку к телефону и после нескольких неудачных попыток сообразить, как подключиться к городской линии, набрала свой рабочий номер.

Эмили была начальницей отдела кадров «Сентинел Софтвер». В сложившихся обстоятельствах она вдруг осознала, как ей повезло занимать такую должность, где у нее есть два заместителя, которые отлично разбираются в своем деле. Это давало ей возможность работать неполный день, так что она могла каждый день забирать Натана из

садика в три часа и заниматься им. А теперь компетентность ее подчиненных дает ей возможность быть рядом с сыном, когда он больше всего в ней нуждается.

– Отдел кадров, Лорена.

– Это Эмили, – сказала она в трубку.

– Господи, Эмили, ну как он? – нетерпеливо спросила Лорена, и один только звук ее голоса нарисовал перед глазами Эмили встревоженное лицо молодой коллеги.

– Без изменений – призналась Эмили, усаживаясь чуть прямее, – физическое свидетельство ее решимости быть сильной ради сына. – Ему еще в воскресенье вечером сделали компьютерную томограмму – это что-то вроде компьютерной карты мозга. Вчера делали МРТ, она показывает намного больше деталей, но что с ним такое, пока непонятно. Но я надеюсь, что это лишь дело времени. Как там у вас дела?

– Мы увольняем Марка Калигьюри или нет? – спросила Лорена.

– Увольняем. Можешь показать ему его личное дело, если он захочет. Только подожди конца рабочего дня. Не хватало только, чтобы он прихватил с собой что-нибудь секретное. Свой «Ролодекс» он может оставить себе, но без единой клиентской карточки, – задумчиво ответила Эмили. – Мы получили ответ от этой, Полы, как там ее?

– Полетт, – поправила ее Лорена, – Полетт Хобсон. Да, она сделала нам встречное предложение. Запросила семь тысяч сверху, соответствующую премию и дополнительную неделю к отпуску.

– Предложи ей шесть, – сказала Эмили. – Это укладывается в установленные руководством рамки для принятых на работу в третьем квартале. Еще что-нибудь?

– Нет.

– Я пока побуду здесь, Лорена, – сказала Эмили. – Вернее, буду курсировать между больницей и домом. Я захвачу с собой сотовый, когда поеду домой принять душ, тогда я смогу быть все время на связи.

– Я буду звонить только в самом крайнем.

– Звони, – быстро сказала Эмили. – Если возникнут вопросы, если я зачем-нибудь понадобится, если у тебя не будет уверенности в чем-то, звони. Если будет нужна моя подпись на каких-нибудь документах, отправь их мне с курьером или дай мне знать, и я заеду за ними, когда будет возможность.

Я не собираюсь устраниваться от дел на всю жизнь, Лорена. Но сейчас я нужна здесь.

– Ну конечно, – ответила Лорена. – Просто я хотела сказать, что...

– Я знаю. Спасибо тебе. Я сейчас поеду домой. В ближайшие несколько часов можешь звонить мне туда, но к двум я должна вернуться обратно. К трем самое позднее.

Они попрощались, и Эмили повесила трубку, благодаря судьбу за то, что у нее есть такая добрая и сведущая Лорена, на которую можно положиться. Непременно надо не забыть сказать ей об этом, когда они в следующий раз будут разговаривать. Но она почему-то подозревала, что забудет.

Дверь за спиной у нее щелкнула.

– Прости, – сказал Томас.

Эмили поджала губы, собираясь устроить ему взбучку за долгое отсутствие. Но потом увидела его извиняющееся лицо, и сердце у нее дрогнуло. Однако в его выражении было нечто большее, нежели просто извинение. Он пересек палату и опустился в кресло, и глаза его принялись смущенно блуждать по сторонам. Он не хотел встречаться с ней взглядом, как будто в чем-то перед ней провинился. Но это было не так. Эмили знала это, потому что

видела Томаса с виноватым лицом раньше. Сейчас вид у него был расстроенный.

Загнанный.

– Я заехал в парк на несколько минут, просто для того чтобы собраться с мыслями, – сказал он торопливо. – Наверное, я просто задумался.

И все-таки его что-то тревожило. И Эмили не преминула отметить, что ей не потребовалось уточнять, какой парк Томас имеет в виду. В округе их были десятки. Но когда близко знаком с человеком так долго, многие вещи перестают требовать объяснений. Интересно, на самом деле это хорошо или, наоборот, подтачивает отношения? Какая-то часть ее жаждала найти вот такое простое объяснение краху их с Томасом брака: мы просто не смогли найти общий язык. Как удобно было бы подвести всему такой итог. Как сейчас.

– В чем дело, Томас? – спросила она, разглядывая его нахмуренный лоб, заметную седину на висках. Он был на два года ее младше, но Эмили видела, что с возрастом Томас будет становиться лишь красивее, и при мысли об этом ее кольнула зависть. – Что тебя гложет?

Он бросил на нее удивленный взгляд, затем нахмурился, затем робко и застенчиво улыбнулся и потрянул головой, и Эмили сказала себе, что на самом деле понимает Томаса куда лучше, чем считала. Она знала его. А поскольку она его знала, то тревожилась.

– Томас?

Он снова поднялся, не в силах усидеть на одном месте, и подошел взглянуть на Натана. Их сын лежал в неудобной белой постели, такой же невыразительной и стерильной, как и вся палата. Томас тыльной стороной ладони прикоснулся ко лбу мальчика, как будто проверяя, нет ли у него жара. Потом он повел себя совсем странно: принялся. В конце концов он обернулся к Эмили, все еще отсутствующий, но слегка более собранный.

– Ты не замечаешь ничего странного? – спросил он.

– Разве что твое поведение, – ответила она твердо. – Что тебя напугало, Томми?

В ответ на это ласковое имя он сморщил нос, но не поправил ее, тем самым превратив подозрение Эмили, что что-то не так, в полную уверенность.

– Нет, серьезно, – сказал он и посмотрел на нее искренними глазами.

Эмили передернула плечами, вздохнула и потянула ноздрями воздух. В нем висел какой-то странный запах, сладкий и знакомый. Сначала она не могла вспомнить его, но потом ее осенило: арахисовое масло. Не поведя и бровью, она взглянула на Томаса и солгала ему.

– Я ничего не чувствую, – сказала она ровно. Что бы его ни тревожило, это явно было что-то необычное. Что бы ни творилось у него в голове, она не собирается ему подыгрывать. Может, тогда он хотя бы расскажет ей, что его снедает.

Вместо этого он выругался себе под нос, в упор посмотрел на нее и сказал:

– Думаю, мне надо будет кое к кому обратиться.

Эмили была не из тех, кто станет ломать комедию даже ради близкого человека. Она в точности знала, что Томас имеет в виду, и не собиралась закрывать на это глаза.

– Наверное, время от времени это нужно каждому, – сказала она. – На нас свалилось много всего, Томас. Поговорить с кем-нибудь не помешает.

– Не о Натане, – сказал он, но слова казались неискренними, неуверенными. – Просто... просто мне кажется, я сегодня видел летучую манту. В Гудзоне.

– Летучих мант...

– ... не бывает, я знаю, – согласился Томас.

Он явно чего-то недоговаривал. Здесь крылось что-то большее. Но ключевой момент не вызывал никаких сомнений. У него начались галлюцинации.

– Вероятно, это все на нервной почве, Томас, – заверила его она. – У всех случаются заскоки. Вполне логично, что у творческих людей творческие заскоки. Или каким-то образом связанные с их работой или искусством, или еще какие-нибудь.

Она поднялась и подошла к нему, сжала его руки в своих, заглянула в его карие глаза. В ее взгляде была лишь искренность, ничего больше. Они находятся по разные стороны черты, и ей не хотелось, чтобы он принял этот ее жест как шаг за черту.

– Сходи к врачу, Томас, и не откладывая, – сказала она. – Ты нужен Натану живым и здоровым. Ему нужны твои силы. И мне тоже.

Они коротко обнялись. Потом Эмили протянула руку к своей сумочке.

– Дай мне пару часов, – сказала она. – Я постараюсь побыстрее. Тебе что-нибудь нужно?

– Разве что проверить голову, – сказал Томас с самокритичной улыбкой. – И чтобы наш сын вернулся.

По пути домой в Тарритаун Эмили оштрафовали за езду со скоростью сорок семь миль в час в тридцатимильной зоне. Полицейский не смягчился, узнав, что у нее сын в больнице. Закон есть закон, так он сказал.

Несмотря на всю решимость оставаться частью мира, не забывать о работе и о людях, которые ее окружают, Эмили чувствовала себя ужасно далекой от всего этого. Штраф за превышение скорости был всего лишь одним из длинной череды событий, которые доказали ей, что миру все равно. Мир продолжал жить своей жизнью, мало интересуясь или не интересуясь вообще, что там произошло с Натаном и как это сказалось на Эмили. Она не была нужна миру.

Зато мир был нужен Эмили, ужасно нужен, чтобы удержаться на ногах. Сюрреализм всего происходящего, жуткая загадка недуга Натана и так уже увлекли ее в какую-то странную и сумеречную пограничную область, не-жизнь и не-смерть, из которой она наблюдала за тем, как другие люди беспрепятственно продолжают жить дальше.

Эмили вела машину по Бродвею на юг, и вдруг ее охватило ощущение, как будто ее «хонда-аккорд» – мыльный пузырь, несущий ее сквозь реальный мир. Она проехала Филипс-Мэнор, мимо поворота на парк, который так любил Томас. В Сонной Лощине она миновала несколько церквей, среднюю школу и небольшой ресторанчик «Хорзфезерс», где она познакомилась с Джо.

Вот она, реальная жизнь. Воспоминание, в котором нет ни Натана, ни Томаса. Эмили уцепилась за него с отчаянием, какого не испытывала никогда в жизни. И, как ни странно, это подействовало на нее успокаивающе. Она притормозила у дорожного знака, несколько раз закрыла и открыла глаза, сделала глубокий вдох, выдохнула. Потом примерилась к рулю, ощутила под пальцами и ладонями его твердую поверхность и кивнула про себя.

«Ячокнулась», – подумала она, и в ее мозгу немедленно промелькнуло воспоминание об одном из мультфильмов, которые так любил Натан. «Чокнутые» – так вроде он назывался. Перед глазами у нее встало лицо сына: буйные рыжеватые волосы и улыбка до ушей, от которой на щеках ямочки.

Эмили сделала еще один вдох, распрямилась, непокорно стиснула зубы. Она не обращала внимания на слезы, которые покатались по щекам. Слезы были реальными. У кого-кого, а у нее есть причины плакать. Всхлипывая, она проехала несколько кварталов, оставшихся до центра Тарритауна, где Мэйн-стрит уходила на запад, затем к вокзалу и Гудзону за ним. Там она повернула налево и поехала на восток, в направлении Мэримаунтского колледжа и своего дома.

Через несколько минут Эмили свернула на дорожку, ведущую к дому, где она жила с Натаном. Еще некоторое время после того, как она заглушила двигатель и он начал пощелкивать, остывая, она не могла даже поднять глаза. Теперь дом будет казаться ей мертвым, пустым, как заброшенный город. Ее страшила одна мысль о том, чтобы войти внутрь, и она пообещала себе, что не будет заходить в комнату Натана.

Тогда она подняла глаза и увидела велосипед, прислоненный к стене гаража. Двенадцатискоростной легкий гоночный велосипед цвета виноградной газировки. Это был велосипед Джо.

Они встречались чуть больше месяца. Даже если перевести в недели, не слишком

долгий срок. Эмили и представить себе не могла облегчение и благодарность, которые затопили ее при виде этого велосипеда. Она понимала, что ее чувства выходят из-под контроля. Без сомнения. Но, как бы сильно ей сейчас ни был нужен Томас, в особенности в больнице рядом с Натаном, в эту секунду Эмили поняла, что Джо – именно тот якорь, который нужен ей, чтобы не утратить связь с остальным миром.

В точности по тем же причинам, по которым накануне она хотела, чтобы он ушел из больницы, теперь ей необходимо было его видеть.

Она вылезла из «хонды», а когда хлопнула дверцей, Джо поднялся со скамейки на парадном крыльце. На лице у него читалась тревога и неуверенность, но он не произнес ни слова, дожидаясь, пока она подойдет.

Эмили стремительно приближалась к крыльцу.

– Прости, Эм, – торопливо сказал Джо. – Я звонил тебе на работу, а Лорена сказала, что ты собиралась домой помыться, и я просто не смог...

Едва ли не взлетев по ступеням, Эмили изо всех сил обвила Джо руками. И все. Никаких поцелуев. Ей даже не пришлось это в голову. Одного его прикосновения оказалось достаточно, чтобы дать ей то, в чем она нуждалась в эту минуту, – подтверждение ее существования. Эмили Рэнделл никогда не относилась к числу тех женщин, которые становятся собой только в присутствии мужчины, но в этом случае близость человека, который так горячо пекся о ней, и только о ней, была жизненной необходимостью.

– Я так рада, что ты здесь, – сказала она слабым голосом.

Они вместе вошли в дом.

– У меня сегодня нет больше уроков, – ответил ей Джо. – Я собирался покататься, а потом позвонил тебе на работу, и... вот я здесь. Я боялся, что ты рассердишься.

Хотя Эмили страшно хотелось в душ, она усадила Джо и попыталась как могла рассказать ему о своих чувствах, о той буре эмоций, которую она пережила за последние двое суток.

– Сухой осадок из этого такой, – сказала она наконец, – ты нужен мне. Очень нужен, Джо. Но сейчас, как бы эгоистично это ни звучало, ты нужен мне на моих условиях. Это ужасно?

Она подняла на него светло-карие глаза, полные надежды.

– Вовсе нет, – ответил он ласково и поцеловал ее – нежным, глубоким, долгим поцелуем.

Наконец Эмили поднялась, отбросила немые волосы за спину и сказала:

– Я грязная, как черт знает кто. Мне нужно принять душ. В одиночестве.

Оба улыбнулись.

– Если у тебя есть время, останься, пожалуйста. Мне легче, когда я не одна. Я быстро, – сказала Эмили.

– Я никуда не уйду, – пообещал Джо.

Он сдержал слово. Когда она вышла из своей комнаты с мокрыми после мытья волосами и принялась краситься, Джо сидел в гостиной и смотрел телевизор. После того как Эмили собрала все, что ей было нужно, и у нее высохли волосы, она вместе с Джо вышла на крыльцо, поцеловала его на прощание, а потом смотрела, как он покатила прочь на своем велосипеде, и любовалась игрой мышц на сильных ногах.

Она села в «хонду», и заброшенный город остался позади. За все время, что она провела дома, она ни разу даже не взглянула на дверь комнаты Натана.

Воздух наполнился странными запахами. Глаза у него слипались. Слипались и не открывались. Слышались какие-то голоса. Или, может, это просто ветер гулял в деревьях.

Пригревшись на липкой груди генерала Арахисовое Масло, Натан спал урывками, пока они продвигались вперед по Путаному пути. Он ненадолго проснулся, сам не вполне отдавая себе в этом отчет, веки его затрепетали, потом заморгали, потом широко распахнулись всего на миг, прежде чем он снова задремал. В эту секунду он успел увидеть поляну перед хижинкой Ворчуна и озерцо за ней, гладь которого отражала рыжие звезды.

Он понял, что они проходят мимо тропки-царапки. Но Натану и в голову не пришло задуматься, что было бы, если бы они повернули на тропку-царапку и сквозь заросли ежевики пробрались бы к тому месту, где должен был стоять дом Мальчика. Не успел он даже предположить, где может находиться сам Мальчик, как уже снова погрузился в сон.

Прошло еще минут двадцать липких потряхиваний и далеких завываний апельсиновых вопильщиков, прежде чем тихий густой голос прошептал ему на ухо:

– Просыпайся, малыш, – сказал голос. – Возможно, мне придется драться, и тогда я не смогу тебя нести.

Очутившись на земле, Натан протер заспанные глаза. Непривычно было просыпаться в полной темноте, и он еще минуту-другую неуверенно держался на ногах, пока не осмотрелся. Как ни странно, нигде на нем не было арахисового масла, ни на одежде, ни на коже, только там, где генерал смазал им рваные раны, оставленные на спине Натана Бобом Долгозубом. Похоже, генерал был способен управлять этим по собственному желанию, и что в этом странного? Ведь масло же его часть.

Натан вскинул глаза на генерала Арахисовое Масло и задался вопросом, есть там кто-нибудь внутри или он целиком сделан из арахисового масла?

Несколько апельсиновых вопильщиков с криками нагнали их и, скрежеща зубами, бросились занимать позиции по сторонам от Натана, оглядываясь вокруг и выискивая во мраке леса какие-либо признаки готовящегося нападения. Натан закусил губу. Он все еще боялся вопильщиков, но они, похоже, куда больше были озабочены тем, чтобы защитить его, а не тем, как бы пустить против него в ход свои блестящие иголки-зубы или крошечные копы.

Натан огляделся. По обеим сторонам дремучий лес подступал прямо к Путаному пути, но здесь не было плодовых деревьев, ни сторевших, ни каких-нибудь других. Он не знал, что это за деревья, но с виду они вполне подходили для лазанья. Вернее, подходили бы, если бы не грозные с виду колючие кусты, которые росли слева от дороги. Несмотря на то, что стояло полное безветрие, кошмарные ветви раскачивались, и Натан немедленно понял, что ни за что не хочет приближаться к этим кустам.

Потом он вспомнил, как они проходили мимо хижины Ворчуна и что это значило. На миг его охватило желание повернуть назад, но ему было всего пять с половиной лет – эта половина стала для него очень важной, – и он не хотел идти один. Странно, но генерал Арахисовое Масло почему-то был единственным взрослым поблизости.

Боязливо озираясь, Натан безотчетно потянулся взять генерала Арахисовое Масло за руку. Пчелы все еще держались от Натана подальше, и это было хорошо. Генерал, похоже, удивился, когда пальчики Натана коснулись его ладони, но миг спустя он твердо сжал руку мальчика, и они вместе зашагали по Путаному пути.

– Почему ты собираешься драться? – спросил Натан неожиданно, хотя на самом деле слова генерала вертелись у него в голове с той самой минуты, когда он очутился на земле. – Они... они возвращаются?

Они добрались до того места, где Путаный путь пошел в гору, на бугор, по которому они сейчас поспешно поднимались. Натану приходилось поторапливаться, чтобы не отставать от длинноногого генерала Апельсиновые вопильщики, похоже, ничего не имели против такого темпа, хотя они почти бежали. Натан снова почувствовал запах апельсинов и, разумеется, запах генерала.

– Обманный лес пахнет завтраком, – объявил он, радуясь, что ему в голову пришла эта мысль.

Но генерал Арахисовое Масло не забыл о его вопросе.

– Единственный способ обезопасить тебя, который я смог придумать, это отвести тебя к себе домой, – объяснил он. – Дорога туда неблизкая, и на пути поджидают многочисленные опасности: здесь хватает тех, кто может попытаться помешать нам добраться до пункта нашего назначения.

– Зачем? – спросил Натан с распахнутыми от непонимания глазами.

Долгозуб и Скалоголовый хотели обидеть его, но он не представлял, зачем кому-то еще пытаться напасть, в особенности на... ну, в общем, на такое страшилище, как генерал Арахисовое Масло.

Генерал остановился. Они добрались почти до самой вершины холма, и дорога там была из утоптанной земли, камней и веток. Когда генерал присел рядом с Натаном на корточки и положил руку ему на плечо, мальчик услышал, что колени у него захрустели, совсем как у старика, и он на миг уставился на генеральские ноги. «Там внутри кости», – подумал он.

Когда Натан снова посмотрел в лицо генерала, то уловил нечто особенное. Там внутри *кто-то был*. Кто-то другой. Не просто арахисовое масло.

– Сынок, – сказал генерал, – в лесу всегда было плохое. Дурные люди и дурные места. Опасность. Но с тех пор, как твой отец перестал приходить сюда, все стало только хуже. Теперь здесь небезопасно. Ты же помнишь книжки, как там все всегда заканчивалось хорошо. Теперь с этим покончено. Здесь первобытные порядки. Знаешь такое слово? Это значит, дикие, и лишь один человек в мире может это исправить.

Натан закусил губу.

– Мой папа? – спросил он.

Генерал еле заметно улыбнулся, по-доброму, и кивнул. Потом он снова поднялся, крепко взял Натана за руку, и они вдвоем поднялись на верхушку холма, а апельсиновые вопильщики, растянувшись цепочкой на десять футов по обе стороны от них, заполнили всю ширину дорожки вплоть до того места, где начинали расти деревья. Их бугристая плоть странно горела в свете звезд, цвет которых совпадал с их собственным.

Очутившись на вершине холма, Натан посмотрел вперед. Дорога круто уходила вниз, а потом выравнивалась. Там она начинала загибаться, но несильно, и еще пятьдесят футов шла сквозь поредевший лес. Дальше справа была река Вверх, текущая в сердце Обманного леса. Она обвивала весь лес почти что замкнутой петлей, заметно меняясь на своем протяжении. Здесь поток за долгие годы прогрыз себе ущелье футов тридцать или сорок глубиной. Путаный путь обрывался прямо у края воды и возобновлялся в семидесяти пяти футах от этого места, на другом берегу.

Над бурным потоком простиралось деревянное сооружение двенадцати футов в ширину,

которое выглядело так, как будто его на протяжении вот уже нескольких десятилетий чинил слепой плотник.

– Шаткий мостик, – прошептал Натан.

– Все будет хорошо, – пообещал генерал Арахисовое Масло и зашагал по склону вниз, не выпуская руки Натана, который бежал вприпрыжку, чтобы поспеть за ним и вопильщиками, бешено несущимися рядом с ними.

– Все будет хорошо, – повторил генерал.

Но Натан-то знал, *что* живет под Шатким мостиком.

Ему хотелось домой.

Речка взбиралась вверх по пологому склону, начисто игнорируя гравитацию, и что-то лопотала про себя на языке воды. Генерал Арахисовое Масло стоял на краю Шаткого мостика и прислушивался к шорохам Обманного леса вокруг. Легкий бриз прошелестел палой листвой на тропинке, взметнулся небольшим пыльным вихрем, который, казалось, качнулся к ним, предостерегающе прошептал что-то и унесся по тропинке вдаль, спеша как можно быстрее оказаться подальше от мостика.

Шаткий мостик поскрипывал на легком, но настойчивом ветру. Генерал внимательно вслушивался в звуки леса, реки и моста, но не мог сосредоточиться из-за других шумов, которые лезли в уши.

– А ну тихо! – строго приказал он, и его губы едва не слиплись на первом слове. Он пробежал по ним языком, чтобы убрать клейкие нити арахисового масла.

Апельсиновые вопильщики немедленно повиновались. Несмотря на то, что постоянные вопли были частью их природы, почти как у летучих мышей с их генератором писка, вопильщики умолкли. Они отступили за генерала и окружили мальчика, Натана, которого, как приказал им генерал, они должны защищать любой ценой.

И все равно его окружала какофония звуков, которую генерал не мог стерпеть.

Это были пчелы.

– Кьш! – скомандовал он и, вытянув руку, указал на деревья.

В тот же миг, как будто он содрал покров с кожи, пчелы снялись с тела генерала Арахисовое Масло. Несколько из них с жужжанием вылетели из его горла, влетели в рот и вылетели из него. Они как одна полетели прочь, сердито-желтый и яростно-черный рой.

Генерал Арахисовое Масло дождался, когда их гул перестал быть слышен, и теперь его слуха касались лишь журчание реки и шепот ветра. Он ощутил какую-то зыбь на боку, липкое колыхание в гуще арахисового масла на бедре. Его пальцы, казалось, согнулись сами собой, и он протянул руку к облепленной арахисовым маслом рукояти длинного смертоносно острого меча, который представлял собой часть его униформы.

Чтобы вытащить липкий клинок из ножен, нужна была немалая сила.

– Сэр? – подал голос мальчик у него за спиной. – Генерал?

Генерал Арахисовое Масло бесшумно обернулся и приложил палец к губам, чтобы мальчик умолк. В огромных глазах Натана застыл безысходный ужас Жестом велел мальчику оставаться с вопильщиками, что бы ни случилось, генерал развернулся и ступил на Шаткий мостик.

Послышался жуткий скрип, усиленный стократ вопль несмазанных петель. Генерал держал меч перед собой. По всему мосту зияли провалы недостающих или прогнивших досок, и, несмотря на ширину и надежность конструкции, он раскачивался так, что

возникало ощущение чего-то опасно непрочного. Для устойчивости генерал широко расставлял ноги. Он слышал топоток крохотных ножек апельсиновых вопильщиков по доскам у него за спиной и чувствовал, как с каждым шагом, который делает Натан, перераспределяется нагрузка на мост.

Теперь, когда деревья остались позади, рыжие звезды разгоняли мрак вокруг них. По обе стороны моста несла свои черные воды река, стремительно перекатываясь через камни и выступы в стенах каньона, и там, где бурные волны превращались в белую пену, ее тоже окрашивал рыжим этот свет. Каньон уходил на запад, и поток тек по нему еще больше мили, прежде чем свернуть на север и полностью устремиться вверх, в водовзлет, где миллионы галлонов Пенистого моря взмывали по склону утеса, чтобы первыми добраться до русла реки.

За все годы, проведенные в Обманном лесу, генерал Арахисовое Масло ни разу не бывал на Пенистом море. У него промелькнула мимолетная мысль, что если он выберется живым из этой переделки – если Обманный лес выберется из нее живым, – то он с удовольствием посмотрит на эти бушующие воды.

На востоке река Вверх текла, как ни поразительно, вверх. Склон становился все круче и круче по мере того, как река, петляя, поднималась в Плешивые горы, к высоким пикам и крепости шакала Фонаря.

Генерал сделал несколько шагов по мосту, очень осторожно, держась начеку. Не было никаких признаков тревоги ни на берегах, ни под мостом. Всего тридцать пять футов оставалось теперь до другого берега, где Путаный путь снова принимался взбираться вверх и лес начинал чуть редеть. А там лишь менее двух миль отделяло их от лесной цитадели, которую генерал Арахисовое Масло в строгой тайне строил последние шесть лет – с тех пор, как Томас Рэнделл издал самую первую книгу об Обманном лесу. Хороший солдат всегда готовится к худшему.

Отголоски этой мысли все еще бродили у него в голове вместе с грохотом быстрой реки внизу, когда мостик угрожающе накренился набок. Восточный край сооружения окунулся в воду, и лишь благодаря своей позе генерал не потерял равновесия. Он обернулся и увидел, как несколько апельсиновых вопильщиков поскользнулись, а затем, покотившись по мосту, кувырком полетели в бушующие воды, крича так громко, как никогда в жизни.

– Помогите! – закричал Натан.

Генерал уже готов был с криком броситься к нему, когда находчивый мальчишка ухватился за деревянную опору западного края моста, который теперь стал самым высоким концом. Многие апельсиновые вопильщики не полетели в воду лишь потому, что уцепились за одежду Натана.

С оглушительным ревом чудовище, которое жило под Шатким мостиком, выскочило из-под деревянной конструкции и с тяжелым шлепком приземлилось на дощатый настил. Оно не потеряло равновесия. Скорее, казалось, крен и скрип моста очень ему подходили.

Натан только что восстановил равновесие и стоял посередине между генералом и чудовищем.

– Беги, малыш! – рявкнул генерал и бросился вперед в тот самый миг, когда Натан с вопильщиками юркнули мимо него, направляясь к противоположному концу моста. Апельсиновые вопильщики позабыли все его приказы и верещали во всю мочь.

Теперь это уже было неважно. У генерала Арахисовое Масло хватило глупости понадеяться, что чудовище проспит весь их переход через мост, несмотря на немыслимый

шум. Однако оно не сделало попытки броситься в погоню за ребенком, уже что-то. Вместо этого оно просто смотрело на генерала, и из его широких ноздрей клубами шел дым.

Чудище топнуло левой ногой, и мост покачнулся. Тогда оно налегло на мост всем своим весом, продолжая его раскачивать. Генерал не осмеливался повернуть голову, чтобы взглянуть, удалось ли Натану благополучно достичь другого берега. Держа перед собой меч, он начал пятиться, не отрывая подошв от прогнивших досок, надеясь, что не наткнется на место, где доски провалились вниз сквозь обветшалый каркас, который поддерживал мост. Сохранять равновесие было нелегко, но у генерала Арахисовое Масло имелось одно преимущество, о котором его противник не подозревал.

Подошвы его сапог, покрытые арахисовым маслом, крепко прилипали к доскам.

– Генерал, – произнесло чудище низким, рокочущим голосом, в котором слышался смех, – чем обязан таким удовольствием?

– Не подходи, тролль, а не то твои кишки пойдут на починку этого старого моста, – предупредил генерал.

Тролль расхохотался. Это было жуткое создание трех с половиной футов ростом и примерно столько же в ширину. Он был толст, как деревянный бочонок; его голову, спину, брюхо, пах и ступни покрывал мех, а все остальное – сухая и растрескавшаяся коричневая кожа. Его огромный оранжевый нос походил на луковицу и занимал половину лица. Из-за нижней губы торчали массивные двойные клыки. Почти шести дюймов в длину, они доходили ему до носа. Челюсть у него была вытянутая, с заостренным подбородком, увенчанная длинной кустистой бороденкой, которая висела, как конский хвост.

Когда тролль ел, его пасть раскрывалась так широко, что он мог целиком заглотить поросенка.

– Ты не принес мне никакого подарка, генерал? – весело осведомился тролль. – Ты же знаешь, я требую плату с тех, кого пропускаю целыми и невредимыми.

Чудище устремило широко расставленные желтые глаза мимо генерала Арахисовое Масло на берег, а потом опустило взгляд. Когда он заговорил, в его голосе не осталось и следа веселья.

– Если у тебя больше ничего нет, – сказал он зловеще, – думаю, мне придется забрать мальчишку.

Генерал Арахисовое Масло взглянул в широко расставленные желтые глаза тролля, увидел дым, вырывающийся из его ноздрей, прикинул длину его бугрящихся мускулами, увитых веревками вен рук и улыбнулся; нити арахисового масла протянулись от губы до губы. Он ждал. Мостик отклонился к западу, потом качнулся обратно, на восток. Деревянный настил под ногами у генерала накренился, и в тот же миг он кивнул:

– Это справедливо.

Тролль захлопал глазами от удивления. Шаткий мостик замер, готовый качнуться в противоположном направлении. Генерал Арахисовое Масло бросился вперед и вонзил острие меча глубоко в плечо тролля. Когда клинок со свистом устремился к чудищу, арахисовое масло словно отхлынуло с него, обнажив стальное лезвие, вспыхнувшее в рыжем свете звезд.

Сталь пронзила плоть. Тролль завопил. Громадными трехпальными ручищами с грозными когтями он полоснул генерала Арахисовое Масло по груди. Генерал упал навзничь на прогнившее дерево, и несколько досок с треском сломались и раскрошились под ним. Тролль ринулся к нему, но генерал быстро вскочил.

До него донеслись завывания апельсиновых вопильщиков. Ему показалось, что в этом хоре он различил и крик Натана Он должен одержать победу – ради мальчика О поражении нельзя и помыслить. Тролль бросился на него, генерал уклонился от нападения и снова вонзил клинок в плоть твари. На этот раз лезвие вошло чудищу в живот. Голубая кровь, словно густые сливки, заструилась по ногам.

Тролль попятился. Генерал, поспешив закрепить свое преимущество, начал надвигаться на противника. Но прежде чем он успел осознать свою ошибку, его нога опустилась на доски, которые он повредил во время падения. Полетели щепки, и генерал Арахисовое Масло провалился. Он отбросил меч, и тот звякнул о деревянный настил. Генерал протянул руку и едва-едва сумел ухватиться за целые доски, которые все еще держались на деревянной опоре, тянувшейся вдоль каждого края моста.

Внизу была толстая решетчатая конструкция из подгнившей или негодной древесины, местами сломанная. Доски торчали под странными углами. Если он не погибнет от удара о пересеченные балки, то вполне может напороться на одну из них. Но хуже всего то, что где-то в глубине этой темной ловушки находится логовище тролля, и кто знает, какие ужасы таятся там?

– Гм? – сказал тролль и положил толстую ручищу на необъятное брюхо в том месте, где в него воткнулся меч. – Пожалуй, в следующий раз ты дважды подумаешь, перед тем как не заплатить дань, а, генерал? – сердито проворчал тролль.

Он постоял, приготовился пройти мимо него, но потом помедлил. Он сердито посмотрел на генерала, голубая кровь сочилась у него между пальцами.

– Пожалуй, мне не нужен твой мальчишка, – снисходительно сказал тролль. – Думаю, я ограничусь твоим мечом.

При этом оскорблении глаза у генерала расширились от ярости.

– И твоей шляпой. Она всегда мне нравилась, – добавил тролль и прищурился, разглядывая облепленную арахисовым маслом генеральскую фуражку.

Он облизнулся.

– А поскольку я что-то проголодался, а ты так чудесно, чудесно пахнешь... – сказал он, после чего умолк, потянулся и схватил генерала за правую руку. Теперь генерал держался за мост одной только левой рукой, но падение внезапно перестало быть его главной заботой.

– Я собираюсь немного подкрепиться, – закончил тролль.

Он присел на мосту, который перестал раскачиваться, и поднес руку генерала Арахисовое Масло ко рту, как будто это была куриная ножка. Челюсти чудовища распахнулись, клыки опустились как раз настолько, чтобы генеральская рука могла пролезть между остроконечными зубами, которые обрамляли чудовищную глотку изнутри.

– Нет! – закричал генерал.

Тролль весело фыркнул, из ноздрей у него повалил дым.

Генерал Арахисовое Масло сузил глаза, попытался выдернуть руку из лапищ тролля.

– Нет, – повторил он еще раз сердито. Угрожающе.

Потом он произнес еще одно слово, так тихо, что тролль не мог его услышать. Слово было «Рой».

Сотни пчел разом ринулись в бой, рассерженное черно-желтое облако, гудящее так громко, что заглушало рокот реки. Они окружили голову твари непроницаемой пеленой жалящей ярости.

Тролль закричал, а генерал Арахисовое Масло выбрался из дыры в настиле и встал на

ноги. Он взял меч, взвесил его в правой руке и подошел к вопящему троллю.

– Прочь, – сказал он сурово, и пчелы подчинились.

Троль, чье лицо покрылось волдырями и опухло от укусов пчел, поднял на генерала жалобные глаза. Генерал занес меч.

– Подожди! – воскликнул тролль, охваченный ужасом. – Что ты делаешь? Не можешь же ты... не можешь же ты убить меня! – Он едва шевелил распухшим, непослушным языком. – Это же Обманный лес...

На миг генерал Арахисовое Масло заколебался. Потом его глаза превратились в клейкие щелочки, и он решительно стиснул зубы.

– Это – война, – рявкнул генерал.

Меч свистнул, арахисовое масло слетело, оставив лишь сверкающий металлический клинок. Одним точным ударом он рассек хрящ и кости, и голова тролля, отделенная от шеи, кувыркаясь, полетела через край Шаткого мостика; река Вверх подхватила ее и понесла к далеким Плешивым горам.

– Война есть война, – прошептал генерал, глядя на кровь, которая хлестала из обезглавленного тела тролля, поникшего на прогнивших досках моста.

Удрученный, генерал развернулся в другую сторону, туда, где был его дом. Он поднял глаза и лишь тогда заметил, что верещание апельсиновых вопильщиков почти прекратилось. Только один вопильщик все еще верещал, и его вопли были пронзительными и отчаянными.

Натан исчез.

Генерал Арахисовое Масло, поспешно, но осторожно перейдя через мост, оглядел Путаный путь и подступавший к нему лес, но без толку. Остальные вопильщики тоже исчезли, как и Натан. Пчелы последовали за ним и вновь принялись копошиться на его теле, но он не замечал их.

– Натан! – закричал он, и нарастающая паника лишь подхлестнула гнев.

– Где? – спросил он, поднимая единственного оставшегося апельсинового вопильщика на руки. – Где он?

Вопильщик, от сознания собственного позора люто скрежеща зубами, показал на лес по ту сторону Путаного пути. Тогда генерал услышал. Услышал вдалеке вопли сородичей вопильщика. Он опустил верещащее цитрусоподобное существо наземь, и оно засеменило в чашу. Генерал последовал за ним со всей скоростью, на какую только был способен. Вопильщик повел его вниз, под уклон, до отвесной скалы над рекой Вверх, у подножия которой бушевала черная вода.

Толстая веревка была привязана к дереву и свисала с края обрыва Каменистую скалу пятнала кровь в том месте, где топтались, вереща, апельсиновые вопильщики и указывали на реку. Веревка доставала до самой воды, и когда генерал посмотрел вниз, ему показалось, что он смутно различил темный силуэт на воде ниже по течению.

Какая-то лодка. И в этой лодке, он знал это, был Натан.

– Кто? – прорычал он.

В ответ апельсиновые вопильщики бросились обратно в чашу. Когда они появились вновь, в руках у них была зеленая фетровая шляпа, которую генерал отлично знал.

– Ворчун, – с отвращением сплюнул он. – Мерзкий вероломный коротышка.

– Это определенно не похоже ни на что, с чем я сталкивался до сих пор, – без обиняков заявил доктор Гершманн и в замешательстве покачал головой, глядя на Натана. Левой рукой он поглаживал свои пышные усы, а правая любовно покоилась на необъятном животе. – Как-то все это чертовски странно, – добавил врач.

Необычные запахи практически исчезли, хотя Томас ощущал еле уловимый апельсиновый аромат. Во всяком случае, ему так казалось. Он разглядывал удручающе стерильную палату – даже стены, казалось, от частого мытья обесцветились и поблекли, – но теперь он заморгал и впился взглядом во врача.

– Странно? – переспросила Эмили с жутким выражением – Доктор Гершманн, он здесь уже почти двое суток. Почему до сих пор никто ничего не знает? Прошу прощения, если мои слова покажутся оскорбительными, но зачем мы тогда здесь торчим, если вы не можете нам помочь? Не лучше ли нам перевести Натана туда, где ему смогут оказать помощь?

Крашеная блондинка медсестра тихонько постучала в дверь, просунула голову в палату и напомнила доктору Гершманну, что через двадцать минут у него назначена встреча с неким Челлисом. Он с отсутствующим видом поблагодарил ее и снова обернулся к Рэнделлам.

– Вы, разумеется, вольны принимать любые решения, которые считаете наиболее целесообразными в интересах вашего сына, миссис Рэнделл, – сказал врач; резкий больничный свет играл на его плешивой макушке. – Но, уверяю вас, мы делаем все, что в наших силах. Он вне опасности, и если вы хотите забрать его домой, вам понадобится сиделка, которая могла бы круглосуточно следить за его состоянием, умела бы обращаться с внутривенными катетерами и, разумеется, мыть его.

– Я мою его пять с половиной лет, доктор Гершманн, – мгновенно вскинулась она.

Томас подошел к ней и положил на плечо руку.

– Он совсем не о том, Эм, и ты это понимаешь.

Они молча стояли рядом, и Эмили накрыла его руку своей. Томас на мгновение закрыл глаза и прикусил нижнюю губу. Как бы ему хотелось очутиться где-нибудь в другом месте! Как ни ужасно было в этом признаться, он тосковал по безмолвному спокойствию своего кабинета, по своему письменному столу и компьютеру, по самому процессу творчества. Правда, он уже довольно давно не получал от этого почти никакого удовольствия, с тех самых пор как под гнетом необходимости «давать продукт» начал угасать его интерес к собственным героям. Но одно мгновение этого блаженства...

На миг у него промелькнула мысль о том, чем там заняты Франческа и ребята с «Фокс», но он тут же выругал себя за это.

– Послушайте, доктор Гершманн, – сказал он, поскольку у Эмили, похоже, больше не осталось никаких слов, – я просто не понимаю, как вы можете стоять здесь и говорить нам, что с нашим сыном все в порядке. Никаких отклонений на МРТ, никаких следов яда в организме. Можно подумать, с ним все нормально, но, господи, только взгляните на него! Это, по-вашему, нормально?

Все трое посмотрели на маленького мальчика с заклеенными пластырем веками; личико его казалось застывшим и отрешенным. Не осознающим ничего окружающего. Не осознающим даже того, что по губам у него ползает пчела.

– Боже, Томас, сгони ее! – задыхаясь от отвращения и беспомощности, попросила Эмили.

Томас уже действовал. Он смахнул пчелу, не задумавшись даже о том, что она может его ужалить. Когда она снова уселась, он прихлопнул ее свернутым в трубку журналом «Пипл», который купила Эмили.

– Как она здесь оказалась? – спросил Томас, сердито глядя на доктора Гершманна, хотя и понимал, что едва ли может винить врача в появлении случайного насекомого.

Доктор Гершманн не отвечал. Он протирал очки лацканом белого халата. Когда он поднял глаза, Томас по их выражению понял, что доктор чего-то недоговаривает.

– Что? – подстегнул его Томас.

– Вы обсуждали, насколько нормальным кажется Натан, – сказал доктор Гершманн, лениво почесывая затылок чуть ниже широкой проплешины, которую частично обрамлял полукруг всклокоченных седых волос.

– Ох, нет, – прошептала Эмили. – Что там?

– Ничего тревожного, – успокоил врач. – Просто это немного странно, вот и все.

– В каком смысле странно?

– Ну, сегодня я попросил неврологов сделать Натану электроэнцефалограмму. Обычно при коме или в нечастых случаях кататонии электрическая активность мозга находится на спаде, – пояснил он. – У Натана она зашкаливает. Уровень электрической активности необычайно высок, как будто мальчик не просто в полном сознании, а очень сильно возбужден. Мы собирались подключить его к монитору, но вообще-то состояние кажется неизменным.

Эмили коснулась руки Томаса, и он сильно сжал ее пальцы в своих.

– То есть он что, видит сны? – спросил Томас.

– Сны имеют циклический характер, мистер Рэнделл, – сказал доктор Гершманн. – Если бы это был особенно яркий сон, мы могли бы наблюдать именно такую картину, но не постоянно. Здесь же он практически неизменен.

– И чем вы это объясняете? – осведомилась Эмили.

– Мы не можем это объяснить, – признался врач. – Во всяком случае, пока. Я проконсультировался с заведующими нескольких отделений, и на данный момент мы считаем, что его состояние отражает возможное психологическое расстройство. Возможно, это не более чем невроз.

– Значит, нам нужно обратиться к психологу? – спросила Эмили, не веря своим ушам, и кивнула на неподвижное тело Натана. – С этим?

Врач немного помолчал, поглаживая усы. Томас задался вопросом, не задел ли его тон Эмили. Он обнаружил, что его самого это не слишком волнует. Но в следующий миг Гершманн снова взглянул на Натана и покачал головой:

– Мы будем и дальше наблюдать за ним и проведем еще одно токсикологическое исследование, просто на всякий случай. Кроме того, я считаю, что данные ЭЭГ и, возможно самого Натана тоже нужно показать психологу. Если вы не будете возражать, разумеется.

Томас и Эмили ничего не ответили.

– Значит, завтра, – подытожил Гершманн, прежде чем двинуться к выходу.

У двери он остановился.

– Мистер Рэнделл. Миссис Рэнделл. Я лечу Натана, а не вас. Но, думаю, мне следует сказать вам, что ваше затворничество, ваше бессменное дежурство в больнице, если угодно,

может свести вас с ума. Я прекрасно понимаю, что вы хотите находиться рядом со своим сыном, но, возможно, вам стоит подумать о том, чтобы поделить эту обязанность между собой. Думаю, вам обоим только на пользу пойдет глоток свежего воздуха, не знаю, какой-то контакт с внешним миром.

Сначала Томас хмурился, но потом смягчился. Это был хороший совет, и врач дал его не по обязанности.

– Спасибо вам, доктор Гершманн, – сказал он.

– За все, – добавила Эмили.

Тот кивнул, безотчетно похлопывая себя обеими руками по брюшку, и вышел.

Едва Эмили вышла из больницы – это было во вторник вечером, чуть позже половины девятого, – она немедленно ощутила, как на нее обрушилось невыносимое чувство вины. Она оставила своего малыша, Томас остался сидеть с Натаном и будет там всю ночь. Но она его мать. Невзирая на все практические соображения, большая часть ее считала, что ей не следовало покидать его ни на миг.

И все же жизнь, несмотря на все напасти, продолжалась. Доктор Гершманн прав. Какой смысл им обоим каждую ночь торчать в тесных стенах больничной палаты? У каждого из них есть своя жизнь, дела, которые нужно делать, несмотря на все личные кризисы.

Не говоря уже о такой мелочи, как недосып.

Эту ночь она проведет дома, следующую – на раскладушке у постели Натана, и так будет продолжаться пугающе неопределенное время.

В вечерних сумерках, которые медленно расползались по Тарритауну, как это всегда бывает летом, Эмили вела машину к Таппан-хилл. Но лишь когда она свернула к дому, она почувствовала вкус соли на губах, ощутила на щеках влагу и поняла, что плачет.

Она плакала из-за Натана. И из-за себя самой тоже, она понимала это. Из-за тяжести, которая лежала на ее совести.

Приятно было очутиться дома, предвкушать ночь, которую она в покое и с удобством проведет в собственной постели. Сознание того, что состояние Натана может измениться за эту ночь, как к лучшему, так и к худшему, служило мощным контраргументом, и все же она не могла не радоваться при мысли о доме. О своей постели.

Как не могла и не ощутить легкого трепета, с которым заметила, что двенадцатискоростной велосипед Джо снова стоит у гаража.

Чувство вины было мучительным. Но она была женщиной практичной и понимала, что оно если и не пройдет совсем, то ослабнет до такой степени, что она сможет функционировать. Она уже приняла этот новый порядок как данность, по крайней мере до тех пор, пока Натан не исцелится от своего недуга. В этом-то и загвоздка, так ведь? Гершманн в полном недоумении. Натан был милым и смышленным мальчиком, наделенным богатым воображением, а потом кто-то каким-то образом отключил его – с такой легкостью, как будто нажал кнопку на пульте дистанционного управления.

Вздохнув и бросив мимолетный взгляд в зеркало заднего вида, достаточный, чтобы убедиться, как чудовищно опухли и покраснели глаза, Эмили толкнула дверцу и вышла из машины. Она перекинула ремень сумочки через плечо, взялась за ключи, и они выпали на мостовую. Эмили наклонилась поднять их, и вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Это ощущение захлестнуло ее, и некоторое время Эмили могла лишь кусать губы и сжимать ключи. Потом она сделала глубокий вдох, распрямилась и захлопнула дверцу машины.

Когда она подошла к крыльцу, из-за двери до нее донеслась музыка. Музыка. Какая-то

часть не совершенно забыла о музыке, и воспоминание стало блаженством Это была «You Bring Me Joy», старая песня Аниты Бейкер, одна из ее любимых. Ключ повернулся в замке, и она толкнула дверь.

У стола в гостиной стоял Джо с пакетом китайского печенья в руке и донельзя глупым видом. На нем были новехонькие голубые джинсы и хлопчатобумажная рубашка, которая и сама выглядела как затертая джинсовка. Волосы у него были слегка всклокочены, он пожал плечами и развел руки, как будто не мог дать никакого ответа. Тогда как на самом деле в этот миг, судя по всему, у него был единственный ответ, на который она могла надеяться.

На столе был расставлен едва ли не десяток белых коробочек трех разных размеров с китайской едой навынос. Стояли тарелки и бокалы, не говоря уж о бутылке сухого итальянского вина. И о свечах. Он зажег свечи.

– Прости, – сказал он, качая головой, и лицо его приняло выражение крайнего отчаяния. – Я знаю, что затевать такое всего лишь ради китайской еды – это перебор, но когда я закончил проверять работы, времени, кроме как купить чего-нибудь навынос, уже не оставалось. Надеюсь, ты любишь жареный рис, потому что я подумал, что ты можешь предпочитать обычный, только когда уже все заказал, и...

Начисто проигнорировав весь этот словесный поток, Эмили бросила сумочку, решительно пересекла комнату и утонула в его объятиях. Он обнял ее, сначала нерешительно, затем со всевозрастающей уверенностью. Всего-то только и потребовалось – его теплота. Его сила.

Под запахи сычуаньской кухни и жареного риса, витающие в воздухе, она торопливо раздела его и разделась сама. Она ловила взгляд его серых глаз при любой возможности, нуждаясь в его внимании, нуждаясь в нем.

Небо над Обманным лесом светлело. Чернота сменилась глубокой синевой, затем пороховой серостью, и рыжие звезды начали исчезать. Не было видно ни облачка.

Натан сидел на носу небольшой шлюпки и смотрел на горы, которые высились вокруг. Плешивые горы, на самой высокой вершине которых, где река Вверх переплескивалась через гребень и снова текла вниз, им предстояло найти крепость шакала Фонаря.

Он больше не боялся. Не очень боялся. Теперь он был еще более безумен, чем все вокруг, и он сидел на носу, скрестив руки на груди, с самым недовольным выражением, какое только мог придать своему лицу.

– Прости, малыш, – сказал Ворчун низким и скрипучим голосом, почти таким же грубым, как у друга дедушки Натана, который жил в Бруклине.

Гном осматривал раны на спине у Натана и ворчал, качая головой.

– Очень зря старина Фонарь послал Долгозуба. Этот малый просто дикарь. И всегда им был, – сердито сказал Ворчун. – Впрочем, с виду все в порядке. Арахисовое масло залечит все лучше некуда. Давай-ка одевайся.

На Натане было чистое белье и коричневые джинсы – он признал в них свои собственные, из его комода. Ворчун принес ему одежду. Натан сначала сопротивлялся, но когда решил, что гном не собирается делать ему ничего плохого, то разделся и, как сумел, вымылся водой из ведра. Ни Ворчун, ни Тыкван Горлянкин, молчаливое пугало, которое сидело на веслах и вело лодку по реке Вверх, не смотрели на Натана, пока он мылся. Потом Тыкван веслом столкнул грязную одежду Натана в воду.

– Черт, ну и вонь, – передернулось тыквоголовое пугало, когда вещишки Натана

поплыли по течению и тут же застряли в каких-то зарослях прибрежного тростника.

Теперь Ворчун передал Натану футболку с Бэтменом, которая оказалась чуточку великовата. Она тоже была из его комода. Когда Натан натянул ее, ему захотелось плакать. Он так устал и ему так надоело бояться, что ему просто хотелось дать себе волю, залиться слезами и очутиться в том месте, где он всегда оказывался, когда плакал. Подальше. Наедине со своими страданиями.

– Поверить не могу, что я потерял эту чертову шляпу, – недовольно буркнул Ворчун и уселся на скамью, которая располагалась в центре лодки. – У меня семь лет ушло, чтобы ее разносить.

– Ни слова больше о шляпе, – рявкнул Тыкван.

Натан боязливо наблюдал за ними. Пугало, похоже, тревожилось и злилось на Ворчуна, хотя мальчик не понимал почему. Может, оно хотело, чтобы Ворчун сменил его на веслах, подумал Натан. Хотя дела-то там всего ничего, просто рулить и не давать лодке ткнуться в берег.

Он снова обратил свой взгляд на горы, прищурился, и страх начал возвращаться. Потом он посмотрел на Ворчуна, но не почувствовал ничего, кроме грусти. Гном никогда ему не нравился, с тех самых пор, как отец впервые прочитал ему про Обманный лес. Ворчун всегда казался слишком сердитым и чуточку страшным. В нем было четыре с половиной фута роста, и он носил серый в тонкую полосочку кашемировый костюм. Под мышками у него скрывалось по кожаной кобуре, в которых он носил здоровенные кольты, прямо как в старых вестернах.

И еще шляпа. Которую потерял.

Без шляпы и с такого близкого расстояния Ворчун стал казаться просто сварливым и, пожалуй, немножечко грустным. Прямо как Натан, только ему не было страшно. Едва стоило Натану об этом подумать, как ему в голову пришла мысль: а вдруг Ворчун, тоже боится, самую капельку?

– Зачем Фонарю обижать меня? – пискнул Натан, страшась возможного ответа.

Ворчун покачал головой, и теперь Натану стало совершенно понятно, что ему страшно и грустно. Мальчику стало полегче. Не так одиноко. Но ненадолго, потому что в голову ему пришла другая мысль: ведь если гном боится, может быть, им всем грозит опасность?

– Он не обидит тебя, малыш, – сказал Ворчун. – Мы не дадим ему, даже если он и захочет. Ты здесь не поэтому, Натан. В один прекрасный день ты вернешься домой. Я уверен.

– Кто это «мы»? – внезапно осведомился Тыкван и на мгновение вытащил весла из воды, глядя на Ворчуна с таким выражением, от которого у Натана по коже забегали мурашки.

– Я. – Ворчун исподлобья взглянул на Тыквана; лучи утреннего солнца играли в его седых волосах и расчерчивали лицо темными тенями. – Я. Султанчик. Барри.

Тыкван расхохотался, и Натан забился на самый нос лодки. Их несло течением, прибывало к левому берегу реки Вверх, но Натан едва замечал это. Однако впервые за все это время он обратил внимание на то, что большая желтая тыква, служившая Тыквану головой, кажется какой-то мягкой.

Подгнившей.

В Обманном лесу теперь все сгнило, подумал он.

– Паршивый коротышка, пони и птица, – угрожающе проговорило пугало и покачало

своей тыквой. – Что Фонарю следует сделать, так это вспороть этому сопляку брюхо и размотать кишки по Путаному пути. Тогда Наш Мальчик станет шелковый, это уж как пить дать.

Пугало поднялось на корме во весь рост. На лице Ворчуна промелькнуло настороженное беспокойство.

– Сядь, Тыкван, – велел гном – Ты перевернешь лодку, или мы врежемся в берег. Берись за весла.

Из-за спины, откуда-то из дерюжных лохмотьев, которые являли собой немудреную одежду соломенного чучела, Тыкван извлек длинный нож. Тыква ухмыльнулась, и с уголка ее губ начала сочиться гнилая мякоть.

– Не думаю, – сказал Тыкван. – Думаю, настало время кому-то из нас действовать по-настоящему. Слишком уж быстро все разваливается.

Ворчун сунул руку за пазуху кашемирового пиджака и вытащил длинный железный кольт, так быстро, что Натан едва уловил движение его руки.

– Берись за весла, мать твою, – рявкнул Ворчун.

Натан разглядывал пистолет и щетинистое лицо гнома: седые волосы и бачки, голубые глаза, делавшие его почти похожими на настоящего человека, на настоящего карлика, из тех, кого можно увидеть на улице. Но остроконечные уши выдавали его с головой. Они да еще зубы, которые сужались и превращались на концах в острые иглы – полный рот острых клыков.

Тыкван рассмеялся.

Натан смотрел на них широко раскрытыми глазами, крепко обхватив себя руками.

Пугало двинулось на него.

Ворчун вскинул кольт и выстрелил, и гнилая тыква заляпала всю корму лодки и плюхнулась в реку. Все, что осталось от Тыквана, отлетело назад от удара пули, опрокинулось навзничь и, перекувырнувшись через борт, полетело в воду.

Натан закричал, завизжал и залепетал что-то нечленораздельное. Слова слетали с его губ, но в них не было никакого смысла, даже для него самого. Ворчун сунул кольт в кобуру и сел грести. Он вывел лодку на середину реки, потом снова поднял весла. Он осторожно приблизился к Натану, и мальчик с плачем шарахнулся от него. Но через некоторое время гном обнял Натана и крепко прижимал его к себе, пока тот плакал.

– Прости, Нат, – прошептал Ворчун скрипучим и тихим голосом – Но иначе никак. Другого пути нет.

Река текла прямо, препятствий в воде было немного, и Ворчун просидел так с мальчиком довольно долго. Скоро наступило утро, оранжевое солнце ярко засияло на небе, и деревья – по крайней мере здесь – зеленели как ни в чем не бывало. Вокруг вздымались горы, и поток нес свои воды все выше, выше и выше, пока не начало холодать.

Ворчун снял свой кашемировый пиджак и накинул его на Натана, а мальчик лежал ничком и плакал на носу лодки. Ворчун греб. Некоторое время спустя плач прекратился, и гном понял, что парнишка уснул. Он порадовался за Натана. Ребенок, скорее всего, практически не спал с тех пор, как попал в Обманный лес, и сон должен был стать для него счастливым избавлением.

Пока не начался настоящий кошмар.

Пока он не встретился с шакалом Фонарем.

Раскладушка немилосердно впивалась в бока. Томасу вспоминался матрас в цветочек, который хранился в подвале у его родителей вместе с раскладным основанием из проволочной сетки, когда он был ребенком. Оставаясь у него с ночевкой, его друзья всегда были вынуждены прибегать к услугам этой штуковины, которая напоминала изощренное пыточное приспособление даже мальчишкам, не слишком сведущим в подобных вещах. Но хуже всего было, когда к ним навевался какой-нибудь родственник и перебираться на раскладушку приходилось Томасу.

То, что предоставила в его распоряжение больница, внешне было чуть больше приближено к кровати, нежели та садистская конструкция из пуха и проволоки времен его детства, но более удобной ее назвать можно было едва ли. Отделяя его от состояния полного изнеможения хоть на йоту больше, он всю ночь не сомкнул бы глаз.

Вместо этого он провалился в сон еще до десятичасовых новостей.

Через девятнадцать минут после того, как его глаза закрылись, Томас проснулся от в высшей степени странного звука. Сначала он решил, что телевизор вышел из строя, но, подняв глаза, увидел, что все еще идут новости, хотя звук и приглушен. Нет, шуршание помех доносилось из какого-то другого места затемненной палаты.

Уткнувшись лицом в стену и подтянув ноги к груди, в позе человеческого зародыша, он попытался было не обращать на этот звук внимания. Но шум был раздражающе настойчивым. Почти как шепот, если бы москиты умели шептать.

Когда Томас понял, что не заснет, пока не прекратится шум, он покорился судьбе и уселся на раскладушке. Он оглядел палату, пытаясь определить источник звука. Может быть, это забытая телефонная трубка? Но нет, звук, казалось, исходил отовсюду сразу.

– Какого дья... – Он не договорил и поднялся; кафельный с нашатырными потеками больничный пол охлаждал подошвы.

Что-то шевельнулось в голубоватом свечении телеэкрана Томас пригляделся, пытаясь сосредоточиться.

И тут он окончательно проснулся.

Надо было быть идиотом, чтобы не узнать этот звук. Теперь, когда он увидел, как одна из них ползает по экрану, потрескивая от статического электричества, глаза у него расширились, и он замер.

Пчелы.

Сосчитать, сколько их, не представлялось возможным, но гул становился громче. Томас терпеть не мог пчел всегда, сколько себя помнил. Но в палате был Натан, тихонько посапывал в своей постели, и защитить сына было важнее, чем пытаться спастись от их жал.

«Как эти твари пробрались сюда?» – подумал он, бесшумно скользя по кафелю к выключателю на стене. Но вопрос «как?» отступал на второй план перед вопросом «что делать?».

Добравшись до стены, Томас протянул руку, нащупал выключатель и на миг замешкался, прежде чем включить свет. Какая-то часть его ожидала, что в палате будут кишмя кишеть пчелы, – та часть, которая медленно ускользала от реальности. Эта его часть вздохнула с облегчением, когда загорелся свет. Все остальное в нем ужаснулось.

– Господи, Натан, – прошептал он.

В следующую секунду Томас был у двери. Он быстро, но бесшумно распахнул ее и выглянул в коридор. Сестринский пост пустовал. Томас завертел головой и услышал совсем рядом, за углом, чей-то смех.

– Эй! – позвал он, не решаясь кричать из-за опасения рассердить пчел.

На мгновение он застыл на пороге, разрываясь между необходимостью позвать на помощь и нежеланием оставлять Натана одного. Сестра должна вот-вот вернуться, он знал это. Если он просто оставит дверь открытой, помощь придет. Решающим оказался внезапно всплывший в голове образ шнура с кнопкой вызова сестры на конце. Если он нажмет на нее, они быстро появятся.

Томас вернулся обратно в палату Натана и прикусил губу, когда снова увидел сына. Пчелы ползали по простыням, кружили над кроватью, приземлялись на окне и в углах палаты. Несколько десятков, не больше. Но этого было более чем достаточно, чтобы у Томаса на миг перехватывало дыхание всякий раз, когда он смотрел на них. На Натана. На его обнаженной коже с виду не было заметно ни одного укуса, и это несколько успокоило Томаса. Но не может же он оставить их так ползать. Он должен что-то сделать, но что? Стоит ему только напасть на них, как пчелы, вероятнее всего, накинутся на него в ответ, снова и снова жала.

У Томаса аллергия на пчелиный яд. У него начнется отек, возможно, настолько сильный, что будут перекрыты дыхательные пути. В таком случае он может умереть. Единственный плюс во всей ситуации – он в больнице, так что, может быть, хоть кто-нибудь подоспеет вовремя.

Кто-нибудь.

Его глаза отыскивали белый шнур с маленькой пластмассовой кнопкой, которую нужно нажать, чтобы вызвать сестру. Она находилась на другом конце кровати Натана, у самых ног мальчика. Чтобы дотянуться до нее, ему придется положить руку на простыню, а там пчелы.

Ему стало трудно дышать, как будто его уже ужалили, и Томас попытался подавить это ощущение. Это все от страха, и только, уверил он себя. Но все равно он не знал, что делать. Он смотрел, как пчелы копошатся на кровати его сына, внимательно вглядывался в лицо Натана в поисках хоть какого-нибудь признака, что его сын может очнуться, ощущая, как ползают по нему насекомые.

На глазах у Томаса пчела выползла из правой ноздри Натана и устроилась у него на верхней губе.

Звук, который вырвался у Томаса, нельзя было даже назвать словом. Скорее, из него просто вышел воздух, но в едином этом восклицании заключался весь его страх и все отчаяние. Он медленно шагнул к Натану.

Жужжание прекратилось. Пчелы умолкли. Все разом. Томас заморгал, потряс головой, спрашивая себя, не оглох ли он внезапно, ведь с глухотой куда проще смириться, чем с сумасшествием, о котором он так много думал за прошедшие два дня. Может быть, ничего этого не происходит на самом деле, вот ведь в чем беда. Может быть, все дело в нем, и что тогда?

Пара пчел гуськом вылетела из приоткрытого рта Натана.

– Хватит! – завопил Томас. – Хватит! Убирайтесь от моего сына! Проваливайте отсюда!

Он неистово замахал руками, как будто гнал стадо, и закричал на пчел. Все они как одна снялись со своих мест, сбились в плотную тучу в центре палаты и зажужжали. В открытую дверь легонько постучали, показалось озабоченное мужское лицо. Пчелы, как по команде, устремились к двери.

– Вот черт! – вскрикнул медбрат, который, разом растеряв свою профессиональную невозмутимость и шарахнувшись в коридор, смотрел, как небольшой пчелиный рой с

жужжанием вылетел из палаты и пронесся над коридором, прежде чем разлететься по различным палатам, темным углам и закоулкам.

Томас уставился на медбрата. Тот в ответ уставился на него.

– Вы их видели? – спросил Томас и немедленно сообразил, как по-идиотски, должно быть, прозвучал его вопрос.

– Откуда они взялись? – спросил медбрат.

Томас вспомнил, как пчелы выползали из открытого рта Натана, и покачал головой, запрещая этой мысли даже закрасться в его голову.

– Не знаю, – сказал он. Миг спустя он сам поверил в собственную ложь и принялся ломать голову над тем, кто же это мог запустить пчел в палату.

Преследователь? Он твердо решил с утра первым же делом позвонить детективу Сарбекеру. Но сейчас он был слишком ошарашен, чтобы говорить с кем-нибудь.

– Послушайте, я ночую в палате сына, – сказал он. – Но после всего этого мне очень нужен глоток свежего воздуха. Я схожу прогуляюсь у входа, а потом вернусь. Можно?

– Только предупредите охранника, когда будете выходить, – сказал медбрат, который теперь стоял у двери в палату Натана и оглядывал ее. – Если у него возникнут какие-нибудь вопросы, скажите, пусть позвонит Ла Марре, и я приду за вами.

– Спасибо, – сказал Томас и, бросив взгляд на безмятежную фигурку сына, стремительно бросился к лифту. Ему нужно на воздух. За спиной у него Ла Марре что-то бормотал себе под нос. Что-то о пчелах.

На улице светили звезды, легкий ветерок охлаждал лицо и гулял в кронах деревьев, и Томас попытался отделаться от жуткого ощущения под ложечкой.

Ничего не вышло. Он был как никогда убежден, что кто-то преследует его, и Натана тоже. Даже сейчас ему самому может угрожать опасность. И все же он куда больше беспокоился о сыне. Врачи ничего не обнаружили, но Томас намеревался запросить стороннее мнение о результатах токсикологического исследования. Должен быть какой-то яд, какая-то причина запаха в палате.

Пчелы точно появились не по волшебству, уж в этом он был уверен.

На улице, когда от свежего воздуха голова у него немного прояснилась, он задался вопросом не вызваны ли его собственные сегодняшние причудливые галлюцинации какими-либо химическими причинами. Возможно, его тоже каким-то образом отравили. В таком случае ему тоже следует немедленно сделать анализ крови. У Томаса с самого детства бывали приступы. Последний случился много лет назад, но в аптечке у него всегда хранился флакончик с фенобарбиталом – на всякий случай.

При одной мысли о новом приступе столько лет спустя, пчелы сразу были позабыты. Когда они случались, это было ужасно. Передернувшись, Томас мысленно сделал себе заметку сдать кровь на анализ.

Какой-то яд. Чем дольше он обдумывал такую возможность, шагая по заросшему травой пригорку перед больницей с засунутыми в карманы джинсов руками, тем увереннее приходил к выводу, что это должно быть так. Это был единственный ответ, который имел хоть какой-то смысл. Единственный рациональный ответ.

Мальчишкой Томас любил Шерлока Холмса и всегда безоговорочно верил в одно из известнейших изречений великого сыщика Холмс полагал, что, когда все невозможное исключено, то, что осталось, сколь бы невероятным оно ни казалось, и есть правда.

Итак, решил Томас в ту ночь, вдыхая свежий воздух в надежде прочистить организм, настало время исключить невозможное.

Утром он поговорит с докторами, а вот с полицейскими тянуть до утра он не намерен. Нет, он позвонит Уолту Сарбекеру, как только вернется назад.

Он зашагал обратно к больнице. Его предупредили, чтобы он входил через приемный покой, поскольку главный вестибюль на ночь закрывается. Томас перешел с лужайки на асфальтированную стоянку и направился к массивной автоматической двери приемного покоя. Обстановка казалась чересчур спокойной, даже для ночи вторника. Где же «скорые»?

И потому, что он подумал о «скорых», первая его мысль о пронзительном ритмичном звуке была – сирена.

Но это была не сирена. Это был звук, который, как ему показалось, он слышал в воскресенье вечером за окном комнаты Натана. Теперь он услышал его снова как будто кто-то обольстительно играл на скрипке под нежный перезвон китайских колокольчиков.

Томас остановился как вкопанный. Помотал головой, прошептал «нет» и заплакал.

Этого просто не может быть. Он так хорошо разложил все по полочкам всего секунду назад. Это просто невозможно.

Томас медленно поднял глаза к небу; ветерок шелестел листвой деревьев неподалеку. Но над головой у него деревьев не было. Одни звезды да небо – и парящий над стоянкой маленький зеленый дракон с оранжевым брюшком и крылышками, которые на лету издавали волшебную музыку.

Смычок сделал два круга в вышине над стоянкой. В воображении Томаса его крылья ни разу не звучали так волшебно.

Когда Томас подъехал к дому, который когда-то делил с Эмили и Натаном, в небе пророкотал гром. С грохотом, как будто ночь раздирали пополам, гроза разбушевалась не на шутку, обрушив на Тарритаун плотную стену проливного дождя. «Дворники» на Томасовом «вольво» уже который месяц требовали замены, но он каждый раз благополучно забывал о них, как только снова выглядывало солнце.

Теперь он пожалел об этом. Сквозь лобовое стекло он с трудом различал даже то, что свет его фар расщепляется и отражается от сплошной завесы дождя. Свернув на подъем к Таппан-хилл, он наехал на поребрик и едва не врезался в синий пузатый почтовый ящик.

Год назад его жизнь была настолько приближенной к идеальной, насколько вообще можно было на это надеяться: прекрасный дом, замечательная жена, чудесный малыш, играющий во дворе, и стремительно развивающаяся карьера на творческом, но при этом жестоком поприще, которое сокрушало большинство тех, кто отваживался вступить на него. Он был нарасхват. Журнал «Тайм» назвал его «Милном нового тысячелетия».

Неделю назад ему еще позавидовал бы почти любой из тех, кого он знал. В разводе, да, но с бывшей женой хорошие отношения, с сыном видится, киношники и телевизионщики наперебой предлагают сделки, и он даже может позволить себе роскошь подумывать о том, чтобы почтить на лаврах.

Это все, разумеется, внешне. В душе Томас всегда оставался Томасом. Тем же мальчишкой, которого перетаскивали с одной базы на другую, когда его отец в очередной раз получал новое назначение. Когда его сын Натан завел себе воображаемого друга, Томасу это не показалось слишком странным. Дичок был порождением буйной фантазии, и Томас вполне это одобрял.

Какая-то его часть навсегда останется тем маленьким мальчиком, чьи лучшие друзья были обреты в библиотеках и в комиксах, купленных в ближайшем магазинчике за четвертак, а также на экране старенького черно-белого телевизора «Моторола», который они возили за собой с одного края света на другой.

Ти-Джей Рэнделл. Томас Рэнделл. Томми звала его мать, и ее одну он никогда не поправлял. В душе он испытывал все ту же неуверенность, все ту же боязнь, то же изумление, которые испытывал двадцать лет назад.

Именно эти струны и затронула в нем Эмили, став частью той чистой любви, которая до сих пор жила в глубине его души. Но лишь Натан обосновался там навечно. С самого своего первого вздоха, с той секунды, когда Томас впервые взял сына на руки, Натан единовластно занял это место в сердце Томаса.

В сущности, Натан стал его сердцем, он стал всем, что делало Томаса Томасом.

Теперь, когда Натан лежал в коме и будущее было мрачным и неопределенным, у Томаса появилось ощущение, как будто он заблудился. Все разваливалось, все, что он знал о жизни, во что верил и что считал незыблемым. Происходили вещи, которых он был не в силах постичь. Разумеется, это его сознание играет с ним злую шутку. Это единственно возможное объяснение.

Но все было таким реальным. Таким реальным, какими в детстве были друзья, которых он соткал из вымышленного материала, а эти эпизоды, галлюцинации, называй как угодно, они были еще более реальными.

Ему необходима помощь. Он отдавал себе в этом отчет. Но сейчас слишком поздно, и единственная доступная помощь – это единственная живая душа, которая сможет его понять, хотя бы отчасти.

Неисправные «дворники» широкими полотнищами смахивали влагу с лобового стекла, но этого было совершенно недостаточно. Выворачивая на подъездную дорожку к дому Эмили, он заехал на бордюр и врезался бы в зад ее машины, если бы не ударил по тормозам. Томас открыл дверцу, сунул в карман ключи и захлопнул дверцу. Потом сквозь пелену дождя взгляделся в дом. В нескольких окнах еще горел свет.

Некоторое время он не двигался с места, стоя под проливным дождем и чувствуя, как стремительно намокают волосы и одежда. На миг при взгляде на дом его охватила тоска, и он спросил себя, не оставил ли он здесь часть своей души, когда переезжал.

Потом он подбежал к парадному крыльцу; с промокшего пиджака ручьем лила вода. Шум дождя был таким громким, что он не расслышал, прозвонил ли звонок, когда он нажал на кнопку, поэтому он почти сразу же забарабанил в дверь.

Отчаянно.

Послышался скрежет отодвигаемого засова, и дверь раскрылась. Эмили предстала перед ним в одном халате, растрепанная, с размазанной по лицу косметикой, и Томас понял, что вытащил ее из постели. При виде спутанных волос, в живописном беспорядке рассыпавшихся по плечам, он почувствовал такой острый приступ ностальгии, что с трудом удержался от желания обнять ее.

– Господи, Томас! – лихорадочно проговорила она и потянула его в дом, от дождя. – В чем дело? Что-то с Натаном?

Комната завертелась вокруг него: восточные гравюры, которые он купил ей в Лос-Анджелесе, здоровенный цветок в кадке – он появился в доме за неделю до того, как они разошлись, вешалка, которая была у него со времен учебы в колледже и которую ему даже в голову не пришло забрать с собой, диван, обитый плюшем с розочками, на котором он лежал с Натаном на груди, смотря по телевизору старые записи «Эббота и Костелло»^[8] и одновременно укачивая сына...

– Нет, – сказал он, и это короткое слово прозвучало в его устах, как скорбный стон. Он не мог винить ее за такую реакцию. Понимал, как он должен выглядеть, что покорность и горе на его лице должны были заставить ее подумать.

– Прости, Эмили, – сказал он, пытаясь сосредоточиться. – Это не... То есть с Натаном все в порядке.

В ее глазах загорелась надежда, и Томас тут же добавил:

– Все без изменений.

Эмили поджала губы, так что по краям образовались морщинки, глаза ее оледенели. Она стояла, теребя туго затянутый пояс халатика, и смотрела, как с его одежды на ковер течет вода. Томас заговорил было, попытался объяснить, но внезапно краем глаза уловил какое-то движение.

– Э-э?

Он стремительно обернулся, гадая, что это окажется. Еще какая-нибудь галлюцинация или преследователь во плоти за окном.

Но мужчина с копной рыжеватых волос стоял не за окном. Он не был преследователем. Судя по всему, он был преподавателем английского по имени Джо Хэйес, тем самым, который в настоящее время спал с бывшей женой Томаса.

– Черт побери, что ты здесь делаешь? – осведомилась Эмили. – Ты должен быть рядом с Натаном.

Томас изо всех сил попытался сохранить достоинство. Он распрямился и чуть повернул шею, чтобы изменить позу. Он с большим тщанием пробежал пальцами по мокрым волосам, стремясь привести их в приличный вид. Прежде чем снова обернуться к Эмили, он бросил быстрый взгляд на Джо.

– Понятно, почему ты так спешила начать ночевать дома, – бросил Томас.

Едва он произнес эти слова, как его замутило. Это было не только жестоко и по-детски, это было несправедливо. Ночевать в больнице попеременно было идеей Гершманна, и они вместе решили, что первой домой отправится она. Но не это главное. Иногда слова – это оружие, не больше и не меньше. Учитывая род его занятий, он понимал это лучше, чем кто бы то ни было.

– Томас... – начала Эмили.

Джо перебил ее.

– Не надо, – сказал преподаватель и, сделав шаг вперед, протянул Томасу руку. – Джо Хэйес.

Какое-то время Томас тупо смотрел на эту руку, совершенно ошарашенный. У Эмили вид был точно такой же. Хэйес никого из себя не строил. Томас внимательно пригляделся к нему и вдруг почувствовал себя скорее идиотом, чем праведным блюстителем нравственности.

– Томас Рэнделл, – произнес он едва ли не раньше, чем сообразил, что пожимает протянутую ему руку.

Хэйес не улыбнулся. Это понравилось Томасу. Никаких глупостей.

– Мне жаль, что вам пришлось познакомиться вот так, – сказала Эмили. – Но уже поздно, Томас. Я никогда бы...

– Проехали, – сказал Томас, отмахнувшись от ее извинений. – Ты права.

Он ощущал на себе взгляд Хэйеса, но не мог заставить себя еще раз посмотреть на него. Не сейчас. Томаса окружали смеющиеся призраки этого дома. Конечно, здесь обитали и призраки боли и грусти тоже, но те, которых он видел сейчас, пришли из счастливых времен. Он знал этот дом как свои пять пальцев, знал каждую половицу в коридоре, расстановку мебели, число ступенек, ведущих на чердак. Он помнил, как гремит вешалка для полотенец в главной ванной и насколько нужно повернуть краны, чтобы добиться идеальной температуры воды для купания Натана.

Томас тяжело опустился в ротанговое кресло-качалку, которую он купил Эмили в «Пиер», когда они только что въехали в этот дом. Он снова пробежал пальцами по волосам, потом по лицу и наконец выдавил из себя слабую задумчивую, улыбку.

– Прости, – сказал он снова, потом поднял глаза на Эмили и увидел, что ее гнев сменился тревогой. Она, конечно, очень красивая. И всегда будет красивой. Но сейчас ему больше всего нужно было поговорить с кем-нибудь, кто знал его по-настоящему.

– Думаю, я не в себе, Эм, – признался Томас. – Боюсь, что все это сводит меня с ума.

Эмили бросила взгляд на своего нового любовника. Томас отвел глаза и принялся разглядывать композицию из сухих цветов у противоположной стены. Она красовалась на антикварном буфете, рядом с которым стояло старое, но крепкое кресло-качалка и большущий цветок, который он заметил от входа. На стене над буфетом висело богато украшенное старинное зеркало. В нем отражалась вся комната. Ну почти вся. Он видел себя

в ротанговом кресле-качалке и Хэйеса на другом краю отражения. Между ними стояла Эмили.

– Джо, можешь поставить чайник? – мягко попросила Эмили.

По ее тону Томас заключил, что она не знает точно, какой ответ может получить. Он знал ее достаточно долго, чтобы различать даже тончайшие оттенки интонации. Когда обращал на это внимание. В этом-то и была проблема, так ведь? Слишком часто он не обращал на нее внимания.

Хэйес сделал глубокий вдох и кивнул – еле заметно, Томас даже не был уверен, что сам он это заметил. Глаза у него были странного тусклого цвета, и это придавало ему мудрое выражение. Он был всего на пять лет младше, чем сам Томас, но в эту минуту, глядя на него, Томасу казалось, будто эта разница была куда более существенной. Бремя страха и тревоги заставляло его чувствовать себя ужасно старым. Хэйес же до сих пор вел себя с юношеской и дурашливой беспечностью.

Томас уже составил о нем мнение. Хэйес не производил впечатление дурака. Совсем не производил.

– Почему бы вам не поговорить наедине? – после секундной заминки предложил Джо. – А я пока приготавливаю чай.

Эмили улыбнулась. Томас хлопнул глазами.

На него что-то нашло. Он был не в себе. Осознание того, что только что произошло, запоздало, но теперь, когда оно наступило, он едва поверил этому. Не хочет он, чтобы любовник Эмили готовил ему чай. И Джо Хэйеса в своем доме не хочет, какого бы мнения он о нем ни был.

– Нет, я... – начал он, и Эмили нахмурилась, обернувшись к нему. Томас не договорил и закрыл рот.

Теперь это не его дом.

– Это было бы очень любезно, – сказал он им обоим, своей бывшей жене и мужчине, который теперь делил с ней то, что некогда было супружеским ложем Рэнделлов.

Джо развернулся и толкнул распашную кухонную дверь. Томас внимательно смотрел, как заработали петли. Он выложил за эту дверь немалые деньги. На ней было темно-зеленое украшение, которое Эмили сделала собственными руками. Еще тогда, когда у нее был досуг, который можно было тратить на подобные вещи.

Когда дверь перестала раскачиваться туда-сюда, Эмили подошла к нему. Она присела на подлокотник дивана и сложила руки на коленях, потом наклонилась и заглянула ему в глаза, точно так же как делала с Натаном, когда хотела привлечь его внимание.

– Томас, – сказала она ласково. – Что происходит?

И он рассказал ей. Рассказал ей все без утайки.

К тому времени, когда запел чайник, Джо Хэйес успел проглядеть газету от корки до корки, включая и те статьи, которые уже прочитал утром. Он проверил результаты своих любимых команд, хотя обычно интересовался только очками, которые они заработали накануне. Он порылся в ящиках и обнаружил пачку овсяного печенья, которое почти с полным правом можно было назвать залежалым, но он все равно его съел. Это помогало отвлечься, а в подобной ситуации любой повод отвлечься был хорош.

Она была абсурдной. Даже сюрреалистической. Такое определение было ближе к тому, что он подыскивал. Он не мог винить Томаса Рэнделла за то, что тот так распахнулся,

учитывая все случившееся с Натаном. Не мог он винить его и за неловкость. Черт, мужик, скорее всего, до сих пор считает это место *своим* домом, а Эмили – *своей* женой. Во всяком случае, какая-то часть его. Это вполне естественно.

Все это заставляло Джо тоже испытывать крайнюю неловкость, и, читая в разделе «Культура» рецензию на какой-то иностранный фильм, который он совершенно точно никогда не увидит, он позволил себе задаться вопросом, какого черта он все еще здесь. Раньше он никогда не связывался с разведенными женщинами и матерями-одиночками. Он всегда полагал, что в его возрасте нужно начинать с кем-то с нуля.

Никакого прошлого. Вот что он искал. Ведь для него все только начинается. Он всю жизнь бежал впереди паровоза, обгонял других сначала в учении, потом в профессиональной деятельности. У него, как и у всех, случались трагедии – его старший брат сломал шею, неудачно нырнув в летнем лагере, когда они оба были мальчишками, и Джо первым понял, что он мертв. А теперь его мать отважно боролась с раком груди, вела войну, в которой, как утверждали доктора, у нее были все шансы победить. В этом смысле у Джо тоже имелось свое прошлое.

Но он всегда считал, что остановится на ком-нибудь точно в таком же положении, ком-нибудь, для кого все еще только начинается. Колледж он окончил в двадцать лет, в двадцать два получил магистра, и даже сейчас, занимая должность адъюнкт-профессора^[9] на кафедре английского языка в Мэримаунтском колледже, он готовил почву для получения степени доктора философии. Ему всего двадцать шесть. У него ни разу не было новой машины, он никогда не имел собственного дома, даже личной домашней зверюшки у него не было. Он всегда полагал, что разделит все эти вещи с той, для которой они тоже будут в новинку.

Это было до Эмили. До того, как он влюбился.

Когда они познакомились, он знал, что у нее есть прошлое. Она ничего от него не скрывала. Бывший муж, сын, идущая в гору карьера. Долги. Сомнения. Привязанности, в котором он даже не может надеяться иметь отношение.

Но так было до всего этого. До того, как Натан попал в больницу, до катавасии с этим ненормальным преследователем, до того, как Томас начал вести себя как сумасшедший. Сидя на кухне на жестком дубовом стуле, едва воспринимая слова Энн Лэндерс, Джо Хэйес вполне серьезно задумался, не попытать ли ему счастья где-нибудь в другом месте. Он вполне может это сделать. Взять и сбежать. Никто его не обвинит. Даже Эмили, хотя он был уверен, что это ее ранит. Он не нанимался терпеть все эти боль и страдания, не говоря уж о неловкости положения.

Господи, ему ведь всего двадцать шесть! Эта мыльная опера не рассчитана на человека его возраста.

А теперь и у Томаса начинают немного пошаливать нервишки, а может, и не немного. Все может стать еще хуже.

Джо уткнулся лицом в ладони, уперся локтями в край кухонного стола. Он устал, раздрадован и слишком сильно влюблен. Потому что, когда он представлял себе Эмили, когда обводил взглядом эту кухню, когда думал о Натане, лицо которого видел лишь на фотографиях, как он лежит на больничной кровати... он просто не мог уйти.

Джо Хэйес был не так устроен.

Чайник все заливался – он не спешил его снимать, решив, что его свиста будет достаточно, чтобы позвать Эмили и ее бывшего мужа на кухню. Но теперь он поднялся, снял чайник с конфорки и налил себе чашку чаю. Чай был с ромашкой, и в его сознании этот вкус

уже был прочно связан с Эмили.

Под стук дождя по подоконнику в другом конце кухни, держа в руках горячую дымящуюся чашку, Джо готовился пережить грозу. Что бы ни случилось, пообещал он себе, он обосновался здесь надолго. Или, по крайней мере, до тех пор, пока этого хочет Эмили.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Прохладный ветерок дул с широкого озера за хижинкой Ворчуна. На поляне перед хижинкой, у самого Путаного пути, стоял генерал Арахисовое Масло, держа в правой руке зеленую фетровую шляпу Ворчуна, а левую положив на эфес спрятанного в ножны меча.

Апельсиновые вопильщики в кои-то веки молчали.

– Почему мы должны тебе доверять? – прорычал Брауни.

Все остальные один за другим согласно забормотали или просто закивали. Генерал прищурился; окружающее представало перед ним расчерченным нитями арахисового масла, протянувшимися от века до века. Он этого, разумеется, не замечал: для него в этом не было ничего необычного. Досадливо ворча, генерал принялся пристально разглядывать собравшихся на поляне: среди них, разумеется, был гризли, танцующий медведь, которого все они так долго держали за дурачка; маленький музыкальный дракон – генерал припоминал, что его вроде бы звали Сморчком... нет, Смычком; ворон Дэйв; мистер Тилибом, маленький человечек с колоколом вместо брюха, который, возможно, был единственным уцелевшим в пожаре, уничтожившем край Колокольчиков и Свистулек. Человечек не улыбался, и генерал подумал, что это, возможно, только начало. Потом, разумеется, Хохотун, в котором было больше от гиены, чем от человека.

Все они глазели на него, и генерал Арахисовое Масло уставился на них в ответ. Сквозь деревья, окаймлявшие поляну, налетел порыв ветра. Деревянные колокольцы, висевшие на стене хижинки Ворчуна, мелодично динькнули, отчего все сразу же вспомнили, что гнома нигде не видно. За исключением этого на залитой солнцем поляне было тихо.

– Дэйв? – спросил генерал Арахисовое Масло. – Где твой брат?

Ворон каркнул, хлопнул лоснящимися черными крыльями и тяжело спорхнул на плечо Брауни.

– Не знаю! Карр! – ответил Дэйв.

– Ну а я знаю! – рявкнул генерал. – Он там же, где вы обнаружите гнома вместе с его несносным коньком.

Он подумал о Султанчике, пони, на макушке которого торчали зеленые перья, и о том, сколько раз Султанчик ускользал от него в прошлом.

– Там же, где вы обнаружите Боба Долгозуба и Скалоголового.

Все хором ахнули, к его немалому удовлетворению. Крылья Дэйва затрепетали, и Брауни, негромко заворчав, переступил с ноги на ногу. Смычок совершенно затих, а Хохотун даже не хихикнул.

– Кто в последнее время видел Тыквана? – хмуро спросил мистер Тилибом и тоже переступил с ноги на ногу, отчего язычок внутри него негромко бомкнул, прежде чем снова умолкнуть.

– Тише! – шикнул Брауни.

– Ага, – заметил генерал, – значит, Горлянкин тоже с ними. Вот видите, вам всем известно, что произошло. Украли мальчика Натана. В эту самую минуту Ворчун везет его в крепость шакала Фонаря.

– Обманный лес нужно спасти. С этим согласится каждый из нас. Но спасти его таким способом – не дело. Это просто неприемлемо и, вероятнее всего, принесет новые бедствия, а не вернет былую идиллию, которой мы наслаждались прежде. По правде говоря, возможно, уже слишком поздно и мы никогда больше не вернемся в ту счастливую пору. Случилось немыслимое. Я знаю, что вы пытались связаться с Томасом...

И снова он ошарашил их своей прямоотой.

– С Нашим Мальчиком... – прорычал Брауни.

– Да-да, – отмахнулся от него генерал. – Я тоже пытался связаться с ним, но прорваться туда – дело непростое, как вы уже поняли. Попытки в этой области, разумеется, продолжатся, но мы не можем полагаться на Томаса, на Нашего Мальчика...

Генерал странно запнулся, как будто потерял нить рассуждений. Потом поспешно заговорил снова, надеясь, что никто ничего не заметит.

– Апельсиновые вопильщики встали на нашу сторону, и их примеру последуют и другие. Как кое-кто из наших друзей переметнулся к Фонарю, так и некоторые из тех, кто доставлял вам хлопоты в прошлом, теперь станут вашими союзниками.

Генерал задержал взгляд на Брауни.

– Я не прошу вас поверить мне, – сказал он напрямик. – Я говорю о том, что неминуемо должно произойти, если вы хотите спасти этого мальчика и если хотите иметь хоть какой-то шанс сохранить Обманный лес и собственные жизни.

– Если мальчик умрет, – заключил он печально, – умрем и все мы.

Разношерстное сборище на поляне сначала никак не отреагировало, если не считать обмена неловкими взглядами друг с другом. Это не относилось к Смычку. Маленький дракончик сидел, словно каменное изваяние, в центре небольшой компании, на которую генерал теперь возлагал свою надежду на будущее. Кое-кто из них принялся перешептываться, но никакого ответа так и не последовало. Генерал уже собирался отчитать их, призвать к действиям, когда Смычок пошевелился.

Дракончик чуть выпрямился, сидя на задних лапах, и затрепыхал крылышками. Но музыка, которую они сейчас издали, была далека от нежного и звонкого пения арф, колокольчиков и скрипок. Звук, раздавшийся, когда его крылышки пошевелились за спиной, был безрадостным и зловещим. В конце концов дракон снова сник, но теперь к нему было приковано внимание всех собравшихся на поляне. Внезапно генералу, к немалому его удивлению, стало понятно, что это дружелюбное маленькое существо настолько близко к руководителю, насколько он вообще когда-либо был у обитателей Обманного леса. Он куда скорее подумал бы на Ворчуна или даже на Брауни.

Смычок взглянул на генерала Арахисовое Масло.

– Если это спасет мальчика, – сказал Смычок, – мы готовы тебе подчиняться.

В среду утром Эмили стояла на задней террасе и пила уже вторую чашку кофе. Полы ее халатика разъезжались, коротенькая ночнушка под ним нескромно облегла грудь и едва прикрывала трусики. Ее соседи с обеих сторон запросто могли увидеть ее с крыльца или из боковых окон. Она не то чтобы не возражала против этого. Просто не задумывалась.

Голова у нее была занята другим. Она пристально смотрела на качели на заднем дворе; эбонитовые сиденья были совершенно неподвижны, легкий ветерок не шевелил их. Дождь уже несколько часов как кончился, но солнце еще не выглянуло, и по всей террасе стояли небольшие лужицы. По всей видимости, Томас правильно выбрал морилку, когда делали

террасу. Надо будет летом проморить ее заново, подумала она.

За спиной у нее что-то негромко скрипнуло. Эмили казалось, она ощущает в воздухе волнение. Перед ее мысленным взором предстал дом: выкрашенный светлой краской, с темно-зелеными ставнями. Сдвижная дверь должна быть открыта, и сквозь нее можно увидеть почти всю кухню, которой она так гордится.

Если только на пути не стоит Джо.

Не оборачиваясь, Эмили произнесла:

– Разве у тебя сегодня нет занятий?

Она почти услышала, как он заскрежетал зубами.

– Зачем ты впутываешь меня во все это? – спросил он. – Я тут совсем ни при чем. Это даже не мое дело.

– Да, не твое, – отрезала она – В жизни есть не только черное и белое, Джо. Не пойми меня неправильно. Было бы замечательно, если бы все на свете было так просто, как это тебе, по-видимому, кажется.

Молчание.

– Неважно.

Опять скрип – он вернулся в дом. Послышался шорох задвигаемой двери.

Но он не договорил. Она знала это. Она уже узнала его достаточно хорошо, чтобы понимать: он не уйдет, пока не убедится, что она поняла его намерения.

Эмили ждала, прихлебывая кофе, и представляла, как Джо натягивает одежду, шнурует кроссовки. Через несколько минут она услышала, как стукнула входная дверь, и удивленно захлопала глазами.

Она сделала большой глоток кофе и развернулась к дому.

– Послушай.

Эмили вздрогнула и пролила кофе на бесстрастную морду Снупи, украшавшую грудь ночнушки.

– Не подкрадывайся ко мне так! – со смешанным чувством сказала она.

Джо предпочел ничего не отвечать. Он просто вздохнул и прислонил свой велосипед к бедру.

– Эмили, я не собираюсь с тобой спорить. Это не мой дом, а в сложившихся обстоятельствах я не уверен, что ты можешь быть объективной.

Она горячо запротестовала, но он поднял руку, прерывая поток ее возражений, и страдальческое выражение на его лице убедило ее позволить ему договорить.

– Судя по тому немногому, что ты рассказала мне о переживаниях Томаса, это куда серьезнее, чем простые галлюцинации. Я слышал о людях, которым под влиянием стресса начинали чудиться всякие вещи, но не на таком уровне, – пояснил Джо. – Ты сама сказала, что ему нужна помощь.

– Я сказала еще, что он ее и получит, – отозвалась она холодно. – Я не очень понимаю, что происходит, Джо, но Томас до сих пор занимает большое место в моей жизни. Я не влюблена в него, но я его люблю, и он отец Натана. Я уверена, что сейчас он пытается проконсультироваться у кого-нибудь, ради Натана и ради себя самого. Ты не имеешь права...

– Я знаю это, – рявкнул Джо, теперь настала его очередь злиться. – Именно это я и пытаюсь тебе сказать, если только ты возьмешь на себя труд выслушать!

Они обменялись сердитыми взглядами. Джо взъерошил волосы и вздохнул, потом покачал головой.

– Послушай, – сказал он. – У меня сейчас урок, а если Томас сегодня не у дел, тебе надо ехать в больницу. В общем, я хочу сказать, если он на грани срыва, неплохо бы тебе начать обдумывать интересы Натана и то, в состоянии ли Томас сделать то же самое.

Эмили закусила губу, на глазах у нее выступили слезы.

– Неужели ты считаешь, будто я об этом не думала? – сказала она дрожащим голосом. – Я почти не спала ночь, потому что все это постоянно крутилось у меня в голове. Но опека – не такое дело, в котором стоит принимать поспешные решения. Даже если у него более серьезные проблемы, чем те, при которых достаточно просто хорошенечко отоспаться, я не могу взять и оспорить договор об опеке на ровном месте. Это убьет его, как ты не понимаешь? – пыталась объяснить она. – Если он уже сходит с ума оттого, что Натан заболел, это окончательно его доконает.

Джо был не в силах посмотреть ей в глаза. Очевидно, он все сказал.

– Черт побери, – прошипела Эмили. – Ты прав. Это не твое дело.

Она развернулась, чтобы уйти в дом, но двигалась медленно, обречено. Натан ждал ее в больнице, но Эмили хотелось лишь упасть в постель – в одиночестве – и уснуть.

– Эм, – мягко сказал Джо. – Мы еще увидимся?

Эмили задвинула дверь, а затем заперла ее и посмотрела на него, пытаясь вызвать в своем сердце какой-то отклик.

– Не сегодня, – ответила она наконец.

Тротуары Нью-Йорка были запружены деловыми людьми и бездомными, продавцами фалафелей^[10] и хот-догов и полицейскими. Наконец-то выглянуло солнце и небо стало ярко-голубым. Влага, которая еще ощущалась в воздухе, быстро испарялась; Франческа Кавалларо торопливо шагала по 47-й Западной улице. Она еще раз взглянула на часики и едва не налетела на юнца, барабанившего по перевернутому бочонку из-под соленых огурцов.

Фрэнки выругалась себе под нос и свернула на Бродвей. Закусочная располагалась на другой стороне улицы по диагонали, и она завертела головой, оценивая обстановку на дороге. Этому ее научила отнюдь не мама. Этому ее научил Нью-Йорк. Даже автобус собьет тебя, если ты будешь переходить улицу на красный свет.

На нее неслось такси, едущее по Бродвею на юг, и Франческа прибавила ходу. Она то и дело поглядывала на дверь в закусочную. Похоже, у нее даже не было названия – вывески, во всяком случае, не имелось. Вроде бы она называлась «Клеос», но за точность Франческа бы не поручилась. Важно было то, что она уже почти на двадцать пять минут опаздывала на встречу с Томасом, и это начинало входить у нее в привычку. Честно говоря, она удивилась, когда утром он позвонил ей и попросил позавтракать с ним в половине одиннадцатого. Он собрался в город по делам – что это за дела, он не уточнил, – и это, откровенно говоря, было ей очень кстати. Так или иначе ей нужно было пересечься с ним, но она не знала, как лучше к этому подойти.

Его звонок с предложением встретиться избавил ее от хлопот.

Она со вздохом протянула руку к входной двери «Клеос». И лишь по чистой случайности оглянулась через плечо. Пара несущихся наперегонки такси засигналила друг другу, взвизгнули шины, послышались возгласы, и Франческа обернулась посмотреть.

На углу Бродвея и 48-й улицы стоял Томас и пытался поймать такси, не участвующее в смертоносном дерби.

– Черт!

Франческа рванулась к нему, ускорила шаг. Она уже была совсем близко, когда такси в

трех полосах от нее вильнуло к обочине и притормозило.

– Томас, подожди!

Он круто обернулся, и его вид ошеломил Франческу. Он осунулся и зарос. Под глазами залегли темные крути, и он, казалось, молчаливо веселился, глядя, как она бежит к нему.

– Прости, я опоздала, – выпалила она и умолкла. В обычных обстоятельствах можно было с уверенностью ожидать, что он дружески побранит ее, а потом они вместе вернутся в ресторан. Но сейчас он только пожал плечами.

– Слишком поздно, Фрэнки. Мне пора, – сказал он безо всякого выражения на лице. Вид у него был – краше в гроб кладут.

Такси скользнуло к обочине, вхолостую тарахтя мотором, и Томас потянулся открыть дверцу.

– Что? Погоди, мне надо с тобой поговорить!

– У меня назначена встреча, – сказал зомби, который когда-то был одним из самых крупных ее клиентов.

– Послушай, ребята из «Фокс» ухватились за твое предложение – поспешно заговорила она. – Когда я рассказала им про Натана, они согласились приехать сюда. Завтра днем прилетают. У них будут и другие дела, но они хотят встретиться в пятницу утром.

Он некоторое время смотрел на нее, как будто не понял ни слова из того, что она сказала.

– Эй, или едем, или нет, приятель, – буркнул водитель.

Франческа наклонилась и неприятно улыбнулась шоферу, типичному нью-йоркскому таксисту в кепке с эмблемой «Янки», надетой чуть набекрень.

– Заводи счетчик, придурок, – рявкнула она. – Можешь включить этот разговор в наш счет.

Водитель промямлил что-то относительно того, что это против правил, но счетчик все же запустил. Фрэнки была удивлена, что он не нажал на газ и не укатил. Томас как будто ничего и не заметил.

– Это важно, да? – спросил он.

Франческа уставилась на него.

– Томас, ты что, не в себе? – спросила она. – Ты же знаешь, как это важно.

– В пятницу, в полдень. Обедаем в «Кинсе», – механически проговорил Томас – Зарезервируй столик сама. Мне сейчас просто не до этого.

– Да что такое, Томас? – спросила она. – Ты что, получил плохие новости о... о Натане?

Томас сел в такси.

– Зарезервируй столик, Фрэнки. Прости. Мне надо ехать.

Он закрыл дверцу, и такси покатило прочь.

– О господи, – пробормотала Франческа себе под нос. – И что мне с тобой делать?

После разговора с доктором Мицелл Томас почувствовал себя значительно лучше. Не совершенно нормальным, конечно, но, с другой стороны, галлюцинации у него начались, казалось, уже много дней назад. Пожалуй, еще до того, как с его сыном случился этот ужас, эта непонятная кататония.

Сначала он позвонил Рэйчел Моррисси, которая занималась Натаном, когда они развелись. Доктор Моррисси была детским врачом, но хорошо помнила и Натана, и его родителей. Когда Томас начал объяснять ей природу своего беспокойства, доктор Моррисси

фактически организовала ему встречу с доктором Мицелл в тот же самый день. Из уважения к Моррисси Мицелл даже пропустила обед.

Томас опасался, как бы она не выкатила ему счет в двойном размере.

Однако доктор Мицелл оказалась совсем не такой, какой он себе ее представлял. Она была молодой и очень красивой, но совершенно не в духе всех стереотипов модных журналов. Ее черные волосы были коротко подстрижены, а оливковую кожу усеивала россыпь мелких веснушек, которые показались ему очаровательными. У нее был заразительный смех, который ложился ему на душу как бальзам, и через несколько минут после того, как он устроился в кресле напротив Ли Мицелл, Томас проникся к ней полным доверием.

– Кроме вас и Натана кто-нибудь был свидетелем тех странных событий, которые предшествовали его кататонии? – спросила она его.

Томас предугадывал следующий вопрос.

– Нет, – признался он. – И Натан тоже никому о них не рассказывал, насколько мне известно. Но они произошли, доктор.

Мицелл спокойно кивнула, ее карие глаза горели пониманием. На ней было бордовое платье, в котором не было ни намек на легкомыслие, и все же Томас не мог не любоваться ею. Писатель в его душе не преминул заметить, что старая поговорка относительно того, как легко влюбиться в своего врача или психолога, весьма верна.

Ей по долгу службы положено проявлять сочувствие. И беспокоиться о его благополучии тоже.

Это очень обнадеживало.

После долгого молчания она сказала:

– И все же все остальные случаи, которые, по вашему утверждению, являются галлюцинациями, были столь же реальны, как и те, свидетелями которых, как вы говорите, был Натан.

Томас опешил.

– К чему вы клоните? – спросил он ее почти сердито. – Выходки какого-нибудь шутника или даже преследователя, который перемазал арахисовым маслом мою лужайку и мое окно, это одно дело, а слышать, как с тобой говорят птицы, или видеть наяву героев своих книг – совсем другое.

– Ну разумеется, – согласилась доктор Мицелл. – Я просто привожу пример того, как трудно провести грань между реальностью и фантазией, когда эта грань начинает стираться. У меня как-то была одна пациентка, которая считала, что ее преследуют призраки. Они мерещились ей повсюду. В конце концов ей начал мерещиться призрак ее матери, бодрой пожилой дамы восьмидесяти трех лет от роду, которая была вполне жива и здорова. Несколько недель спустя, когда мать этой пациентки умерла, бедная женщина обвинила себя в том, что это явление к ней призрака как-то повлекло за собой кончину ее матери.

Томас нахмурился.

– И что с ней случилось?

Доктор Мицелл вскинула брови и чуть склонила голову набок, как будто предпочла бы не слышать этого вопроса. В конце концов она ответила:

– Она покончила с собой.

Чувствуя себя последним мерзавцем, но не в силах удержаться, Томас рассмеялся.

– Ну, – сказал он, – по крайней мере, меня не тянет на самоубийство. И то ладно.

Мицелл с улыбкой согласилась.

– Мистер Рэнделл, люди с развитым воображением нередко под давлением стресса теряют связь с реальностью и ищут какого-то утешения в мирах, которые кажутся им более надежными. У вас немного иная, немного более агрессивная ситуация, но в сложившихся обстоятельствах просматривается определенный принцип. Вы чувствуете себя неспособным вылечить вашего сына, и образы, порожденные вашим воображением, снова и снова появляются, мучая вас предположением, что только вы можете «спасти» его. Весьма вероятно, это результат вашего неуместного чувства вины. Если мы сможем попытаться поработать с этим и, возможно, обсудить вашу привязанность к этим персонажам, скорее всего, нам удастся добиться полного прекращения приступов.

– Что-то многовато «если», – заметил Томас.

– Вы предпочли бы, чтобы я объявила вас буйнопомешанным и упекла в «Бельвию»^[11]? – невинно осведомилась доктор Мицелл.

После этого все прошло довольно гладко.

Скоро Томасу придется позвонить Эмили и сказать ей, что он подменит ее на эту ночь. После такого денька посидеть с Натаном будет почти отдыхом. Ему нужно побыть с сыном, присмотреть за ним. Что бы ни сказала доктор Мицелл, он все еще отец Натана и ощущает необходимость защищать своего малыша. Может, и не в его силах приблизить выздоровление Натана, но ему под силу посидеть с ним, поговорить – а вдруг он услышит?

Он споет, подумалось ему вдруг. Точно так же, как в младенчестве пел Натану на ночь. Джеймса Тэйлора, Бонни Райт и «Иглз». Тогда он помнил их песни наизусть. Он найдет что спеть.

Несмотря на тревогу за Натана и на боль, которую вызывало у него состояние сына, на сердце у Томаса было легче, чем вот уже много дней. Он купил у торговца в парке копченую колбаску и, потея, зашагал дальше по широкой вымощенной дорожке под палящим солнцем. Стало жарковато, но он был не против. Истекая потом, он словно очищался. Когда с колбаской было покончено, он купил еще у одного торговца лимонаду и свернул на узенькую тропинку, которая, как он считал, должна была вывести его обратно на Пятую авеню, где он рассчитывал без особых затруднений поймать такси.

Дорожка петляла среди густых куп деревьев и зарослей кустарника, где мог скрываться потенциальный грабитель. Томасу стало немного не по себе. Хотя в дневное время в Центральном парке обычно было безопасно, Томас ускорил шаг. В зарослях послышался шепот. Вместо того чтобы остановиться, Томас прибавил шагу. Кто бы там ни скрывался, он не хотел, чтобы они думали, будто он обращает внимание на то, что они затевают. Может, это влюбленная парочка, или наркоманы, да кто угодно, но, так или иначе, он не хотел их видеть.

Казалось, шепот преследует его, похожий на шелест ветра в листве. Но это был голос. Томас слышал его. Звуки, которые не имели совершенно ничего общего с ветром. Несколько секунд спустя он различил одно слово, которое повторялось вновь и вновь. Его собственное имя.

– Томас, – прошепестел парк.

– Оставьте меня в покое! – крикнул он, заткнув ладонями уши и зажмуриваясь так крепко, как только мог, чтобы полностью не лишиться себя обзора.

Он подавил желание броситься бежать, повторяя про себя слова доктора Мицелл почти как мантру.

«Тревога, чувство вины и стресс. В определенных обстоятельствах любая из этих причин может вызвать галлюцинации. Ваши видения очень яркие, но, возможно, эта яркость – всего лишь игра вашего собственного воображения. А с галлюцинациями – как с обмороками; если это случается с вами однажды, химические процессы в вашем мозгу идут по определенному пути, и это может повториться вновь уже с большей вероятностью».

Томас замедлил шаг, стараясь не бежать. Огромным усилием воли он отрешился от этого шепота и перестал его слышать. Совсем.

Глубоко вздохнув, он огляделся по сторонам и зашагал по тропке дальше, надеясь, что она вот-вот выведет его на одну из главных аллей, а там и до Пятой авеню недалеко.

– Томас!

Он остановился как вкопанный, закусил губу и закрыл глаза. По его левой щеке скатилась слезинка. Он сходит с ума. Вот так. Он понимал, что совершенно теряет разум.

Томас Рэнделл медленно обернулся. Посреди дорожки, где он только что прошел, стояло дерево. Нет, не дерево. Не такое дерево, как все остальные в этом парке. Во-первых, оно не росло из земли, а стояло на мощных корнях. Дерево слегка склонилось, так что глазки в его коре уставились на Томаса, а ветви и листья заслонили солнце. Это был Толстосук, командир лесных стражей.

– Наш Мальчик, – возвестил он торжественно, – ты должен вернуться в Обманный лес. Если ты не вернешься, твой сын неминуемо погибнет.

Вскрикнув, Томас ничком бросился на дорожку и лежал, всхлипывая, до тех пор, пока не появилась парочка молодых бегунов. Мужчина остался с ним, а женщина побежала за помощью. Некоторое время спустя мужчине удалось поднять его на ноги, и они вдвоем пошли по тропинке. Но он был вынужден вести Томаса под локоть, пока они не очутились на волнистой лужайке Центрального парка.

Томас не раскрывал глаз, пока деревья не остались далеко позади.

В больничном кафетерии было сравнительно безлюдно, когда Эмили опустилась на стул рядом с окнами у дальней стены. Она бросила сумочку на соседний стул и поставила на стол картонный стаканчик с куриным бульоном, который, купила в автомате, – он разливал бульон в точности так же, как кофе или какао. Бульон оказался пересоленным и обжег ей язык, но Эмили было приятно, потому что он напомнил ей о детстве.

В этом было что-то извращенное. Пятнадцать лет назад ее дед умер в больнице от рака – ужасное, убийственное воспоминание для всех, кто его любил. И тем не менее она сохранила приятные воспоминания о бульоне, который купила тогда в автомате за четвертак. Этот был не совсем такой, но вкус оказался довольно похожим. Пожалуй, этот даже был солонее.

Ее захлестнуло желание вернуться в палату к Натану, и она немедленно задавила его. Если не давать себе коротких передышек, тесная палата очень скоро станет невыносимой, поэтому она заставляла себя сидеть здесь, прихлебывать бульон и смотреть из окна на лужайку, исчерченную длинными вечерними тенями дубов. Кто-то засмеялся, Эмили обернулась и увидела пару медсестер, пробиравшихся к столу с подносами, на которых не было почти ничего, кроме салата и кофе. Одну сестру она знала – вроде бы ее звали Нэнси – и вежливо кивнула женщине. Та ласково улыбнулась в ответ, и Эмили задалась вопросом, что она думает. «Ах, это та бедняжка, у которой сын впал в кому, ушел в себя... Я бы умерла, если бы такое случилось со мной...»

Эмили поморщилась, отвернулась и взглянула в окно на медленно догорающий день. Не желает она идти по этой дорожке. Для начала, она даже не знает, есть ли у сестры Нэнси дети. И, если уж говорить о сочувствии, она предпочла бы реальные действия. А несчастной она вполне может себя чувствовать и без посторонней помощи.

Негромкая трель прервала ее размышления, и Эмили обрадовалась. Ей не нравилось направление собственных мыслей. Разговорчивые сестрички посмотрели на нее, и она вытащила свой сотовый телефон из сумочки, раскрыла его и сказала:

– Томас?

– К сожалению, это не Томас, – сказал женский голос.

Сначала Эмили не поняла, кто это. Ведь она не слышала этот голос уже почти год. Потом до нее дошло.

– Франческа, – сказала она. – Спасибо, что перезвонила.

– Я немного удивилась твоему звонку, Эмми, – сказала агент Томаса. – Но и обрадовалась тоже. Меня немного тревожит Томас. Но сначала, в общем... как Натан?

Эмили нахмурилась.

– Все так же. А что с Томасом? Ты говорила с ним? Он уже почти два часа как должен быть здесь.

Я оставила ему с полдюжины сообщений, но... в общем, потому я тебе и позвонила.

– Я видела его сегодня утром. Он выглядел совершенно разбитым.

– Сегодня он должен был идти к психиатру, – сказала Эмили и спохватилась, что сболтнула лишнего.

– Я рада, – ответила Франческа. – Не хочу показаться бесчувственной, Эм, но ему стоит немного задуматься о перспективе. Он может сорвать всю сделку с «Фокс», если не

соберется. Я понимаю, это сейчас не первоочередное дело, но мы ведь говорим о вложении в будущее, понимаешь?

Эмили вскинула бровь.

– Сделка с «Фокс»?

Молчание. Потом вздох.

– Вот черт. Не следует мне с тобой это обсуждать. Вы сейчас на пару занимаетесь Натаном, но это не значит, что вы больше не разведены. А я выношу сор из избы.

– Все нет, Франческа, – возразила Эмили. – Нам с Томасом очень неплохо удастся не опуститься до игры, которую затевают многие пары, когда расходятся. А теперь, когда еще и...

Ей не хотелось об этом говорить.

– Послушай, если будешь с ним говорить, скажи ему, пусть сразу позвонит мне. Сегодня моя очередь ночевать у Натана, так что если сегодня вечером он не появится, ничего страшного. Но я беспокоюсь за него. Он... немного перенервничал в последнее время.

– Если он позвонит, я передам.

Разговор продлился еще секунд от силы тридцать, и Эмили захлопнула телефон. Она положила его на пластиковый стол и взялась за быстро остывающий бульон. То, что добавили в воду, чтобы получилось это варево, начало хлопьями оседать на дне стаканчика, к горлу подступила тошнота, и Эмили поставила бульон обратно на стол.

Какое-то время она покусывала губу. Ее пальцы лениво выстукивали какой-то мотивчик – что-то похожее на мелодию из фильма «Одинокий рейнджер», – и некоторое время спустя она снова взяла телефон, раскрыла его и набрала домашний номер Томаса.

Трубку снял автоответчик.

– «Привет. Это Томас. А теперь давайте вы». Она насчитала девять сигналов – выходит, ему оставили еще по меньшей мере три сообщения помимо шести ее собственных. Эмили чуть было не повесила трубку; что толку? Но вместо этого она дождалась конца и попыталась не пустить в голос тревогу, которую чувствовала.

– Томас, это снова я. Слушай, я просто хотела узнать, как ты ходил к врачу. Я буду в больнице всю ночь, можешь звонить мне на сотовый, если не застанешь в палате. Я... – Эмили вздохнула и уже почти удержалась от этих слов: – Я беспокоюсь за тебя.

Томас Рэнделл лежал на диване в большой комнате своего дома в Ардсли, подоткнув под голову пару зеленых подушек. Громкость автоответчика была убавлена ровно до такого уровня, что он едва различал слова Эмили. Он не шевелился. Не шевельнулся вообще ни разу почти за полчаса. Он просто лежал с пультом от телевизора в руке и бездумно перескакивал с одного кабельного канала на другой.

В конце концов он наткнулся на старую серию «Сумеречной зоны»^[12] и на миг заинтересовался. Он вспомнил ее мгновенно – это была одна из его любимых. «Остановка в Уиллоуби», вот как она называлась.

Рядом с ним на кофейном столике валялся пустой флакончик из-под фенобарбитала. Томас взглянул на него, рука его соскользнула с груди и повисла, как тряпочная, едва касаясь ковра. Миг спустя пульт вывалился из его пальцев, но Томас этого даже не заметил.

Глаза его медленно сомкнулись.

Река Вверх выровнялась и прямой линией текла через высочайший пик Плешивых гор.

На такой высоте не росли деревья, не было вообще никакой растительности. Лишь скалы да вода, которая пробилась себе сквозь них дорогу многие века назад, когда еще не было никаких книжек. Река Вверх текла по горной вершине, пока не достигала отвесного утеса, который уходил вниз, в Туманное ничто. Неподалеку из самой земли была вода. То был исток реки Вверх. Отсюда она начинала свой долгий кружной путь, который в конце концов приводил ее обратно на пик. Ибо поток этот обвивал мир подобно великому змею, сыну Локи^[13].

Несмотря на яркое палящее солнце, скалы продувал холодный ветер, который безжалостно стегал воду. На берегу стоял сердитый пони, шкурка у него была в грязи, озноб пробирал до костей. Хохолок из зеленых перьев, который рос у него из головы, пластался на ветру, и он нетерпеливо цокал копытами.

– Чертов гном, – пробормотал пони, и мягкие губы обнажили крупные зубы. Он снова зацокал копытами, хлеща себя по заду темно-зеленым хвостом.

Пони звали Султанчик. Его имя было одним из предметов его глубочайшего беспокойства и одной из причин, по которой в теперешнем кризисе он оказался в стане шакала Фонаря. Потому что Султанчик знал: у него не всегда было такое имя. Даже у пони хватит ума понять, что кобыла просто так не бросит жеребенка и не назовет его Султанчиком. Вряд ли эти перья были у него с самого рождения, и его мать в любом случае должна была хотеть чего-то иного.

Нет, кто-то же назвал его Султанчиком, и это определенно была не его мать. Но если не она, то кто?

От этого вопроса в голове у него засела колючка боли, и он бил копытами и фырчал, а потом издал ржание, которое перекрыло даже свист ветра в скалах и журчание реки. Думать об этом было больно. Султанчик вовсе не был уверен, что ему хочется получить ответ на этот вопрос. По правде говоря, он был совершенно уверен, что ему этого не хочется.

Но этот вопрос никогда не приходил ему в голову до тех пор, пока Мальчик не перестал приходить. Не перестал любить их. И он, как и шакал Фонарь, полагал, что Мальчика надо вернуть в Обманный лес – любой ценой. Хотя бы ради того, чтобы отвязаться от этого вопроса.

Чтобы унять боль.

Его пухлые ноздри раздулись, и Султанчик вскинул голову. Он что-то учуял, какой-то запах, который принес ветер. Запах Мальчика и не Мальчика. Не совсем Мальчика. С ним переплетался мерзкий душок лучшего друга Султанчика, временами также известного под именем «чертов гном» или другими, существенно более цветистыми прозвищами.

Прищурившись, Султанчик разглядел, как на гребне горы показался небольшой ялик и поплыл по реке туда, где она низвергалась в Туманное ничто. Когда лодка приблизилась и Ворчун принялся лихорадочно работать веслами, чтобы добраться до ленивого омута у самого берега, Султанчик немедленно заметил отсутствие на голове его друга любимой фетровой шляпы.

Ему пришло в голову, что сейчас, наверное, не время упрекать Ворчуна за задержку. Если, конечно, он не хочет получить весьма крупнокалиберную пулю прямо в свой конский лоб.

Однако он так же мгновенно заметил и еще кое-что. Нечто такое, удержаться от вопросов о чем он ну никак не мог. Ворчун выпрыгнул из лодки на прибрежное мелководье и подтащил лодку к берегу, и Султанчик с беспокойством воззрился на него.

– Мальчишка у меня, – сказал Ворчун, тяжело отдуваясь, когда корма лодки очутилась

на каменистом берегу.

И Султанчик увидел мальчика. Это была замечательная новость. Ребенок спал, но это, вне всякого сомнения, был Натан Рэнделл. Шакал Фонарь будет доволен. И все-таки...

– А где Тыкван? – спросил Султанчик, взглянув на Ворчуна, потом окинув мимолетным взглядом лодку и ее пленника, прежде чем отвернуться в другую сторону.

Ворчун фыркнул и налег на лодку.

– Он не сдержался. Пришлось пристрелить.

Султанчик негромко заржал.

– У него на плечах была не самая здравомыслящая тыква, правда?

Ворчун впился в него взглядом, глаза его сердито сузились. Правая рука пошарила под пиджаком, кончики пальцев погладили рукоять одного из его кольтов.

– Я не хотел этого, ты, дурья башка, – рявкнул Ворчун.

Однако с этими словами гном только покачал головой и, развернувшись к пони спиной, перегнулся через борт ялика и подхватил спящего мальчика на руки.

– Клянусь богом, малыш пони, в последнее время ты меня удивляешь. Иногда мне кажется, что твои крошечные мозги прогнили ничуть не меньше, чем тыква Горлянкина. Смотри, как бы мне не пришлось разнести башку и тебе.

Ворчун почти с любовью взглянул на личико спящего мальчика и зашагал по холодной площадке горной вершины; солнце палило его непокрытую голову, ветер трепал волосы. Султанчик смотрел, как он идет с сыном Мальчика на руках.

Вдали, на другом конце скалистого плато, вздымалась сооруженная из камня и дерева крепость шакала Фонаря. В самом начале времен на вершине Плешивых гор была земля, и из нее росли деревья. Во всяком случае, так гласили легенды. Все эти деревья пошли на строительство крепости.

Султанчик поежился, и на этот раз не ветер, но самое зрелище этого сооружения вызвало у него дрожь. Каждый бастион, каждые ворота, каждая стена, каждая башня – каждый треклятый камень крепости источал ненависть. Как дьявольский огонь, пылающий внутри непропорционально большой головы шакала Фонаря, за зубчатыми стенами этой крепости теплилось зло.

Пони всегда боялся старины Шака, но теперь уж ничего не поделаешь. Зло – единственное, на что Мальчик может клюнуть, единственное, что может вернуть его. Добро и зло, теперь вопрос жизни и смерти для всех них.

Ведя машину по Бродвею через Тарритаун и Ирвингтон к дому своего бывшего мужа в Ардсли, Эмили волновалась все сильнее и сильнее. По радио передавали безвредные и бездушные романтические песни, и они действовали ей на нервы. Еще задолго до поворота, ведущего в ухоженный тихий район, куда переехал Томас после их развода, Эмили выключила радио.

Ночь сломила последнее сопротивление дня, мир Эмили залила темнота, и в тишине машины в голове у нее снова и снова крутилось все то, что сказал ей Томас. Все то, что привиделось ему в его галлюцинациях.

Ее фары рассекали темноту. Фонарь на подъезде к дому Томаса перегорел или еще только должен был вспыхнуть в своей заранее заданной покорности. Еще через три дома Эмили ощутила боль в пальцах и, опустив взгляд, увидела, как побелели костяшки и с какой силой она сжимала руль.

Она вскинула глаза.

Черная бесформенная тень неслась ей в лобовое стекло.

Эмили закричала, вывернула руль, ударила по тормозам, но было слишком поздно. Тварь врезалась в стекло с влажным шлепком и хрустом – возможно, хрустнули кости, но скорее всего, это было стекло. Взвизгнули шины.

С мучительно колотящимся сердцем Эмили попыталась перевести дух, коснулась лица и, к собственному изумлению, обнаружила, что плачет. Истерика почти накатила на нее, но Эмили задавила ее. Грудь у нее болела, и она спросила себя, с какой силой ее бросило на руль. Теперь она припоминала, как взревел клаксон, и удивилась, что сначала это не отложилось у нее в памяти.

По правому краю стекла расплзались трещинки. От их вида Эмили почувствовала себя страшно уязвимой и отвела глаза. Глубоко вздохнув, она открыла дверцу и вышла из машины, потом принялась оглядываться по сторонам, чтобы посмотреть, что это в нее врезалось.

Под «дворником» застряло одинокое черное перышко.

Прямо перед машиной на земле в луже крови лежало смятое в лепешку тело огромного черного ворона.

Эмили ни с того ни с сего вспомнила слова Томаса о вороне, который, по его твердому убеждению, заговорил с ним. Ей даже подумалось, что это Дэйв, один из воронов-близнецов из «Приключений в Обманном лесу». На миг ее мысли приняли оборот, который не сулил им обоим ничего хорошего. В этом не было ничего необычного. Любому, кому доводилось пройтись ночью по кладбищу или в глухой предутренний час услышать, как древесные ветви стучат о стену дома, могли припомниться подобные суеверия. Эмили была женщиной трезвомыслящей. Она отделалась от этих мыслей, улыбнулась про себя и с презрением посмотрела на треснувшее стекло.

– Надеюсь, с тобой ничего не случилось, Томас, – сказала она в темноту. – Потому что я-то уж точно не собираюсь за это расплачиваться.

Мотор все еще работал, и в тот миг, когда Эмили распахнула дверцу, сверху донеслось карканье. Она запрокинула голову и увидела черную тень, заслонившую луну. Ее можно было бы принять за летучую мышь, если бы не карканье. Но это была не мышь. Это был еще один ворон, точь-в-точь такой же, как тот, который разбил ей стекло и поплатился за это жизнью.

Его близнец.

Ворон Барри парил над домом Мальчика, и на сердце у него лежал камень мучительной вины и горя. Дэйв был его братом, его близнецом. Все воспоминания Барри о жизни были неразрывно связаны с Дэйвом.

Но Дэйв попытался достучаться до женщины. Он хотел поговорить с ней. Ибо те, кто встал под знамена генерала, поняли, что она – якорь, который удерживает Мальчика в этом мире. Если бы она поверила ему и уцепилась за него, он смог бы вернуться в Обманный лес вместе с Натаном. Этого ни в коем случае нельзя было допускать. План шакала Фонаря не учитывал ее. Ей не было места в истории, которую он плел, поэтому она не должна была поверить.

Если бы Дэйв заговорил с ней, не исключено, что она вообще бы его не услышала. Обманный лесникогда не соприкасался с ней по-настоящему, так что она, возможно, не

смогла бы понять, о чем ее просят. Но они не могли рисковать. Вмешивать женщину было нельзя.

Она не должна была поверить.

Барри каркнул, из него выпало перышко и спорхнуло на землю – как будто его крыло уронило слезу.

Он лишил жизни своего брата, чтобы мог жить Обманный лес.

Эмили постучала раз десять, прежде чем решилась открыть дверь Томаса своим ключом. Она переступила через порог и позвала его по имени. Звуки вернулись к ней, словно эхо с другого конца каньона, словно грохот прибоя в пустой раковине.

Дом был безжизнен.

Но не безлюден.

Она обнаружила Томаса на ковре в гостиной – в луже его собственной засохшей рвоты. Глаза у него закатились, виднелись только белки, дыхание было поверхностным, со слишком долгими перерывами между вдохами. Седая прядь, которая змеилась в его волосах над левым ухом, слиплась от крови, и Эмили сообразила, что он, должно быть, обо что-то ударился головой.

Если только на него не напали.

Ахнув, она отступила назад и оглядела комнату. Томас считал, что кто-то его преследует. Теперь Эмили вынуждена была задуматься, не было ли это правдой. На мгновение она застыла над его неподвижным телом, колеблясь между страхом за себя и тревогой за этого мужчину, вместе с которым они произвели на свет Натана.

Потом она сдвинулась с места. Неважно, напали на него или нет. Важно лишь то, что ему нужна помощь. Она подошла к телефону, увидела мигающий красный огонек и маленькие цифры «10» на индикаторе – число сообщений на автоответчике, которые он получил и то ли не стал прослушивать, то ли так и не узнал о том, что они получены.

Едва Эмили сняла трубку переносного телефона, как поняла, что ей не хватает воздуха. У нее было такое ощущение, будто земля ушла у нее из-под ног и она кувырком летит в бездну забвения.

Сначала Натан, а теперь еще и Томас.

Несколько минут спустя она обнаружила, что сидит на холодном кафельном полу в кухне с трубкой в руках. Она не помнила, чтобы куда-то звонила, но поняла, что, наверное, все-таки звонила, потому что с улицы несся вой сирен приближающейся «скорой».

Ее вдруг захлестнула внезапная волна гнева, и она сердито взглянула на Томаса, который лежал на полу гостиной, возможно при смерти.

– Нет, – произнесла она негромко, яростно. Потом закричала: – Нет!

И запустила в него телефонной трубкой. Она пролетела над кухней и шлепнулась на ковер в гостиной в нескольких футах от тела. Красные огни ударили в окна и обратили дом в адский калейдоскоп.

Эмили уткнулась лицом в руки и прошептала имя бывшего мужа, а потом имя своего единственного сына.

Натан медленно очнулся ото сна. Сначала его ощущения не простирались за пределы собственного тела; язык, упирающийся в зубы, легкое дыхание, от которого трепетали ноздри, солнышко на веках. Зевок застал его врасплох, и Натан потянулся всем телом,

открыв рот, чтобы выпустить зевок наружу.

Постельное белье под ним в том месте, где он только что вытер слюну, которая натекла изо рта, пока он спал, было мягким, но чуточку зернистым на ощупь. Он перевернулся с боку на бок. Его сознание еще не проснулось до конца, введенное в заблуждение негой, принесшей ощущение дома, пока не вспомнило о том, что занесло его сюда.

В открытое окно ворвался ветер, растрепал газовые занавески, превратил их в шаловливых призраков. Натан разглядел их сквозь крохотные щелочки глаз, веки лениво грозили сомкнуться снова, не вполне уверенные, что покончили со сном.

Ветер был холодный.

Не просто прохладный, как иногда бывает летним утром, а очень-очень холодный.

Это было неправильно.

Натан открыл глаза, быстро уселся и обвел взглядом лес и каменный мешок каморки вокруг него. Она была определенно чистой. Как будто накануне кто-то расстарался и вылизал ее до блеска. Но постельное белье было грязным.

Дверь была массивная, деревянная с металлическими скобами и железной ручкой над старомодной замочной скважиной. Если бы не окно, комната могла бы сойти за темницу.

Логово шакала Фонаря. Натан сразу понял, где находится. Где же ему еще быть? Что-то внутри нашептывало: ему нечего бояться; если бы шакал Фонарь хотел его смерти, какой-нибудь из приспешников Фонаря давным-давно убил бы его. Но настоящий Натан, мальчишеский голос в его мозгу, твердил ему, что шакал Фонарь, вполне возможно, пожелает съесть его на обед. Буквально. Обглодать мясо с косточек.

Генерал Арахисовое Масло пообещал, что ему ничего не сделают, но Боб Долгозуб больно поцарапал ему спину. И потом, он больше не с генералом. Ворчун тоже уверял, что с ним не случится ничего страшного, но Ворчун вроде бы папин друг, а оказался на стороне шакала Фонаря, так что как может Натан доверять ему?

От всего этого голова шла кругом.

Мальчик испугался в ту самую минуту, когда впервые очнулся в Обманном лесу. И до сих пор боялся. Но, выбираясь из постели, Натан начал испытывать и другое чувство. Нечто такое, что перенесло его на несколько лет назад, к детским вспышкам гнева и приступам драчливости. Натан был ребенком пяти с половиной лет от роду, и притом очень испуганным ребенком.

Но он был еще и очень-очень рассержен.

Он подошел к окну, выглянул наружу – и рот у него раскрылся от изумления. За окном отвесно уходила вниз стена крепости, так отвесно, что каменная кладка, казалось, заваливается вперед. За крепостью виднелись Плешивые горы, а за горами – весь остальной Обманный лес. Натану казалось, что с этого места ему видно все. Весь Обманный лес. Это разумеется, было невозможно, и какая-то часть его сознавала это. Но эта иллюзия почему-то придавала ему спокойствия. Потому что где-то там, в этом бескрайнем лесу или у реки Вверх, были люди и другие существа, которые не хотели, чтобы с ним что-то случилось. Генерал Арахисовое Масло хотел защитить Натана.

– Приходи, пожалуйста, – прошептал Натан, и весь его гнев вдруг куда-то делся, и он снова стал маленьким испуганным мальчиком.

На самом деле он не верил, что генерал Арахисовое Масло придет за ним. Но мысли в голове у Натана бурлили, как самые бурные пороги реки Вверх, и он вдруг понял, что зовет не генерала. Он думал о своем отце. Ворчун сказал, шакал Фонарь хочет, чтобы папа Натана

пришел в Обманный лес. Он не понимает, как такое возможно, но, с другой стороны, он не понимает, как он сам очутился здесь.

– Приходи, пожалуйста, – прошептал он снова. Холодный ветер пронесся над голой вершиной горы и влетел в окошко каморки Натана. Мальчик вздрогнул и быстро вернулся обратно к кровати. Он принялся искать одежду, которую дал ему Ворчун, – вещи, те, что гном и пони украли из его спальни в ту ночь, когда они убили Дичка, – и проворно оделся, когда нашел.

Одевшись, он подошел к двери. Он знал, что она должна быть заперта. Как же еще они собираются удержать его здесь, если она не заперта? Но он все равно подергал за ручку. Железо было холодным на ощупь, но когда он повернул ручку, послышался густой скрежет, толстый язычок сдвинулся и дверь отворилась.

Натан ошарашенно заморгал. Потом выглянул в коридор. Там было сыро и мрачно, вдоль каменных стен плясали оранжевые огоньки факелов. Крепость была построена в основном из громадных глыб, которые выглядели так, будто их вытесали из самой горы. Единственное, что было здесь деревянного, это подпорки, поддерживавшие арки коридора и дверные проемы. Натан поежился. Он вдруг безо всякой причины посмотрел на свои ноги в голубых кроссовках и увидел, что шнурки у него не завязаны. Папа всегда напоминал ему об этом, пытался убедить завязывать шнурки на ботинках. Никогда это не казалось Натану таким важным.

Он опустил на колени и непослушными пальцами завязал шнурки. Потом поднялся, бросил последний взгляд – он надеялся, что это последний взгляд, – на постель в той комнате, где провел ночь, и двинулся по коридору.

Натану, разумеется, было страшно, но страх чуть отступил и освободил немного места возбуждению. Подумать только, он бродит по крепости, что лишь немногим хуже, чем замок, и, похоже, предоставлен сам себе. Забыть на миг обо всем остальном было совсем несложно. Его воображение на некоторое время разыгралось в этом направлении – звон мечей и схватка с рыцарями... или даже с пиратами.

Потом он подошел к широкой каменной лестнице со сводчатыми окнами, прорубленными в круглых стенах, между которыми вились, спускаясь в глубь крепости, ступени. Натан снова огляделся вокруг себя и, не заметив ничего и никого, зашагал вниз. Очутившись у первого же окна, он высунулся далеко наружу, пытаясь получше разглядеть крепость и определить, насколько высоко он находится. Тончайшая иголочка боли кольнула его в спину, чуть ниже лопаток. Натан вскрикнул, глаза сделались большими от страха.

Потом он вспомнил о царапинах на спине, оставленных когтями Боба Долгозуба. Он высунулся из окна и напряг спину. Несмотря на целебные свойства генеральского арахисового масла, порезы никуда не делись, и Натан слишком сильно разбередил их.

Кусая губу, мальчик заставлял себя не плакать и медленно, опасно спускался по лестнице. Ему было пять с половиной лет, и, по его мнению, слез и без того уже было много. И снова Натана одолел приступ гнева, и он обнаружил, что его переполняет скорее злость, нежели ужас.

Вот где его спасение. Чем больше он злился, тем меньше боялся. Злиться было не очень-то приятно. Папа всегда пытался научить его не выходить из себя, если что-то не так, а справляться с трудностями, но сейчас Натан просто не мог ничего с собой поделать. Злиться было куда надежней, чем бояться.

Он спустился на этаж ниже того места, где его держали, и свет, сочившийся в окна,

померк. Здесь тоже были факелы, и ему показалось, что откуда-то доносятся голоса. Он понимал, что нужно отыскать еще одну лестницу. Если он будет все время спускаться, то в конце концов может очутиться у подножия крепости. Они не опасаются, что он может убежать, иначе заперли бы двери, подумалось ему.

Он им покажет. Он убежит, быстро-быстро и далеко-далеко, как только сумеет, а в Обманном лесу им нипочем его не найти.

При этой мысли Натан замер. Ведь если шакал Фонарь и его приспешники не сумеют найти Натана, как тогда его отыщет папа или генерал Арахисовое Масло? С другой стороны, если он останется в крепости, они точно будут знать, где искать. Вернее, будут знать, где искать, если генерал догадался, что это Ворчун похитил Натана. Все это было очень запутанно, и у Натана даже заболела голова.

Пытаясь сообразить, что к чему, Натан вошел в коридор и зашагал по нему в поисках темного колодца, который ведет вниз, на предыдущий этаж, и, надо надеяться, еще ниже. По пути он миновал несколько дверей, массивных деревянных дверей, ничем не отличающихся от той, что была в его комнатке. Все они были закрыты, и ни единый лучик солнечного света не озарял сырую каменную галерею. Лишь дойдя до середины, Натан сообразил, что в конце не горят факелы. Вообще не горит свет, если не считать бледного пятнышка дневного света, который брезжил чуть слева.

Еще одна лестница, подумал он. Но чтобы до нее добраться, придется идти в темноте. В настоящей темноте. В такой темноте, в которой почти невозможно было помнить, что снаружи светит солнце.

Натан зашагал дальше, его кроссовки почти бесшумно ступали по холодному камню. Он слышал собственное дыхание, и оно оказалось таким громким, что он удивился. Он миновал последний факел, и вокруг него за клубились тени, как будто собрались взять его за руку. Свет остался у него за спиной, и он задыхался еще громче. Храбрость и рассерженность мальчика начали ускользать, похищенные мраком.

Скудного света с лестницы оказалось недостаточно, чтобы он оставался смелым. Сердце у Натана заколотилось. Он чувствовал, как трепещут жилки на висках и на запястьях, и его дыхание еще участилось. Он почти не мог разглядеть каменный пол, но все равно бросился бежать. Ноги в голубых кроссовках зашлепали по каменным плитам, и он очень отчетливо вспомнил свою кухню.

Кухню у них дома. Раньше. До того, как мама и папа разошлись и Натан остался посередине. Когда они стали очень сильно ссориться и Натан много плакал. Он тогда был совсем маленький, даже в детский сад еще не ходил по-настоящему.

Влажный скрип резиновых подошв по камню перенес его в прошлое; Мама кричала, папа злился. А потом она ударила папу по лицу. Это был первый и единственный раз, когда Натан видел, чтобы его мама кого-то ударила, и она залепила ему такую оплеуху, что у папы все лицо стало красное.

Они несколько минут смотрели друг на друга, а Натан сидел на полу на кухне и ревел, как будто был еще совсем малыш, выкрикивал слова, которые никто из них не мог понять.

Это было всего за несколько дней до того, как родители Натана сообщили ему, что они больше не будут жить вместе. Правда, они сказали, что они все равно одна семья.

Он им так и не поверил.

Одна-единственная слезинка вырвалась наружу, и Натан сердито стер ее со щеки. Он дал себе слово больше не реветь и теперь злился на темноту, злился на своих родителей и на

себя самого за то, что ему так страшно.

Он почти достиг лестницы и зашагал медленней. Сердце у него перестало колотиться так быстро, и дыхание уже не казалось таким громким.

Запахло чем-то ужасным Хуже, чем десяток скунсов. Натан попытался зажать нос, но запах забирался всюду. И он узнал его.

В тот же самый миг, когда он повернулся посмотреть на лестницу, он понял, чем пахнет. Кем пахнет.

– Здорово, щенок, – произнесло чудовищное существо, и, хотя оно не смеялось, голос его дрожал от смеха – Я надеялся, что нам удастся побыть наедине.

Вонючий дым, поднимавшийся из трещины над глазом уродливого создания, внезапно вспыхнул, зеленый огонь полыхнул из того места, где полагалось быть мозгу.

Натан замер, закусил губу и не стал кричать. Не стал плакать. Вместо этого он просто прошептал имя чудовища:

– Скалоголовый.

«Скорая» мчалась по Бродвею в больницу, и Эмили, которая неподвижно сидела рядом с Томасом, подбрасывало на каждой выбоине и ухабе. Выла сирена, и хотя фельдшер дал ей обтекаемые ответы, Эмили знала, что они спешат не просто так. Томас очень плох.

– Почему? – прошептала она.

Фельдшер, который постоянно следил за состоянием Томаса, даже не поднял глаз. Он не отреагировал ни на одно ее высказывание, и этот вопрос она задала своему находящемуся без сознания мужу, наверное, уже в десятый раз с тех пор, как его погрузили в «скорую».

Тушь черными потеками размазалась у нее по щекам, словно боевая раскраска. Эмили понимала, на кого похожа, но ничего не предпринимала. Сейчас ей нечем было вытереть лицо, а плакать ей все равно еще придется.

– Скотина! – ломким голосом выкрикнула она и с размаху хлопнула Томаса по груди ладонью.

Наконец-то ей удалось завладеть вниманием фельдшера. Долговязый медик выпрямился, насколько это было возможно в тесном салоне «скорой», и обеими руками мягко отстранил ее.

– Мадам, я понимаю, что вы сейчас не в себе, – сказал он спокойно, но со всей серьезностью. – Но если вы еще раз сделаете это, я вас высажу.

Эмили хотелось заорать на него. Объяснить ему, что произошло. Как Томас подвел ее и Натана. Он так нужен им сейчас. Сейчас! Натану как никогда нужен отец. Эмили как никогда за все время их брака нужен Томас Рэнделл, нужна его поддержка.

Она знала, что на Томаса никто не нападал. В этом фельдшер ее заверил. Угол раны не оставлял сомнений в том, что это было падение, вероятно, когда он потерял сознание. Потерял сознание от передозировки барбитуратов, которые он запил полным стаканом бурбона. Вот что он с собой сделал.

– Почему? – повторила она хриплым шепотом и принялась вглядываться в расслабленное лицо Томаса, в котором не было видно никаких проблесков сознания. За его веками не было никакого движения. По крайней мере, никаких снов. Он не заслужил их.

Эмили обеими руками закрыла лицо, глубоко вздохнула и заставила себя перестать плакать. Она понимала, что гнев на него – всего лишь защитный механизм. От этого понимания ярость не становилась слабее, потому что только ярость удерживала ее на плаву. Она больше не хочет жить с Томасом, не хочет быть его женой. Но это не значит, что она готова к тому, что его больше не будет в ее жизни. Не отнимая рук от лица, она снова заговорила с Томасом, все тем же шепотом.

– Я не справлюсь одна, – сказала она ему и себе самой. – Я не могу потерять вас обоих.

Обманный лес никогда не затихал. И никогда не должен был затихнуть. Лес и существа, населявшие его, были полны такой жизни и таких красок, что тишина была бы равносильна смерти.

Но сейчас в Обманном лесу было очень тихо.

Глаза генерала Арахисовое Масло превратились в узкие, затянутые паутинками щелки, ноздри раздувались. Все его чувства были обострены, готовы уловить малейшую перемену в окружающей обстановке. Он пробирался сквозь чащу, держа путь на восток, хотя в этой

части леса не было настоящих тропинок.

Славящиеся своей горластостью апельсиновые вопильщики протискивались сквозь подлесок и перебирались через выступающие корни без единого звука. Единственный шум, который они издавали, преодолевая самое сердце Обманного леса, был скрежет их зубов да шорох ветвей и листьев по цитрусовой коже, которая целиком покрывала тела вопильщиков.

Кровожадные твари. Большинство обитателей Обманного леса думало о вопильщиках именно так. И генерал Арахисовое Масло очень долгое время разделял это мнение. Но когда он объяснил апельсиновым вопильщикам, что стоит на кону, все племя поклялось отдать жизнь за дело генерала. Некоторые из них уже заплатили эту высшую цену.

И все же они до сих пор были на его стороне. Ибо если генерал потерпит неудачу, им всем конец.

Но в молчании апельсиновых вопильщиков, хотя и поразительном, и близко не было ничего столь же из ряда вон выходящего, как в молчании маленького оранжево-зеленого дракона, который восседал на плече генерала Арахисовое Масло. Генерал попросил Смычка сопровождать его главным образом из тех соображений, что в случае необходимости связаться с кем-то крылышки дракончика будут незаменимы. Однако воспользоваться этой возможностью придется лишь в самом крайнем случае, поскольку полет Смычка сопровождает музыка. Они не могли точно знать, какие агенты и страшилища по наущению шакала Фонаря могут рыскать по Обманному лесу. Но мелодичные звуки, которые издают драконьи крылышки, наверняка привлекут нежелательное внимание.

Так что пока Смычок сидел на генеральском плече, увязая когтями в арахисовом масле. Несмотря на в целом учтливое поведение дракона, с начала их путешествия он уже посетовал на это обстоятельство не менее полудюжины раз. Генерал дал ему слово, что, когда ему придет время подняться в воздух, на драконьих лапах не останется ни унции клейкого вещества. Его заверения, казалось, не слишком утешали Смычка.

Генералу уже начало надоедать их повторять.

На самом деле генералу уже начало надоедать очень многое в этом сценарии. Хотя ничто не волновало его больше, чем безопасность ребенка, скрываться по кустам, по его мнению, солдату не подобало. Террористу, может, и простительно, но не солдату.

И все же он достаточно знал о солдатах в джунглях, чтобы постоянно держаться начеку.

Они еще примерно мило передвигались в молчании, медленно пробираясь сквозь чащу, а потом лес поредел и места стало больше. Утоптанной тропинки не было, но хватало места свободно шагать под пологом ветвей, сплетенных самой природой или фантазией. Генерал так и не пришел к твердому убеждению, что именно устанавливало законы в этом месте.

Дракон завозился на генеральском плече, его крылышки слегка затрепетали, и на мгновение послышался звук, будто кто-то невесомо пробежал пальцами по струнам арфы. Генерал досадливо крикнул, но ничего не сказал. Смычок, по зрелом размышлении, был превосходным спутником в путешествии. Он хранил молчание, когда его просили об этом, и оказался куда смысленнее, чем генерал мог бы подумать.

Чешуйчатое брюшко лежало на арахисовом масле, хвост спускался по генеральской спине. Генерал ощущал все это. Отпечаток каждой чешуйки, еле заметный вопросительный знак, оставшийся после того, как хвост смычка принял другую форму. Коготки, вязнувшие в арахисовом масле, слегка переместились, но на этот раз дракон справился со своими крыльями.

Что-то было не так.

– Ты беспокоишься, дракон? – спросил генерал.

Вопильщики рассеялись по лесу по обеим сторонам, один забежал далеко вперед, производя рекогносцировку, еще один семенил позади, охраняя тылы. Но несколько ближайших уставились на генерала с удивлением в безумном хаосе их широко раскрытых лимонно-желтых глаз.

– Разве у меня нет причин беспокоиться, генерал? – отозвался Смычок без тени веселья, которое обычно звенело в его голосе.

– Да, сейчас у нас масса поводов для беспокойства, – согласился генерал Арахисовое Масло. – Мы вынуждены делать то, что, я уверен, ни тебе, ни твоим друзьям и в голову прийти не могло.

Смычок немного помолчал. Потом, с оттенком раскаяния, но без злобы, сказал серьезно:

– Я никогда не думал, что буду сидеть у тебя на плече и что мы будем союзниками. Это после того, как ты столько времени пытался убить меня.

Наверху что-то пискнуло, и жирная сова, фырканьем выразив свое неудовольствие их вторжением, расправила крылья и лениво сорвалась с толстой ветки – лишь затем, чтобы преодолеть три ярда до соседнего дерева, на котором она и устроилась. По пути сквозь чащобу им попадались всевозможные существа. Они миновали исполинскую каменную фигуру людоеда, который забрел слишком далеко от своей пещеры и не успел вернуться домой до восхода солнца. Зайцы и птицы встречались в изобилии, а еще, как показалось генералу, они видели небольшой разведывательный отряд белок-летяг, перескакивающих с дерева на дерево. Но они были слишком проворны, и он не успел как следует разглядеть их и потому не мог быть полностью уверен.

Обманный лес населяла живность.

Над этим следовало поразмыслить.

На кону стояло нечто большее, чем жизнь Натана Рэнделла. Или рассудок его отца. На кону стоял сам Обманный лес. И у каждого его обитателя были свои собственные заботы. Как у дракона, которого все называли Смычком.

– Я никогда не хотел убить тебя, дракон, – признался генерал, впрочем не слишком охотно. – Понимаешь, у меня такая роль. Каждый из нас играет в этом мире свою роль, и моя заключается в том, чтобы угрожать самым добрым и невинным созданиям. И тебе в их числе.

Смычок рассмеялся.

– Значит, ничего личного, да?

Генерал Арахисовое Масло улыбнулся.

– Ничего личного, – повторил он.

Миг спустя Смычок вздохнул.

– Наверное, я просто тревожусь об остальных. Брауни и мистеру Тилибому, скорее всего, ничего не грозит, если они будут сидеть там, где сидят. Но мне очень жаль, что не получилось послать кого-нибудь другого, а не Хохотуна...

– Никого другого не было, – решительно сказал генерал. – Эта чертова гиена расхоталась бы в самый неподходящий момент или по своему тупоумию не смогла бы подчиниться самой простой команде. Он был единственным, кого мы могли послать.

Смычок встопорщил крылышки и уселся на плече у генерала на задних лапах. Он изогнул шею и заглянул генералу прямо в глаза, его морда оказалась чуть пониже

генеральской фуражки, из ноздрей вырвался крохотный язычок пламени. Его глаза с двойными веками закрылись и снова раскрылись.

– Ты хочешь сказать, что отправил его на верную смерть?

Генерал остановился как вкопанный и повернул голову так, чтобы оказаться лицом к липу с драконом.

– Мы все идем на верную смерть, Смычок. Все до единого. Без Нашего Мальчика нет Обманного леса. Если Натан умрет, Наш Мальчик никогда больше не придет сюда. Пытаясь спасти нас, Фонарь нас всех погубит. Нам всем грозит верная смерть.

Он снова зашагал вперед, и вопильщики принялись яростно продираться сквозь кусты под деревьями. Они миновали невероятно разжиревшего серого волка, который спал на земле и громко храпел, а солнце, просачивавшееся сквозь листву деревьев, рябило его шкуру.

– Приятно слышать, что нам всем грозит гибель, – сказал Смычок после затянувшегося молчания.

Генерал нахмурился.

– У меня язык не поворачивается такое сказать. Как это может быть – «приятно слышать»?

Он ощутил, как дракон пожал плечами.

– Что ж, – отозвался Смычок. – Мы двигаемся прямо на восток, так что вполне можем наткнуться на Королеву леса. Она не слишком жалует гостей.

Встревоженный генерал как будто невзначай положил руку на рукоять меча.

Скалоголовый крепко сжал плечи Натана и ослабил, продемонстрировав грязные зеленые зубы. Борода у него была вклокочена как никогда, волосы свисали сосульками. Натан закрыл рот и попытался не дышать. Он боялся, как бы от такой близости к Скалоголовому его не вырвало.

Монстр с расколотым черепом только расхохотался.

– Что, страшно, малыш? – ухмыльнулся он. – Сейчас опять в штанишки напустишь?

Натан горячо замотал головой и попытался отступить назад, в коридор. Скалоголовый, которого отделяли от него несколько шагов, держал крепко. У Натана на миг возникло желание, чтобы злыдень поскользнулся на мху, который пробивался между осклизлыми камнями.

Потом Скалоголовый подхватил его и перекинул через плечо, и от такой близости к нему Натана едва не вывернуло. Сперва он закрыл глаза, но в конце концов, когда ему все-таки пришлось сделать вдох, чтобы не потерять сознание, его глаза раскрылись снова. В нескольких дюймах от его лица в волосах Скалоголового копошилось что-то черное и слизкое.

Натан завизжал, забыв о зловонии.

Скалоголовый остановился посреди лестницы, больно плюхнул Натана на каменную ступеньку и с размаху ударил по лицу. Глаза Натана распахнулись, глядя на зеленое пламя, которое полыхнуло из расселины в голове ублюдка. Ни папа, ни мама не разрешали ему произносить слово «ублюдок». Но Скалоголовый был не просто монстр, он был ублюдок.

– Что, больно? – поинтересовался Скалоголовый, и его лицо расплылось в безумной улыбке, при виде которой Натан захныкал.

Зеленое пламя обдавало его жаром.

– Да, – признался мальчик тихо.

Скалоголовый уткнулся лицом в лицо Натана, глаза в глаза, нос к носу, рот ко рту, и обдал его зловонным дыханием, закричав:

– КЛАААААСС!

Натан отшатнулся и прикусил губу.

– Я не собираюсь плакать, ты, вонючка, ублюдок уродливый! – закричал он и в тот же миг почувствовал, как на глазах выступают слезы. Но он остановил их. Никаких слез.

Скалоголовый злорадно взвыл.

– Слушай, ты, щенок, – ощерилась тварь, – тебя пригласили на обед. Так что, если сам не хочешь стать обедом, предлагаю тебе закрыть варешку. И не вздумай опять обмочиться, обгадиться или наблевать. Впрочем, реветь можешь сколько угодно. Старина Шак любит, когда детишки ревут.

Он ухватил Натана за запястье и грубо поволок его вниз по лестнице. Натан торопливо вскочил на ноги, чтобы не упасть, положил руку на каменную стену и тут же отдернул ее. Он обтер слизкую дрянь со стены о джинсы и поспешно засеменял за Ска-логоловым, все еще закусив губу и отказываясь плакать.

Чтоб этому Скалоголовому сдохнуть! Натан ругал себя за такие мысли, потому что знал: думать так – плохо. Но он ничего не мог с собой поделать.

Спустившись по лестнице, Скалоголовый потащил его за руку по длинному коридору, который в конце концов привел их к большим деревянным двустворчатым дверям с тяжелыми железными кольцами, вделанными в них. Одной могучей ручищей монстр рванул правую створку и широко распахнул ее.

Что бы Натан ни ожидал увидеть – какую-то темницу или пыточную камеру, – за дверьми оказалось нечто совершенно иное. В отличие от всей остальной крепости, этот зал не был целиком из камня. Пол был деревянным, потолок и стены крест-накрест пересекали деревянные балки. В углу, в большом камине, набитом поленьями, потрескивали желто-рыжие языки пламени. Неподалеку была свалена еще охапка дров. Каждый конец зала был затянут широкими цветными гобеленами, подобных которым Натан никогда в жизни не видел, разве что по телевизору.

Окон не было. Никакой свет не проникал снаружи. Только огонь в камине и факелы, по два на каждой стене. Зал был огромным, и в центре его стоял длинный стол, грубо сколоченный из дерева без какого-либо намека на талант, который, видимо, весь пошел на сооружение самой крепости. Но это был стол, и вполне пригодный для использования в этом качестве. Стулья, окружавшие стол, были лишь немногим лучше.

Что, однако, немедленно приковало к себе внимание Натана, так это блюда с едой, которыми был уставлен стол. В центре красовалась такая громадная жареная индейка, какой Натан никогда еще видел. Он почуял ее запах, заглушавший даже зловоние Скалоголового, и у него немедленно потекли слюнки. Он даже не помнил, когда в последний раз ел. На столе стояли большие железные кувшины, в которых, должно быть, была вода или по меньшей мере что-то такое, что можно пить. На других блюдах дымился вареный картофель и еще какие-то зеленые овощи, которые он и в рот бы не взял, если бы не был так голоден. Там было еще много всего, но Натан не стал разглядывать.

Он медленно шагнул к столу. Скалоголовый не попытался помешать ему. Монстр просто стоял у открытой двери и смотрел, как Натан накладывает себе на тарелку индейку, картофель и еще какое-то невиданное пирожное. Потом он уселся на один из неудобных стульев и набросился на еду. Ни вилок, ни ножей – если не считать здорового мясного

ножа, который торчал из индейки, – но это Натана не остановило.

Ел же он руками раньше.

Он уже успел смести с тарелки почти всю индюшатику и несколько картофелин, когда вдруг перестал жевать. Он посмотрел на индейку. На большущий мясной нож, торчащий из ее грудки.

Одна из дверей у него за спиной распахнулась с грохотом, от которого он подскочил на своем стуле, перевернув тарелку и уронив картошку на пол. Натан обернулся и увидел у больших двустворчатых деревянных дверей Боба Долгозуба, который вошел в зал и теперь стоял рядом со Скалоголовым. Из рта саблезубого тигрчеловека торчали огромные клыки: Долгозуб как раз скрежетал зубами и причмокивал.

Натан не знал, то ли это его присутствие так обрадовало Долгозуба, то ли присутствие еды. И знать не хотел. Он быстренько забрался под стол и вынырнул с другой стороны. Он смотрел на Долгозуба огромными глазами, и порезы на спине у него заныли, словно напоминая обо всем. Но Натану не нужно было никаких напоминаний, чтобы не забыть, кто оставил эти порезы.

– Привет, малышшш, – радостно прорычал Боб Долгозуб. – Похоже, налипшему генералу всссе-таки не удалось тебя спассти.

Натан изо всех сил попытался найти достойный ответ. Оправдать генерала. Но что он мог сказать? Наконец он заявил, так дерзко, как только мог:

– Он придет за мной.

В коридоре за деревянными дверями появились две темные тени. Послышалось громкое фырканье, и Долгозуб со Скалоголовым поспешно отскочили в сторону. Тогда Натан разглядел, что темных теней не две, а три, и они властно вступили в комнату, фыркая и бормоча, царапая деревянный пол костяшками рук.

Сестры Примат. Натан дважды хлопнул глазами. Вгляделся.

– Их... их не должно быть здесь, – сказал он скорее себе самому, глядя на трех совершенно одинаковых горных горилл.

Но в ту же самую минуту он понял, что произойдет следом, и попятился, не отрывая глаз от двери. Остановился он, лишь когда уперся в затянутую гобеленом стену, которая перекрывала дальнейший путь к отступлению.

В зал вошел шакал Фонарь.

Натан знал, как Фонарь выглядит. Отец читал ему книжки и показывал картинки... Но увидеть его наяву... Вся злость Натана куда-то делась. Он пытался разозлиться, но просто не мог. Он судорожно, учащенно дышал, но не замечал этого. Он вообще едва мог думать, всецело поглощенный борьбой со своим страхом и горячим, обжигающим ощущением подступающих слез, которое охватило его.

Шакал двигался как огромный пес, хотя его передние лапы куда больше походили на руки, чем лапы любого пса. Однако для пса он был слишком шелудивым и тощим, и Натан понял, что это настоящий шакал, что-то вроде африканского койота или еще кого-нибудь в этом духе.

Шакал Фонарь вошел в зал и, стоя на задних лапах со скрещенными на груди передними, уставился на Натана – насколько он вообще мог на кого-нибудь уставиться. Потому что у шакала Фонаря не было настоящей головы. Когда-то, в незапамятные времена, если верить папиным книжкам, у него была настоящая голова. Но теперь вместо головы у него была тыква с вырезанным в ней лицом, злобным и свирепым, вроде тех, что делают на

Хэллоуин. А внутри этой тыквы горел оранжевый огонь, такой яркий, что он сиял на весь зал, как будто маяк.

Шакал уставился на Натана, и мальчик, опустив глаза, увидел, что его лицо – дырки глаз, носа и рта яркими пятнами высветились на его собственной футболке. Эти светящиеся пятна словно пригвоздили его к полу полутемного зала.

Он не мог заставить себя снова поднять глаза на шакала. Натан знал: если он снова посмотрит вверх, если он откроет глаза, то заплачет и, наверное, не сможет остановиться. Поэтому он не смотрел. Он просто обхватил себя руками, дрожал и пытался притвориться, будто его здесь нет.

– Какой ты недобрый, маленький Натан, – сказал шакал Фонарь. Его низкому голосу вторило злое эхо, как будто он доносился не изо рта, но из самого пламени внутри его тыквенной головы.

– Сестры Примат ничего тебе не сделали, малыш, а ты их обижаешь? – снова проговорил Фонарь.

Натан закусил губу. Потом еще раз повторил то, что уже говорил.

– Их не должно быть здесь, – сказал он. Потом добавил: – Папа рассказывал мне про них, но пока не написал о них ни в одной книжке.

При этих словах шакал Фонарь расхохотался, весело покачал головой, и по стенам заметались светящиеся двойники его лица.

– Не будь ты ребенком, и притом слишком маленьким, чтобы отвечать за свою глупость, я съел бы твое дымящееся сердце на ужин, – безжалостно сказал Фонарь, потом в его голосе снова зазвучало веселье. – Но, разумеется, ужин уже накрыт, верно?

Натан застыл, решив, что Фонарь сейчас приблизится. Но он не приблизился. Вместе с этого Фонарь махнул рукой в сторону одной из горилл, и она немедленно выбежала из комнаты.

– Всего остального тебе не понять, малыш, но вот что я тебе скажу. То, что твой идиот-папаша пишет в своих книжках, не имеет ничего общего с тем, что на самом деле происходит здесь.

Обезьяна, выбегавшая из комнаты, вернулась, и Натан с изумлением увидел, что она несет большую стопку книг. Это были книги его отца, экземпляры всех его книг об Обманном лесе. Он чуть не спросил, откуда они взялись здесь, в самом Обманном лесу. Но потом вспомнил, что он-то тоже здесь. А Ворчун украл из дома кое-какую его одежду и принес ее сюда.

По кивку шакала Фонаря горилла свалила книги в кучу перед камином. Старина Шак, как звали его некоторые из них, опустился на четыре лапы и прошествовал к груде книг. Его голова-тыква висела в точности так, как висела бы голова у любой собаки, но там, где у собаки должен был быть высунутый, свисающий, болтающийся язык, виднелся лишь отблеск оранжевого света от пламени внутри его головы.

Никогда еще в жизни Натан не видел ничего более страшного, чем шакал Фонарь. На глазах у мальчика он подскочил к книгам, поднял лапу и обдал их струей дымящейся, едко пахнущей желтой мочи, которая мгновенно пропитала книги. Папины книги. Вся ту любовь, которую отец Натана вкладывал в Обманный лес.

Потом Фонарь снова встал на задние лапы и оглянулся на Долгозуба.

– Боб, – заметил он, – мальчишка, похоже, считает, что генерал придет за ним. Я хочу, чтобы пришел Наш Мальчик, а генерал нам тут не нужен. Сомневаюсь, чтобы он пришел, но

просто на всякий случай садись на этого дурака пони и езжай за ним в лес. Если он доберется до крепости раньше тебя, можешь не возвращаться. Да, когда найдешь гнома, скажи ему, что я хочу его видеть.

Кивнув и коротко поклонившись, Боб Долгозуб удалился. Затем по распоряжению шакала Фонаря Скалоголовый и сестрички принялись за еду, которая еще оставалась на столе.

Прижимаясь спиной к стене, Натан смотрел на описанную кучу книг. По лицу его струились слезы. Натан был в ярости.

Шакал Фонарь все-таки заставил его заплакать.

Было почти одиннадцать вечера, когда у Франчески Кавалларо зазвонил телефон. Она оторвалась от чтения рукописи очередного клиента – когда он рассказал ей о книге, она понадеялась продать права на нее, но теперь, читая ее, она была твердо уверена, что это полный бред. Звонок был на линии, которую она держала ради тех дней, когда ей не хотелось ехать в офис.

– Какого дьявола? – буркнула она недовольно.

Франческа придерживалась строгих правил относительно рабочего времени. И всем своим клиентам недвусмысленно давала это понять. До десяти утра и после шести вечера они должны были обходиться без нее, за несколькими исключениями, и эти исключения устанавливала она сама.

Все еще раздраженная, она демонстративно проигнорировала надрывающийся телефон и вернулась к рукописи. Впрочем, она и сама не знала, зачем читает. Наверное, только потому, что пообещала. Она уже знала, что ни один редактор в городе не возьмет эту чушь без серьезной доработки.

После четвертого звонка включился автоответчик. Это была его работа.

– Вы дозвонились до домашнего офиса Франчески Кавалларо. Оставьте сообщение или попробуйте позвонить по моему городскому номеру, – посоветовал он и запищал в ухо звонившему.

– Франческа? – послышался женский голос, срывающийся от волнения. Она не узнала этот голос, даже когда он продолжил: – Ох... ох, господи. – Однако она подняла голову и снова взглянула на автоответчик. Последовала долгая пауза, затем: – Это Эмили Рэнделл. Томас, в общем, он в больнице. В коме, и... Мне просто нужно было поговорить с кем-нибудь, кому он не чужой.

Она бросилась к телефону, схватила трубку и сказала:

– Эмили? Эмили? Алло! Но Эмили уже отключилась.

Франческа повесила трубку, и под ложечкой у нее тошнотворно засосало. Она посмотрела на часы, подумала, что надо бы перезвонить, и только потом сообразила, что понятия не имеет, куда звонить. Наверное, в ту больницу, где лежит Натан... как же она называется?

– Ох, черт, Томас, – прошептала она и провела ладонью по лбу.

Завтрашний день обещал стать очень долгим.

Когда Томас вновь пришел в сознание, еще только смеркалось, но он едва различал небо сквозь переплетение веток над головой. Ему пришлось пригнуться, чтобы пройти по тропинке, которая расстилалась перед ним. С обеих сторон к ней подступали заросли

колючих кустов, и он в нескольких местах порвал рубаху. Колючки царапали лицо и голову, и он пригнулся еще ниже.

И тут он понял.

Понял, где находится.

Все прошлые разы, когда он оказывался здесь, он был достаточно мал ростом, чтобы беспрепятственно пройти здесь. Тропка-царапка. Даже будучи взрослым, когда он оказывался здесь, он снова становился мальчишкой. Тем самым Мальчиком.

Все было совсем по-иному. Воздух на коже, окружающая его ночь – все казалось таким нереальным. Не так, как во сне, а как бывало несколько раз в колледже, когда он ночами напролет сидел над учебниками, бодрствуя, когда все остальные спали, и мир прекращал вращаться для всех, кроме него и того, что рыскало во мраке. В те длинные ночи даже самый воздух был другим. Все становилось не сюрреалистичным, а гиперреалистичным.

У него было такое чувство, будто он снова стал девятилетним, и все казалось внове, и все было опасным и невероятным. Это было приключение.

Но это приключение было не для него. Единственное, что сейчас имело значение, это Натан.

Поэтому, когда Томас выбрался с тропки-царапки и ступил на утопанную землю Путаного пути, вокруг которого во все стороны простирался Обманный лес, у него совсем не было ощущения, будто он очутился в незнакомом и пугающем месте. Скорее Томас Рэнделл чувствовал, как будто он вернулся домой, в края, где играл мальчишкой, и обнаружил, что на дереве до сих пор сохранились его вырезанные инициалы и никто не тронул их древесную крепость, которую они с Лени Левенсоном построили, когда им было по одиннадцать.

Он вернулся в воображаемый мир своего детства. Мир, который был ему родным и похитил его сына.

Он развернулся и зашагал по Путаному пути на север, не имея твердой уверенности, откуда начать, хотя и с такой верой в свои силы, какой он и вообразить не мог. И тут же застыл при виде маленькой хижины Ворчуна из камня и дерева с соломенной крышей и озера за ней.

Хижина сгорела дотла, и пепелище еще дымилось. Каменные стены обвалились, и лишь маленькая печная труба возвышалась над пожарищем, как полагается.

За ней чернело стоячее озеро, и на застывшей глади воды серебристыми брюшками вверх плавала дохлая рыба.

Под рыжими звездами Обманного леса Томас Рэнделл ощутил, как его воображение разваливается на куски, тоска по прошлому обращается в тошноту, ощущение силы и уверенности переходит в отчаяние.

Он оглядел Путаный путь к северу. Потом к югу. И понял, что понятия не имеет, с чего начать, потому что очутился в мире, который должен был быть почти частью его самого, но вместо этого стал почти чужой территорией, где друзья были врагами и где убивали невинных, где воображаемые друзья из его снов жаждали его крови и крови его ребенка.

Помертвевший, растерянный, Томас Рэнделл выкрикнул имя сына, но не получил никакого ответа.

Неудобно примостив голову на спинку кровати, Джо Хэйес боролся с дремотой. В его захлавленной спальне было темно, он лежал под узким бледно-голубым одеялом и смотрел на черно-белые кадры, мелькающие на экране. Ему давным-давно следовало бы спать – без десяти девять утра у него начинался первый урок, но он включил «Эй-эм-си», наткнулся на марафон фильмов о Шерлоке Холмсе с Бэзилем Ратбоуном и засмотрелся.

В бледном свете телеэкрана – черно-белый фильм лишил комнату всех красок, как будто собственный мир Джо засосало в мир Голливуда тридцатых, – он наконец-то поддался непрекращающимся требованиям своего организма. Его веки дрогнули в последний раз, и он отключился, лежа все в том же неудобном положении, которое неминуемо должно было аукнуться ему утром затекшей шеей.

На экране Ратбоун и Найджел Брюс продолжали бубнить. Загавкала собака Баскервилей. Кто-то где-то постучал в деревянную дверь. Потом забарабанил. Громко.

Джо вздрогнул во сне. Где бы сейчас ни находилось его уснувшее сознание, части подсознания этот шум досаждал. Надо было выключить телевизор и устроиться в постели поудобнее. Какая-то часть его помнила об этом, и он глубже забрался под узкое одеяло и повернулся на бок, слившись в страстном объятии с двумя подушками под головой.

Спать.

Ватсон, Лестрейд или еще кто-то снова забарабанил в дверь.

Холмс позвонил в звонок.

Глаза Джо распахнулись.

Звонок раздался снова, и он бросил взгляд на будильник, уже страшась того, что обнаружит, открыв дверь. Шел третий час ночи. Когда кто-то стучится в твою дверь посреди ночи, рассудил он, это не к добру. Он натянул темно-зеленые спортивные шорты и поспешно вышел в прихожую.

Его квартира располагалась над антикварной лавкой Трахтенберга, на круто уходящей в гору Мэйн-стрит, которая вела к Гудзону. Чтобы въехать в эту гору на велосипеде, приходилось крутить педали как проклятому, но Джо влюбился в эту квартиру с первого взгляда. Антикварная лавка находилась на первом этаже, а Джо занимал два верхних. На втором этаже у него были гостиная, столовая и кухня, просторные, с превосходно отреставрированными деревянными частями обстановки. На верхнем этаже располагались две спальни и ванная, а также просторная кладовка, которая появилась после последнего ремонта.

Квартирка идеально подходила для холостяка. Более чем идеально, и, пожалуй, обходилась ему дороже, чем следовало бы тратить на квартиру всего для одного человека. Но из второй спальни вышел отличный кабинет, и у него еще осталась уйма места для гостей.

С тех пор как он познакомился с Эмили, гости у него бывали нечасто.

Еще полусонный, Джо неуклюже спустился по лестнице к входной двери в квартиру, и только тогда начал понемногу просыпаться. Мысли об Эмили изгнали из его сознания последние остатки сна, и когда, открыв дверь, он увидел на пороге ее, то ничуть не удивился.

Начался дождь. На Эмили были бордовые шорты и темно-зеленая футболка, она, похоже, натянула их не задумываясь. Ее светлые волосы вымокли от дождя, несколько прядей прилипли к левой щеке. С кончика носа свисала крошечная капелька дождевой воды.

Джо открыл было рот и поднял руку – втянуть ее в квартиру. Как будто это был тот самый ответ, которого она ожидала, Эмили точно упала в его объятия, перешагнула порог и рухнула в его руки.

– Я пыталась заснуть, – сказала она; ее голос срывался от выплаканных и невыплаканных слез. – Я не знала, куда еще пойти. Я... я не хочу быть одна. Прости.

– Тише, – прошептал Джо ей на ухо и убрал мокрые волосы с ее лица.

Он поцеловал ее в макушку и прижал к себе, силой своих рук, широтой своей груди давая ей теплоту и надежность, безопасную гавань, которую она явно так отчаянно искала.

Придерживая Эмили за левое плечо, Джо потянулся и закрыл дверь, оставляя за порогом ночь и дождь. Он повернул замок, щелкнул засовом и снова обхватил Эмили, крепко обнял ее, потом чуть отступил назад и встретился с ее молящими глазами.

– Идем наверх, – сказал он и легонько подтолкнул ее к лестнице. Она тяжело зашагала по ступеням, как будто едва держалась на ногах, и он опасался, что так оно и есть.

В гостиной он уселся рядом с ней, погладил ее по щеке и задал вопрос.

– Что случилось?

Эмили заговорила; ее душили рыдания, она то и дело принималась мотать головой в отчаянии, точно отказывалась принимать очевидное. Ее руки бешено жестикулировали, как будто она бросала свою судьбу на волю ветров. В каком-то смысле так оно и было. У Джо разрывалось сердце, когда он слушал ее рассказ о том, как она обнаружила Томаса, о чувствах, которые раздирали ее, и о том, что ее бывший муж сейчас лежит в больничной палате, всего несколькими этажами отделенной от палаты их сына.

Она помолчала. Ее покрасневшие мокрые глаза искали его взгляд.

– Я... я не хотела приходить сюда, – призналась она. – Не была уверена, что ты поймешь. Извини, если я...

– Хватит уже извиняться, – перебил ее он и сочувственно улыбнулся. – Это мне надо извиняться. Извиняться за то, что не проявил того понимания, какое мог бы. Если бы я вел себя более по-взрослому, может быть, ты с самого начала пришла бы сюда, вместо того чтобы ехать спать домой.

Эмили закатила глаза.

– Я не могу спать. Не могу в том доме. Слишком много призраков.

Внезапно ее глаза расширились, и на лице промелькнуло выражение ужаса.

– Я не то имела в виду, – проговорила она быстро. – То есть не призраки, а...

Потрясенный ее отчаянием, Джо снова привлек ее к себе и крепко обнял. Эмили умолкла на полуслове и не договорила. Так, на диване, молча обнявшись, они сидели почти двадцать минут.

– Единственное, что тебе сейчас остается, это положиться на врачей, – сказал Джо, но слова показались неискренними даже ему самому. – Это их работа. Ты не виновата в том, что у Томаса случился психоз, и ты ничего не могла сделать, чтобы остановить его.

Эмили встретилась с ним глазами, решительно кивнула и еле заметно улыбнулась.

– Я хочу поехать в больницу завтра рано утром. Надо поговорить с врачами Натана, и Томаса тоже. Кроме того, мне...

– Тебе нужно еще позвонить своему адвокату, – закончил за нее Джо.

Как будто вся ее решимость была тонкой маской, при этих словах лицо Эмили потухло. Она кивнула, и в тот же миг на глазах у нее снова выступили слезы, покатались по щекам.

– Мне не хочется этого делать, но он... пока я не буду уверена, что он здоров, я не могу

связывать себя его видами на Натана. Я... сейчас я нужна Натану как никогда. От его папаши ему вообще никакого толку!

Последнее предложение она произнесла с таким жаром, что Джо даже захлопал глазами, потом увидел в ее лице боль и все понял.

С точки зрения Эмили Томас бросил ее в трудную минуту, переложил на нее всю ответственность за Натана, а теперь еще и за себя самого.

– У Томаса есть какие-нибудь родные, которым нужно позвонить? – спросил Джо.

Эмили кивнула, утерла глаза.

– У него сестра в Калифорнии, Триша. Я ей звонила. Но у нее своя семья. Если Томасу не грозит никакая непосредственная опасность...

– Да уж, хорошая сестра, – негромко сказал Джо.

– Они никогда не были особенно близки, – сказала Эмили, как будто это все объясняло. Потом содрогнулась. – Не знаю, справлюсь ли я с этим.

– Справишься. Ты сможешь. Просто делай, что должна, – заверил ее Джо. – А я буду во всем тебя поддерживать.

Он снова поцеловал ее в волосы, и на этот раз Эмили подняла к нему лицо, и их губы встретились. В этом поцелуе были любовь и нежность, но еще и какое-то странное чувство облегчения. Он поможет ей преодолеть все это. Так или иначе.

Они вместе пошли по лестнице в спальню. Оказавшись на площадке, они повернули в его комнату, освещенную лишь слабым светом телеэкрана. Эмили расстегнула пуговицу на своих шортах, спустила их по ногам до самых лодыжек и переступила через них. В дрожащем свете она казалась сотканной из эфира, богиней, сошедшей с серебряного экрана в трехмерную реальность.

Но потом она обвила руками свое тело, обняла себя, и чары рассеялись. Иллюзий не осталось. Одна лишь боль.

– Я просто... просто хочу спать рядом с тобой, Джо. Просто спать в твоих объятиях. Это ничего?

Он протянул ей руку.

– Как может быть иначе? – спросил он.

Они забрались в постель, и она свернулась калачиком в его объятиях, спиной к нему. Он положил на нее ногу, накрыл рукой ее живот и в таком положении снова задремал.

Когда вскоре он проснулся снова, то почувствовал ее руку на своем теле, она успела привести его в состояние возбуждения еще до того, как он окончательно пробудился. Всего на миг перед ним мелькнуло ее лицо, боль и отчаяние на нем, и он открыл было рот, чтобы заговорить, но она заставила его умолкнуть жадным и страстным поцелуем. Горячечным. Лихорадочным.

Она целовала его в шею и шептала.

– Я совсем запуталась, – призналась она. – Я больше не знаю, кто я и кем должна быть. Что я должна чувствовать и кого должна любить.

И снова он попытался заговорить, но умолк, когда она взяла его руку и положила ее на свое обнаженное бедро, привлекая его к себе.

– Это не пройдет, Джо, – сказала она с уверенностью. – Скоро не пройдет. Мне просто...

Она запрокинула голову и посмотрела ему в глаза, и он увидел, что ее слова – правда.

Она запуталась.

– Мне просто нужно знать, хотя бы сегодня ночью, кто я. Где я. Найди меня. Напомни мне об Эмили.

Он взял ее, медленно, ласково и нежно, и сделал вид, будто не замечает ее слез. Когда Эмили заснула, Джо лежал без сна, смотрел на нее, гладил по голове и влюблялся все сильнее.

Эхо Томасова крика еще не заглохло до конца, когда он услышал на самой обочине тропинки тонкое дзеньканье колокольчика. Он стремительно обернулся, глядя на обгоревшие останки того, что когда-то было хижинкой Ворчуна. Те немногочисленные бревна, которые остались на земле, покособились и обуглились, и даже кирпичи почернели от огня.

За печной трубой что-то шевельнулось, и глаза Томаса расширились, когда звон колокольчика повторился.

Он изумленно прищурился. Потом, едва веря тому, что говорит это, он открыл рот и придушенным голосом позвал:

– Тилибом, выходи.

Где-то в глубине души Томас знал, что произойдет дальше. Но взрослый мужчина, которым он был, существо, занявшее место того мальчика, который впервые появился в Обманном лесу столько лет назад... этот мужчина просто стоял и смотрел. Во все глаза, чуть приоткрыв рот, смотрел, как из-за трубы выступил похожий на колокольчик крохотный человечек. Он был лысый, а кожа его отливала светло-голубым, нежная, как тонкий фарфор. Бледно-лиловая полоса шла вокруг его тела примерно на уровне груди, а другая – чуть повыше того места, где начинались ноги. Он слегка сутулился, почти как горбун, и, хотя грудь и живот у него были довольно плоскими, спина выпячивалась наружу, как у светляка или осы. А когда он двинулся к Томасу, язычок внутри – сердце любого колокола – шумно и радостно заколотил из стороны в сторону.

– Тилибом? – прошептал Томас; голова у него шла кругом.

Обманный лес существовал наяву, разумеется. Он всегда знал это, с самого первого своего путешествия. Но знание со временем тускнеет, как раны исцеляются. Он жил с этим знанием и истиной, которую держал при себе – чтобы его не сочли за сумасшедшего, – так долго, что бывали недели, быть может, даже целые месяцы, когда эта истина ускользала от него. Периоды, когда существование реальности Обманного леса просто вылетало у него из головы. В конце концов он совершенно позабыл об этом.

Мальчишкой он с полной уверенностью знал, что Санта-Клаус существует. И эльфы тоже. Вампиры. Вечная любовь. Все это он принимал на веру, пока эта вера не пошатнулась. Но ничего этого он никогда не видел. Обманный лес – совсем другое дело. Он бывал там. Видел его. Вдыхал его запах. Прикасался к нему. С ним расстаться было не так просто, как с мифами детства. И все же со временем даже реальность может затуманиться так, что будет вспоминаться лишь как сон.

Томас поморгал. С изумлением в глазах и в сердце он смотрел на Тилибома и против своей воли расплывался в улыбке.

На голубом лице колокольчика отразилось неподдельное блаженство.

– Наш Мальчик! – воскликнул он. – Это правда! Это действительно правда! Ты вернулся!

Мистер Тилибом потрусил к нему, из стороны в сторону колыхая колокольчиком, звон разнесся по всему Путаному пути, и Томас вдруг испугался. Не самого Тилибома – всего Обманного леса. Да, он не бывал здесь – по-настоящему, не просто во сне, – с самого детства. Но это был не тот Обманный лес, который он помнил. И это совершенно определенно был не тот Обманный лес, который он «создал» в своих книгах.

Он смотрел на счастливого маленького человечка. Томасу хотелось бы, чтобы его сердце пело от такой же радости, радости воссоединения с той частью его, которая осталась так далеко в прошлом. Даже в многочисленных снах, которые приснились ему за долгие годы, все те разы, когда он бывал в Обманном лесу, во сне или наяву, он никогда не казался Томасу столь реальным. Только в тот самый первый раз.

Он смотрел на Тилибома и припоминал, что, когда Натан впервые начал делать свои безумные заявления, высказывать страхи относительно Обманного леса, он сказал, что Ворчун с Султанчиком убили Дичка, его воображаемого друга.

Впервые с тех пор, как разразилось все это безумие, ему пришло в голову, что, возможно, так оно и было. Страх и ярость всколыхнулись в душе Томаса Рэнделла, и теперь его чувства, казалось, пришли в смятение. В этом месте нигде нет безопасности. Больше нигде. Ничему нельзя доверять.

Мистер Тилибом добрался до Томаса и вскинул ручки, как ребенок, ждущий, что его поднимут высоко в воздух и начнут подкидывать вверх, как будто он летает. Томас лишь смотрел на него.

Улыбка медленно сползла с бледно-голубого лица Тилибома.

– Где мой мальчик? – подозрительно спросил Томас – Где Натан?

– Мы можем помочь тебе найти его, – сказал Тилибом и энергично закивал, отчего язычок заколотился в такт его движениям. – Идем, Наш Мальчик, у нас мало времени.

Казалось, Тилибом погрузился, но радовался, что может быть полезным. Томас не верил этому, вернее, не мог поверить. Он протянул руку, схватил Тилибома за то место, которое можно было назвать шейей, и оторвал его от земли. Крошечные ручки Тилибома слабо замолотили по пальцам Томаса.

– Наш Мальчик! – в ужасе вскрикнул колокольчик. – Ты... ты не можешь обидеть нас!

– Еще как могу! – отрезал Томас.

Сердце у него разрывалось. Он не представлял, как может сделать такое, да еще с существом, которое всегда считал таким добрым, таким ласковым.

– Я не могу тебе верить! – крикнул Томас – Я никому из вас не могу верить. Я просто хочу вернуть Натана, и это все, что имеет значение.

Тилибом обмяк в руках Томаса, уязвленный его словами.

– Ты хочешь сказать, что *мы* не имеем значения. Мы, позабытые, не имеем значения.

Наступила долгая тишина, и Томас начал казаться себе ужасным мерзавцем от того, как он обошелся с Тилибомом. Пока колокольчик не поднял на него полные ярости глаза.

– Наверное, шакал Фонарь был прав, Наш Мальчик, – процедил Тилибом. – Это все из-за тебя. Ты все испортил и бросил нас здесь. Теперь все разрушено, потому что ты просто не обращал на нас внимания. Но за своим ребенком ты пришел, так ведь? Наверное, Фонарь был прав.

Последние слова он произнес слабым и грустным голосом, и вся ярость схлынула из его взгляда, сменилась ужасной, тягостной грустью. Крохотные синие и золотые крапинки в его синих глазах начали краснеть, и Томас решил, что Тилибом вот-вот заплачет. Губы у него

задрожали, глаза забегали, как будто он согласен был смотреть куда угодно, только не на Томаса.

Он поставил маленького человечка на землю. Опустился перед ним на колени прямо на пыльную тропинку, молчаливо моля о прощении.

– Прости, Тилибом, – сказал он со всей добротой, на какую был способен. – Просто... я должен найти Натана. Пожалуйста, я просто хочу, чтобы он вернулся домой целым и невредимым. Потом... если я виноват в том, что здесь произошло, даю слово, я сделаю все возможное, чтобы все исправить.

Тилибом всем телом заколыхался от возбуждения, почти как пес, стряхивающий с себя воду. Его улыбка была широкой и заразной, тельце зазвонило так счастливо, как Томас никогда еще не слышал.

– Наш Мальчик! Наш Мальчик! Ты действительно вернулся! Я знаю, что у тебя получится, я знаю, что получится! Ты все исправишь! Конечно же, мы будем помогать тебе, и когда твой ребенок вернется в другое место, ты останешься здесь, с нами. И Обманный лес снова станет безопасным и прекрасным.

На какое-то мгновение Томас усомнился в здравом рассудке Тилибома и потому не стал разубеждать маленького человечка в его видении будущего. Все, что сейчас имело значение, – спасти Натана.

Тогда он сделает все, что сможет, чтобы спасти Обманный лес, что бы для этого ни потребовалось.

Он отвернулся от сияющего Тилибома и снова посмотрел в другую сторону от тропинки. Сожженная хижина, озеро и Путаный путь, ведущий в удивительный мир за ними. Пока он толковал с Тилибомом, стемнело и наступила настоящая ночь. Рыжие звезды уже мерцали над головой, и Томас почувствовал, что устал. Он нуждался в отдыхе.

Но он пока не станет отдыхать. И еще некоторое время. Только когда иначе будет совсем никак.

Он нахмурился и снова повернулся к Тилибому.

– А где все остальные? – спросил он и тут же понял, что пока еще не выведал у Тилибома ровным счетом ничего, кроме факта, что шакал Фонарь находится в рядах его недругов.

– Остальные? – спросил Тилибом.

Потом он затрясся, как будто его зазнобило от холода. Но в лесу было тепло.

– Тилибом? – настаивал Томас.

Но Тилибом не отвечал. Он дрожал, глядя в усеянное оранжевыми звездами небо, и у Томаса вдруг промелькнула нелепая мысль, что маленького человечка как будто бьет током. Очень уж странно он стоял, почти застывший, дрожащий.

За спиной у Томаса раздался негромкий рык. Потом слова:

– Он все время такой, как деревня сгорела. Смычок хотел бросить его, но я не позволил.

Томас обернулся и поднял глаза, все выше, выше и выше, пока не уставился на морду и крошечные кроткие глазки гризли Брауни. У него были огромные лапы, а зубы походили на кинжалы, но Томас совсем не испугался. В одно мгновение он поверил Брауни. Пожалуй, подумал он, его беспокойство за Тилибома связано с сомнением в здравом рассудке человечка. И в его собственном Брауни – совсем другое дело.

В точности так же, как когда ему было восемь лет, Томас нырнул в мягкие влажно-мохнатые объятия гризли и ощутил себя в безопасности. Он прошептал медвежье имя, и

Брауни похлопал его по спине, как делал всегда в прошлом, всегда, когда Томас плакал по ночам.

– Наш Мальчик, – прошептал Брауни. – Мы найдем Натана. Ты здесь не один. Ты удивишься, когда узнаешь, кто встал на твою сторону.

Это заставило Томаса на миг заколебаться. Он ощутил, как медвежьи лапы крепче сомкнулись вокруг него, и слегка задохнулся. Потом он отстранился от гризли, взглянул снизу вверх на него, затем снова на безумный маленький колокольчик, и тогда Томас Рэнделл кивнул.

Он в Обманном лесу. У них его сын, его Натан, но он здесь не беспомощен. Обманный лес на самом деле не его творение, но этот Обманный лес... Этот Обманный лес он создал сам. Все, что Томас сделал, лепило его, ваяло его. Воспоминания Томаса изменили его, слова Томаса определили это. Да и брошенный на произвол судьбы, он начал погружаться обратно в хаос, возвращаться к своим собственным законам, к своим собственным понятиям.

Но он знает это место. И знает о нем все. В этом его сила, и Томас был исполнен решимости пустить эту силу в ход против шакала Фонаря. Она ему понадобится.

– Лесные стражи, – произнес он хмуро. – На чьей они стороне?

Брауни издал негромкий рык. Тилибом по-настоящему хихикнул, и его язычок дважды звякнул.

– Стражи не поддержали ни одну из сторон, насколько мне известно, – сказал Брауни неодобрительным тоном.

– Нет. Толстосук пришел ко мне, в моем собственном мире и предупредил меня, – признался Томас. – Если их командир принял мою сторону, все стражи должны сделать то же самое.

– А вдруг они откажутся? – спросил Тилибом, тревожно хмурясь.

– Тогда я сожгу их, – ответил Томас Гризли и по-настоящему поежился.

Томас развернулся и зашагал к югу, и двое других поспешили за ним.

– Думаю, тащить Тилибома мимо того, что осталось от его деревни, – не самая хорошая идея, – негромко сказал Брауни, глядя на маленького человечка, который с радостным звоном семенил по тропинке у них под ногами.

– Мы не зайдем так далеко, – отозвался Томас. Медведь внимательно посмотрел на него, но Томас больше ничего не сказал.

Огонь был голубой.

Это стало первым, что натолкнуло генерала Арахисовое Масло на мысль: что-то не так. Со Смычком на плече генерал неумоимо шагал по самой старой части леса. Деревья здесь отстояли чуть подалее друг от друга и были много выше и толще, чем в остальных местах. За некоторыми могли бы спрятаться четыре человека, стоящие плечом к плечу, а где они заканчивались, не мог разглядеть даже генерал, несмотря на свет рыжих звезд.

Они двигались по большей части в молчании, эта странная пара путников. То небольшое, что было у них общего, происходило из беспокойства о мальчике Натане и о самом Обманном лесу. И их путешествие. Одно лишь путешествие имело значение. Оно да еще кровь, которая должна была пролиться в его конце.

Животный мир здесь был скудным, не считая разнообразных ночных птиц и стычки с лисом Тротом^[14]. Хотя генерал и лис Трот не раз сообща расстраивали планы Мальчика и тех, кто жил в лесу неподалеку от хижины Ворчуна, генерал никогда не доверял ему. Как не

доверял рыжехвостому и сейчас.

И все же лис Трот не был другом Фонаря и не стал бы делать ничего, что не сулило бы ему прямой выгоды. Генерал был уверен: и в теперешнем противостоянии можно рассчитывать на то, что хитрый зверь не станет ни во что влезать. По правде говоря, он подозревал: увидев их в лесу и смекнув, что, вероятно, грядет битва, лис Трот скроется где-нибудь до конца худших времен.

Умный и проказливый, лис при всем при том был трусом.

После этой короткой встречи они продолжили свой путь и не наткнулись больше ни на кого. Апельсиновые вопильщики помалкивали, как приказал им генерал, и шныряли между деревьями по обеим сторонам от тропинки. Вскоре они стали попадаться на глаза генералу так редко, что он почти забыл об их присутствии.

Настала ночь. Темнота переползала от дерева к дереву, от ветки к ветке, и тишина окутала Обманный лес. Лис Трот, казалось, был не единственным, кто спрятался.

– Смычок? – спросил генерал, впервые за час нарушая молчание. – Почему ты это делаешь?

Дракон заволновался, заколыхал своими музыкальными крылышками впервые за долгое-долгое время, и генералу снова пришлось на него шикнуть. Но Смычок вытянул длинную чешуйчатую шею и заглянул в затянутые нитями арахисового масла глаза генерала.

– Что ты имеешь в виду? – спросил дракончик.

Генерал кивнул, сообразив, как невразумительно он задал вопрос.

– Если Фонарь схватит тебя – или, если уж на то пошло, до тебя доберутся Долгозуб или Скалоголовый, – они убьют тебя, мой оранжевобрюхий друг. Ты это понимаешь? Что умрешь?

Головка Смычка опустилась совсем низко, и он взглянул на генерала сквозь щелочки глаз, всего несколькими дюймами отделенные от генеральского лица. Он фыркнул, и из его ноздрей вырвалось пламя, опалило генералу нос.

– Мои родители умерли, да? – спросил дракон.

При этих словах генерал Арахисовое Масло вскинул брови, хотя ни один из тех, кто увидел бы его, не опознал бы его выражение. С таким-то покрытием Он ответил дракону таким же взглядом. В голове у него крутилось множество вопросов, но вместо того, чтобы задать хоть один из них, он просто медленно кивнул и сказал:

– Да, конечно.

– Любовь, – проговорил Смычок мгновение спустя. – Я здесь ради любви Нашего Мальчика, и его сына тоже, и Обманного леса. Никакие другие причины в голову мне не приходят.

Дракон наклонился так близко, что жар, пышущий из его ноздрей, казалось, плавил арахисовое масло на носу генерала.

– Что бы мне хотелось узнать, генерал, так это почему *ты* здесь?

– У меня нет выбора, – отозвался генерал. – Что, полагаю, делает честь твоей отваге.

Он долго и пристально смотрел на дракона, прежде чем отвести глаза, как будто показывая, что его следующий вопрос не значит ровным счетом ничего.

Но генерал Арахисовое Масло был не из тех, кто любит пустую болтовню.

– Позволь мне задать тебе вот какой вопрос, Смычок, – начал он. – Ты помнишь времена до моего появления? Времена, когда генерала Арахисовое Масло не было?

– Ты задаешь ужасно странные вопросы, – ответил дракончик.

После этого оба снова погрузились в молчание. Даже в лесу было тихо. Они шли между деревьев. Временами казалось, будто они выбрались на тропинку, но вскоре оказывалось, что это не больше чем неровности рельефа.

Однажды они набрали на крошечный ручеек, видимо, приток реки Вверх, поскольку он тек вверх по крутому склону ущелья, а потом исчезал в лесу.

Чуть спустя показался огонь. Голубой мерцающий свет, который отбрасывал между деревьев призрачные тени. А в листве у них над головами, повсюду в лесу началось какое-то шевеление, и генерал не думал, чтобы это были апельсиновые вопильщики. Затрепетали крылья, как будто рой мотыльков кружился вокруг паяльной лампы. Зашелестела листва. Генерал почувствовал, как Смычок затоптался у него на плече, и яростно шикнул на него, чтобы сидел тихо.

Впереди, ярдах в восьми от них, лес расступался и образовывал поляну. Огонь полыхал на ней, бело-голубой, потрескивающий от неутолимого голода. За поляной, в дальнем ее конце, стояло дерево, такое высокое, какого генерал Арахисовое Масло никогда еще видел. Но он всего однажды бывал в этой части Обманного леса и ни разу – на этой поляне.

Это надо было исправить.

– Огонь, – внезапно прошептал Смычок, указывая худой лапкой на круг. – Это камни. Они жгут камни.

Генерал увидел, что это так. Тот, кто разбил здесь лагерь, посреди леса развел себе костер из камней. Каким образом это было сделано, генерал не знал. Но он не сомневался, что это сделать возможно, поскольку видел результат своими собственными глазами.

– Мы должны повернуть назад, – предложил дракончик.

Краешком глаза генерал заметил, как Смычок изогнул шею, и почувствовал, как он весь напрягся, готовясь упорхнуть. Генерал спокойно положил правую руку на рукоять меча и, не оборачиваясь, сказал дракону:

– Мы идем вперед. Это единственная дорога. Если ты попытаешься бежать, я сам вырежу твое пылающее сердце.

Смычок ничего ему не ответил. С драконом на плече генерал осторожно приблизился к поляне. С хлопаньем крыльев что-то вспорхнуло с ветвей деревьев и метнулось генералу в лицо. Он пригнулся, вскинул руку, чтобы защититься, и еще несколько тварей появились и мгновенно бросились на него.

– Назад! – рявкнул генерал и бросился в бой. Он задел что-то и услышал, как оно с треском пролетело сквозь листву и грохнулось на лесной ковер.

Еще одно существо полетело на него, и теперь генерал ясно разглядел его. Он разглядел, а Смычок назвал.

– Древесные нимфы! – прорычал дракон. Так оно и было. Крохотные сказочные существа, чьи тельца состояли из дерева и коры, а крылья – из листьев. Лица у них были свирепые, в глазах горели злые огоньки.

Многие из них были покрыты какой-то оранжевой массой, и ее запах ударил им в нос. Глаза генерала расширились от ужаса. Эти существа крались за ними, окружили их с боков и бесшумно умертвили апельсиновых вопильщиков. Ни один из них даже не вскрикнул.

– Генерал, ты чувствуешь?.. – начал Смычок.

– Они все мертвы, – угрюмо отозвался генерал.

Из ноздрей дракона полыхнуло пламя. Древесные нимфы тучей окружили их, и генерал вязким рывком вытащил меч из ножен. Арахисовое масло отстало от блистающего лезвия, и

он взмахнул им перед собой. Клинок зазвенел, рассекая дерево. Арахисовое масло у него на плече расступилось, как он и обещал, и Смычок взвился в воздух, музыка его крылышек звенела в темноте, переливаясь в такт мерцанию голубого пламени впереди.

Генерал Арахисовое Масло обернулся навстречу очередному нападавшему, отскочил назад, инстинктивно разыскивая более просторный пяточок, чтобы защищаться. И очутился на поляне.

Древесные нимфы не последовали за ним.

Они повисли в воздухе перед самой поляной, и красные сердитые огоньки вспыхнули в их глазах, а потом они развернулись и присоединились к товарищам, которые осаждали Смычка.

– Дракон, ко мне! – крикнул Генерал. – Они боятся этой прогалины!

Дракон мгновенно сорвался с места. Он слышал генерала и под перезвон колокольчиков бросился сквозь листву. Несколько древесных нимф уцепились за его крылышки, но он стряхнул их, прежде чем вылететь на поляну. Несколько секунд спустя он приземлился неподалеку от ног генерала Арахисовое Масло.

В десяти футах от горящих камней.

Древесные нимфы неподвижно висели в воздухе вокруг поляны. Судя по всему, они оказались в ловушке.

– Злобные твари, – заметил генерал.

– Ужасно, – согласился Смычок. – Но я хотел бы узнать, что такого страшного для таких жутких созданий может скрываться на этой поляне?

Тут они переглянулись, солдат и дракон, и генерал ощутил, как его охватывает зловещий трепет. Он снова взглянул на горящие камни, потом на исполинское дерево на другом конце поляны. Смычок тоже обернулся и уставился на дерево.

– Это она, верно? – спросил дракон.

– Надо полагать, – ответил генерал.

Они вдвоем медленно пересекли поляну и приблизились к исполинскому дереву. Бросив последний взгляд на дракона, генерал опустился на колени на землю перед ним.

– Королева леса, – сказал он негромко, с глубоким и искренним почтением. – Пожалуйста, услышь наши молящие голоса. Мальчик попал в беду, угодил в плен к шакалу Фонарю. Но он не простой мальчик. И если он погибнет, весь Обманый лес может погибнуть вместе с ним.

Как будто рассчитывая на отклик, генерал поднял глаза на недвижимое, бесстрастное дерево. Смычок сбоку от него, похоже, тоже смотрел на него в ожидании ответа. Когда прошло несколько минут и генералу надоело выставлять себя на посмешище, он поднялся с колен.

– Ты всегда молишься деревьям? – поинтересовался чей-то голос.

Очень женственный голос, совершенно не такой, каким, по мнению генерала, должно было обладать дерево. Он поднял глаза туда, откуда, как ему казалось, исходил голос, и пожалуиста – она была там.

На самом толстом из нижних сучьев сидела молодая женщина и болтала ногами. Она была обнажена, хотя такое состояние, подумалось Генералу, казалось вполне разумным, если принять во внимание, что она целиком состоит из дерева. В тот миг, когда он встретился взглядом с ее поразительными белыми глазами, сияющими, словно звезды, если бы только звезды были белыми, генерал понял, что она еще не покончила с ними.

Слегка оттолкнувшись, Королева леса спрыгнула с дерева на утопанную поляну. Теперь в мерцающих отсветах огня он видел ее более ясно. По спине ее сбегали длинные ивовые лозы, и у него сложилось отчетливое впечатление, что это волосы. Кожу ее покрывала нежная кора, молодая и безупречная, с завитками и сучками, которые сами по себе выглядели соблазнительно. Ее лицо слегка отливало зеленью, как будто была весна.

Она показалась ему настоящей красавицей.

– А знаете, вы совершили святотатство, придя сюда, – сказала она довольно любезно. – Одного того, что вы ступили на эту поляну, хватило бы, чтобы подписать вам смертный приговор. Но еще больше вы оскорбили меня своим рассказом о том, что маленький мальчик попал в беду. Мальчик, чья жизнь поставила под угрозу сам лес.

Изящные пальцы-прутики повторили соблазнительные очертания ее тела, а потом начали расти и шевелиться. Теперь они заострились. Ивовый лозняк, который он посчитал просто волосами, начал раскачиваться. Все ее тело пошло толстыми шипами, как будто нарывами.

– В этом лесу ничто не происходит без моего ведома. Мне все равно, ждет ли Фонаря успех или провал. Но непочтительности я не потерплю, – заявила Королева леса.

– Ты спятила, – сказал ей Смычок, чьи крылышки уже играли тревожную негармоничную мелодию. – Если шакала не остановить, мы можем потерять все. Мы можем просто исчезнуть!

– Я Королева леса! – провозгласила она – Я никогда не исчезну. Но вы... вы оба умрете за нанесенное мне оскорбление.

Продолжая покрываться толстыми шипами она двинулась на генерала. Он крепче сжал свой меч, за пределами круга возбужденно защебетали древесные нимфы.

– За Натана! – себе под нос прошептал генерал. Но даже сквозь музыку Смычок услышал его.

– За Натана, – повторил дракон. – За Обманный лес.

В четверг утром Эмили проснулась еще затемно и, как ни старалась, не смогла заснуть снова. Она никогда еще не ночевала у Джо, и новизна ощущений, странная свобода оттого, что не нужно ни перед кем отчитываться, лишь заставила ее с большим отчаянием думать о Натане и Томасе.

С другой стороны, она смотрела, как Джо спит. Как легко вздымается и опадает его грудь, как двигаются глаза под закрытыми веками. Ему что-то снилось.

– Пусть тебе приснюсь я, – прошептала она и поцеловала его веки, прежде чем накинуть толстый махровый халат Джо и спуститься в кухню.

Она сварила кофе, очень крепкий, и добавила в него самую капельку молока. За окнами было еще темно, но на горизонте трепетало что-то вроде предчувствия света, и небо стало каким-то сюрреалистически двухмерным, и это завораживало ее. Побродив по его гостиной, проглядев названия на коробках его коллекции лазерных дисков и просмотрев корешки книг на высоком стеллаже, она решила подняться наверх и забраться в постель, к Джо.

Под халатом на ней ничего не было. Если он проснется, тем лучше. Если нет, она с не меньшим удовольствием пристроится рядышком с ним, насладится его теплом. Может быть, даже после кофе у нее получится заснуть снова.

Она вернулась в спальню, скинула халат и заколебалась. Все еще во власти очарования той поры дня, когда свет медленно одерживает верх над тьмой, Эмили подошла к окну и

выглянула на улицу. Вряд ли ее кто-нибудь мог увидеть, но она все равно чувствовала себя чуточку дерзкой. Обнаженная женщина в окне. В этом было что-то волнующее.

Она посмотрела на небо, на бледнеющие белые звезды и луну, которая стала походить на призрак, когда голубизна начала понемногу разбавлять ночную тьму. Ее внимание привлекли деревья рядом с домом, потом она подняла глаза на крыши и окна соседних домов, на окна, за которыми тоже могли находиться люди, дерзко позволившие утру застать их врасплох перед окном.

Тяжкое бремя лежало на плечах Эмили. И не одно – множество. Самая главная ее забота – благополучие сына, и именно этим она займется сегодня.

Ей многое нужно сделать, и она позаботится об этом во что бы то ни стало.

Но пока что – предрассветный покой.

Пока она варила кофе, начали петь птицы. Теперь их хор приветствовал наступление утра. Несколько воробьев с гомоном спорхнули с ветвей дуба за домом, и Эмили следила глазами за их полетом со смесью боли и радости. Взгляд ее остановился на дереве, на его ветвях – листья, казалось, шевелятся, несмотря на безветрие.

На темный силуэт среди ветвей.

На глаза, наблюдающие за ней из листвы. Хищные глаза Лицо, заросшее бородой. Или шерстью.

Вскрикнув от неожиданности и страха, Эмили попятилась, пока под коленки ей не ткнулась кровать, и она с размаху шлепнулась на матрас, и в ту же секунду Джо отбросил одеяло и пододвинулся к ней.

– Эм, господи, что...

– Вон там! – выдохнула она, и ее ум лихорадочно заработал. – Он там, на дереве. Следит за мной. Следит за этой комнатой, Джо!

Она увидела, как в его глазах забрезжила тень сомнения, и разозлилась.

– Черт побери, Джо, вон там! – рывкнула она и подтащила его к окну, чтобы показать на дерево, на котором увидела лицо. Глаза.

Наблюдатель исчез.

– Он был там, – сказала Эмили.

– Послушай, Эм, – начал Джо. – Может быть, ты просто... – Он не договорил. Однос взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы сказать ему: лучше не продолжать.

– Послушай, можно позвонить в полицию, если хочешь, – наконец добавил Джо. – Только не увлекайся.

Слишком поздно, подумала она. Ее уже увлекло, унесло на волне безумных подозрений и обрывков опасений человека, который только что попытался покончить с собой. Натан видел кого-то на дворе у Томаса. Томас считал, что его кто-то преследует. А теперь Натан и Томас оба в больнице, и, хотя доктора отваживались строить предположения относительно первопричины их состояния, отсутствие у них каких-либо признаков выздоровления ставило в тупик даже самых знающих и самоуверенных врачей.

– Он был там, – повторила Эмили, и Джо снял трубку и начал набирать номер полиции.

И несмотря на свой непомерный, всепоглощающий страх за Натана и Томаса, Эмили против воли кольнула мимолетная тревога за другого человека. За себя.

Если где-то там бродит охотник, значит, она стала мишенью.

Натан беспокойно спал под тяжелым, пахнущим плесенью одеялом. Перед тем как наконец забыться сном, он долго плакал. Теперь он лежал на жестком матрасе, круглое детское пузико торчало между задравшейся футболкой и единственными трусиками, которые у него были. Он чуть было не решил совсем снять их и спать голышом, но одеяло было грязное и вонючее, и он побрезговал. Эх, если бы только можно было обойтись без него, но было слишком холодно, чтобы спать не укрывшись.

Его правая пятка торчала из-под одеяла, голая, круглая и все еще младенчески мягкая и розовая. Розовая, но уже начавшая бледнеть и даже, пожалуй, сереть, потому что Натан чувствовал себя неважно. Совсем неважно. Даже во сне он чихал и покашливал, в горле застрял толстый комок слизи, который все увеличивался и увеличивался.

Натану снился дом. Его последние мысли перед тем, как впасть в дрему, были о его спальне дома. Не в папином доме, хотя там у него тоже была своя комната, которую он очень любил. Но она не была по-настоящему его комнатой. Ему снилась его комната дома и родители, когда они еще улыбались друг другу. Это было в недалеком прошлом, и Натан еще не успел забыть об этом. Он помнил эти улыбки, помнил, как вызывал их.

Натану снилось, что он тоже лежит в кровати, но не спит. Наоборот, он не желал спать и утверждал, что ничуть не боится серого волчка, которого мама расписывала в таких нудных подробностях. Она лежала рядом с ним на краю кровати, гладила его по голове и пыталась не улыбаться, чтобы Натан считал, что она серьезна. Именно этой улыбке Натан и желал и не успокоился, пока не добился своего.

В его сне папа лежал в его кровати с другой стороны, что было невозможно, ведь у него была такая маленькая кроватка. Но это же был сон. И в этом сне папа пел ему, мягко и негромко, как делал всегда, когда Натану было никак не заснуть. У папы было множество песен, но во сне Натан слышал только одну из них. «Там, за радугой», песенку, которую Дороти поет в «Волшебнике страны Оз» в скучной-прескучной черно-белой первой части^[15].

Натан любил этот фильм. Особенно про летучих обезьян. Он так огорчился, когда узнал, что на самом деле летучих обезьян не существует.

Папа всегда пел ему, когда он не мог заснуть.

И когда он болел.

Натан хрипло кашлянул во сне, подавился ошметком темно-коричневой слизи, которая клокотала в горле, и сон кончился.

Натан слегка вздрогнул и проснулся. Его глаза распахнулись за миг до того, как он понял, где находится. Вонь от грязного одеяла, холодный ветер, воющий в бойницах крепости. Темные, сырые, недобрые стены вокруг. Он почувствовал, услышал и увидел все это разом и снова с трудом поверил, что все это реально. Он не должен был здесь оказаться.

Он снова закашлялся, и комок слизи из горла очутился у него во рту. Он слабо поднял голову и сплюнул его на каменный пол в углу комнаты.

Натан протяжно вздохнул и ощутил, что его лицо начинает сморщиваться. Нижняя губа задрожала, выпятилась. Глаза сузились, брови сошлись на переносице, как будто он злился. Слезы хлынули без предупреждения, выпяченная губа растянулась в стороны, и он наконец заревел от страха, ненависти и ощущения одиночества, которые копились в нем с того мига, когда он в первый раз проснулся в Обманном лесу.

Он содрогался от рыданий. На миг в памяти его всплыло молчаливое обещание, которое он дал себе самому, – обещание не плакать. Но Натану было всего пять с половиной, и он не слишком забивал себе голову подобными вещами. Он подвывал, кашлял и всхлипывал, утирал глаза и текущий нос вонючим одеялом, потому что ничего другого у него не было.

Его пробрал внезапный озноб, он задрожал под одеялом и снова закашлялся. Горло у него болело. Когда озноб прошел, он, к удивлению своему, обнаружил, что ему тепло.

Когда слезы иссякли, Натан закрыл глаза и попытался снова заснуть. Он подтянул ноги к груди так, что свернулся в комочек под одеялом. Вскоре он снова задремал. Ему было страшно, но он хотел спать.

Это был единственный способ избавиться от страха, от кашля и от Обманного леса.

Потом, в тот самый миг, когда он уже мог бы снова заснуть, до него донесся топот толстых лап и цоканье острых когтей по каменному полу его клетушки. Глаза Натана снова распахнулись, но он не смел шелохнуться. На стене он увидел мерцающий отблеск зловещего пламени в выдолбленной из тыквы голове шакала Фонаря. На месте глаз, носа и рта старины Шака на стене колыхались тени, только совершенно искаженных пропорций. Они казались еще более жуткими, чем настоящее лицо Фонаря, если такое вообще было возможно.

– Я знаю, что ты не спишь, мальчик, – сказал Фонарь трескучим, словно сухие дрова в камине, голосом.

Натан ничего не ответил. Он не хотел смотреть на чудовище. Не мог смотреть. Когда кожистые подушечки лап коснулись обнаженной кожи внизу его спины, Натан дернулся. Три острых когтя кольнули кожу, и мальчик замер. Один из них вонзился в его плоть, проколол ее, выступила кровь.

– Отстань от меня! – заорал Натан истерически, забыв свой страх. – Отстань от меня, а то мой папа тебя убьет!

И закусил губу под бешеный стук сердца, ожидая, что шакал Фонарь раздерет его когтями, убьет его. Какой-то части его было душе все равно, она была напугана так, что не пережила бы даже еще одной секунды страха.

Шелудивый тыквоголовый зверь приблизился к нему. Натан чувствовал рваное дыхание Фонаря и ощущал жар потустороннего огня на своем затылке. Он крепко-крепко зажмурился, тишина была невыносимой. Он просто хочет домой. Домой, в свою кроватку, к космическим кораблям, видеокассетам и желтому трактору, на котором он часами разъезжал по дорожке перед домом.

– Не смей не обращать на меня внимания, – прошептал шакал Фонарь, и на затылок Натану капнула густая струйка горячей слюны.

Натан подумал, что его сейчас вырвет. Вместо этого он снова закашлялся, отхаркивая темную слизь. Глаза открыть он до сих пор отказывался.

– Я пришел сюда только затем, чтобы сказать тебе, что твой отец уже в пути.

Глаза Натана резко распахнулись. Он не повернулся к Фонарю лицом, но изумленно уставился в стену. В его душе воспрянула надежда.

– На это может уйти некоторое время, – продолжал Фонарь. – Но он наконец-то здесь, в Обманном лесу. Снова с нами. Пока он делает что велено, можешь не бояться смерти, молодой мастер Натан. Это хорошо. Лесу нужен продолжатель.

Потом шакал убрался. Вместе со своим жарким дыханием и жгучей слюной. Шаги и царапанье когтей по камню удалились, и Натан услышал, как дверь за ним закрылась. Он молча ждал несколько минут, прежде чем осмелился открыть рот. Когда он сделал это, то

снова закашлялся. Но когда кашель закончился, Натан позволил себе еле заметную слабую улыбку.

– Папа, пожалуйста, приходи поскорее, – прошептал он.

После этого он больше не спал.

Эмили вышла из квартиры Джо в самом начале восьмого. Она неторопливо доехала до дома, где приняла душ и без излишней спешки переоделась. Натан в больнице. Томас тоже в больнице – и ей до сих пор точно не известно, каково его состояние. Но спешить ей некуда. Сегодня у нее еще будет время заняться неприятными делами.

Она изо всех сил старалась не думать о лице, которое, как она считала, она видела из окна квартиры Джо на рассвете. После этого она больше так и не заснула, но воспоминание все равно стало казаться каким-то нереальным, будто сон. Это мог быть кто угодно или что угодно. Какой-нибудь бездомный или мальчишка, забравшийся на дерево. Но много ли мальчишек на рассвете уже на ногах? Ни одна из этих возможностей ничуть не более вероятна, чем ее первая мысль о преследователе.

Однако в версии с преследователем тоже имелись свои неувязки. В случае с Натаном врачи уже исключили возможность отравления каким бы то ни было ядом, а то, что сделал с собой Томас, он определенно сделал сам. И все-таки она дала себе слово позвонить тому детективу, Уолту, как его там, который брал у Томаса показания относительно его подозрений и возможности неестественных причин кататонии у Натана.

Но все это подождет. Сегодня Эмили и так слишком о многом надо позаботиться. Слишком много надо сделать.

Такого, чего ей делать не хотелось.

Освеженная после душа, чувствуя себя гораздо лучше в чистых джинсах и ярко-красном хлопчатобумажном топе, Эмили уселась за руль, повернула ключ зажигания и взглянула на свой сотовый. Обычно она по дороге занималась делами, пытаясь по максимуму использовать время, которое иначе было бы потеряно впустую.

Потом она старательно отвела взгляд от телефона, дала задний ход и выехала на улицу. Всю дорогу по Бродвею, до самой больницы, Эмили ни на миг не забывала о звонках, которые нужно было сделать. Но до того, как она начнет делать эти звонки, ей нужно увидеть сына. И Томаса.

В палате Томаса, который лежал двумя этажами выше, чем Натан, Эмили вгляделась в безжизненные черты бывшего мужа. Желание обругать его ослабло, но его состояние не могло ее не тревожить. Ей хотелось снова задать ему вопрос, прошептать его, хотя она и знала, что он не может ответить. Ей необходимо было знать, почему он это сделал. Но она была не одна и потому ничего не сказала.

– Как он? – спросила она.

Доктор Гершманн, который был лечащим врачом Натана, как будто бы сдулся, когда Эмили произнесла эти слова. Они вместе вошли в палату всего несколько секунд назад, и врач явно ждал этого вопроса. Однако же, вместо того чтобы ответить, он склонил голову, переадресуя вопрос молодой женщине, которая стояла рядом с ней. У нее была самая черная, самая безупречная кожа, какую Эмили видела в своей жизни. Когда она улыбнулась, Эмили не могла не улыбнуться в ответ.

– Келли Кардифф, – весело представилась женщина и подалась вперед, протянув руку.

Эмили пожалала ее и отметила одновременно ее на удивление крепкое рукопожатие и тот факт, что она оказалась куда меньше ростом, чем показалась сначала. Харизма, подумала Эмили. Она творит чудеса.

– Я – лечащий врач вашего бывшего мужа, – продолжала доктор Кардифф. – Что касается ответа на ваш вопрос, его состояние стабильное. Я не употребляю слово «хорошее». Это далеко не так.

Эмили взглянула на Томаса.

– А таблетки? – спросила она, уже зная ответ.

– Фенобарбитал, – ответила доктор Кардифф. – По-видимому, в сочетании с виски. Если бы в том флакончике таблеток оказалось чуть побольше, скорее всего, он был бы уже мертв. Судя по его карточке, он проходил курс лечения по поводу припадков, а это значит, что его должны были предупредить об опасности передозировки. Но он должен был знать, что того, что у него есть, может оказаться недостаточно, чтобы убить его, так что его действия вызывают у меня недоумение. Ни один человек не станет принимать горсть барбитуратов и запивать их виски, если не собирается покончить жизнь самоубийством.

Эмили смотрела на нее во все глаза. Все ее очарование развеялось. Эмили чуть было не высказалась в том духе, что это врачебный такт доктора Кардифф вызывает недоумение, но промолчала. Доктор Кардифф подошла к постели Томаса.

– Он чуть не умер ночью, – сказала врач.

Вздвогнув, Эмили взглянула на Томаса, потом на доктора Гершманна. С ним она чувствовала себя куда более непринужденно, чем с Кардифф, но Гершманн был педиатром.

И все же именно Гершманн объяснил ей все, придерживая, по своему обыкновению, живот руками, как будто для того, чтобы его не разнесло еще сильнее.

– Вскоре после того, как вы привезли вашего бывшего мужа сюда, у него начались проблемы с дыханием, но сейчас его состояние стабилизировалось, так что, возможно, это не повторится.

– Возможно? – переспросила Эмили.

– В настоящее время мы делаем все, что в наших силах, чтобы вывести его из комы, – пояснила доктор Кардифф. – Может быть, я чересчур оптимистична, но, учитывая фактическое количество таблеток, которые он принял, я бы сказала, что он мог бы уже прийти в себя. Чем дольше он находится в коме, тем меньше шансов, что он просто очнется. Положение такое, что остается только ждать.

Эмили медленно покачала головой, вздохнула и попыталась сдержать слезы.

– В точности как с Натаном, – сказала она.

– Не совсем, – возразил доктор Гершманн. – Это одна из причин, по которым я хотел спуститься сюда и поговорить с вами. Ситуация Натана существенно отличается от ситуации его отца. Мистер Рэнделл поступил со своим телом весьма радикально. Последствия серьезные и, возможно, фатальные.

Эмили заморгала.

– Натан же совершенно здоров, – добавил Гершманн. – Это подтверждают все анализы. Мы послали результаты его томограммы и других лабораторных исследований специалистам из Бостона и Чикаго, и никто никогда не сталкивался ни с чем подобным. У Натана во всех отношениях все в порядке. Картина его мозговой деятельности совершенно нормальна и соответствует полному сознанию. Для человека, находящегося в коме, высокий уровень мозговой деятельности не так уж и необычен: воображение и подсознание – штука мощная.

Но здесь уровень уникальный.

– Короче говоря, вы до сих пор не знаете, что с моим сыном, – с горечью подытожила Эмили. – У него все в полном порядке, вот только он никак не хочет просыпаться. Ждете, пока его поцелует прекрасная принцесса, да?

Гершманн нахмурился, вид у него стал как будто смущенный. Доктор Кардифф взяла карточку Томаса, начисто игнорируя Эмили.

– Ну-ну, миссис Рэнделл, – брюзгливо сказал доктор Гершманн, оглаживая усы, – совершенно нет необходимости...

– Нет необходимости? – взорвалась Эмили; голова у нее шла кругом. – Все, что имеет значение в моей жизни, у меня отняли, и вы не можете выяснить почему, а единственный человек, который в состоянии понять, что со мной происходит, решает наглотаться таблеток... И вы, черт побери, хотите, чтобы я вела себя спокойно и, даже больше того, любезно?

Части ее было стыдно за эту тираду. Врачи делают все возможное. Она понимала это. Но другая часть ее отчаянно нуждалась в этом. Нуждалась в том, чтобы сорвать зло на ком-нибудь. Гершманн и Кардифф на миг посмотрели на нее с одинаково озабоченным выражением на лицах. Что только усугубило положение.

– Прошу... прошу прощения, я... – начала Эмили. Потом взмахнула в воздухе рукой, словно отмахиваясь от надоедливой мошки.

– Ну что вы, миссис Рэнделл – Доктор Гершманн подошел к ней, ловко оттеснив Кардифф, которая, похоже, была рада этому заступничеству. – Не хотите подняться и навестить Натана?

Эмили закусила нижнюю губу. Ее сумочка стояла на коричневом стуле в углу палаты Томаса Эмили долго смотрела на нее. В сумочке лежал ее сотовый. Вместе с записной книжкой.

– Я подойду чуть попозже, – сказала она рассеянно. – Мне нужно сначала сделать кое-какие дела, и я с таким же успехом могу заняться этим здесь.

Эмили подошла к кровати Томаса и села на стул. В палате пахло чем-то странным, как будто гарью. Она нахмурилась, склонилась к Томасу и почему-то ничуть не удивилась, когда поняла, что запах исходит от него. Он, разумеется, даже не приближался к огню, но от его одежды пахло дымом.

Доктора извинились и двинулись к выходу. Гершманн открыл дверь и пропустил Кардифф вперед, и Эмили, глядя на Томаса, задалась вопросом, каковы шансы на то, что с человеком может случиться нечто подобное. Ее сын и ее бывший муж, так близко друг к другу и так далеко друг от друга, так далеко от всех остальных.

Каковы шансы?

– Доктор Кардифф? – спросила она резко, и оба врача остановились на пороге палаты.

В прямом свете, льющемся из палаты, кожа доктора Кардифф казалась еще темнее. Иссиня-черная, с таким завораживающим отливом, что Эмили на миг охватило желание потрогать ее лицо. Глаза, такие темные, нос, такой прямой и безупречный, скулы, такие широкие.

Она походила на птицу.

На ворону.

Эмили поморгала, прокашлялась.

– Вы делали Томасу МРТ?

– Вообще-то, оно запланировано как раз на сегодня, – ответила доктор Кардифф. – Мы хотим получить представление о том, насколько серьезный вред он себе причинил.

– Мне хотелось бы знать результаты, – сказала Эмили. – Еще я попросила бы вас сделать ему мониторинг мозговой деятельности и проверить, не совпадает ли картина с той, что вы обнаружили у Натана.

Доктор Гершманн снова переступил через порог палаты, и оба врача странно посмотрели на нее.

– Миссис Рэнделл, – сказал он. – Я же сказал вам, что между состоянием вашего сына и его отца нет ничего общего.

– Даже если бы и было, – добавила доктор Кардифф не слишком тактично, – вы его бывшая жена. С подобными требованиями могут обращаться только ближайшие родственники.

Эмили ответила ей таким же взглядом.

– Мы разводились вполне мирно. Ни я, ни Томас не аннулировали свои взаимные доверенности на принятие всех решений по медицинским вопросам. Нетипично, но это Томас. Эта доверенность придает моей просьбе такую же законность, как если бы она исходила от самого пациента. Пожалуйста, сделайте, как я прошу.

– Честно говоря, теперь, когда надежды на быстрое выздоровление почти нет, мы в любом случае будем производить мониторинг его мозговой деятельности, – ответила Кардифф. – Но причин ожидать какого-либо сходства нет. Вам известны какие-нибудь причины, о которых мы можем не знать?

– Пожалуйста, просто держите меня в курсе, – сказала Эмили, не желая отвечать на этот вопрос. Сделать это означало бы задать тот же самый вопрос себе. А этого она просто не могла.

Не сейчас.

– Будет сделано, – согласилась Кардифф.

Она развернулась и вышла из комнаты, бросив на Гершманна странный взгляд. Взгляд, который ставил под сомнение ее, Эмили, психическую нормальность.

«Можете не беспокоиться», – подумала Эмили. Она не станет делать глупостей и мешать лошадиную дозу барбитуратов с выпивкой. И снова она посмотрела на Томаса и почувствовала запах дыма, как будто от дров, горящих в костре. Когда она подняла глаза, доктор Гершманн тоже уже ушел, и она осталась наедине с бывшим мужем.

Эмили поднялась и подошла к уродливому коричневому стулу, порылась в сумочке и вытащила сотовый телефон. Первым делом она позвонила на работу, Лорене. Дела идут прекрасно, сообщила Лорена. Не так гладко, как могли бы, будь Эмили на работе, но они справляются. Надо было ответить на кое-какие вопросы, кроме того, требовалось утвердить нескольких новых работников. Лорена перешлет все бумаги с курьером ей домой, и Эмили сможет подписать все прямо там. Сама Лорена надеялась уйти в отпуск в октябре, и Эмили пообещала отпустить ее, даже если с Натаном не будет никаких перемен. Она полагала, что к тому времени так или иначе выйдет на работу.

Натан с заклеенными глазами лежит на койке двумя этажами выше, а жизнь идет мимо него. Доктора пока еще не вынесли никакого вердикта, но Эмили подозревала, что, если Гершманн с его светилами в самом ближайшем времени ничего не выяснят, дело закончится тем, что Натана предложат перевести в отделение ухода за хрониками.

Такие мысли о будущем Эмили едва ли могла себе позволить сейчас. Когда ее глаза

щипало от не пролитых слез. Когда ее сердце щемило в груди.

Но были вопросы, которые следовало решить. И она осознала, впервые поняла по-настоящему, что эти вопросы ей придется решать в одиночку, даже если Томас выздоровеет.

Если. Слишком много «если», подумала она. Томас ей больше не муж, но мысль о том, что он умирает, была ей слишком невыносима, и Эмили отогнала ее.

– Глупый ты сукин сын, – прошептала она. Потом она вытащила из сумочки маленькую черную записную книжку и нашла номер Криса Лебо, адвоката, который представлял ее интересы во время бракоразводного процесса. Набрала номер на мобильном телефоне; он снял трубку с третьего гудка.

– «Сэвидж и Винтер», – сказал он.

– Привет, Крис, это Эмили Рэнделл, – ответила она, и ее взгляд устремился к неподвижному телу Томаса и дальше, за окно. – Как дела?

– Работы по горло, Эмили, – отозвался Лебо. – Чем могу помочь?

Эмили помолчала. Ее взгляд снова вернулся к Томасу. Она вгляделась в его лицо. В неподвижные веки. Томасу не снятся сны – сейчас. Может, никогда больше не приснятся.

– Произошли кое-какие события, о которых тебе следует знать, – начала она. – Я хочу оформить единоличную опеку над Натаном.

Она почти услышала, как Лебо чуть не ахнул от изумления.

– Ничего себе, – сказал адвокат. – Может, тебе лучше начать с самого начала?

Под конец дня, большую часть которого она провела в палате Натана, в скудеющем свете читая ему вслух сказки братьев Grimm, Эмили сообразила, что целый день не проверяла автоответчик. Она снова открыла свой телефон и набрала домашний номер. Сообщений оказалось семь: два от Джо, два от Лорены, одно от сестры Томаса – она только назвалась, – и еще два от Франчески Кавалларо. Она все еще пытается заключить сделку с «Фокс» и хочет знать, с кем ей поговорить. Ей неловко беспокоить Эмили в такое нелегкое время, но сделка может быть важна для будущего Натана.

Во всяком случае, так она сказала.

И Эмили не сомневалась, что она искренне так думала, но для Франчески на кону стояло нечто большее. Во-первых, ее комиссионные, разумеется. Однако не следовало забывать еще и тот факт, что, насколько Эмили было известно, Фрэнки никогда еще не участвовала в столь крупной сделке. «Фокс» – настоящий гигант. И ей хотелось удостовериться, что сделка не расстроится. Эмили не могла ее винить.

Тяжело вздохнув и покачав головой, Эмили набрала номер Франчески, ожидая услышать автоответчик. Для нее стало неожиданностью, когда на том конце линии ответил живой человек.

– Франческа Кавалларо.

– Э-э. Привет. Фрэнки, это Эмили.

– Эмили, спасибо, что перезвонила, – в ту же секунду ответила Франческа. – Как Томас?

– В настоящее время состояние стабильное. Каков долгосрочный прогноз, они пока не знают, – сказала Эмили.

Франческа тяжело вздохнула; Эмили услышала это по телефону.

– Пожалуйста, держи меня в курсе, ладно? Что же касается этого, другого дела, прости, но я не знала, кому еще позвонить, и это...

– Крупная сделка. Да. Я понимаю.

Слова Эмили прозвучали холодно, но больше от рассеянности, чем от враждебности.

На другом конце провода повисло долгое молчание. Наконец Франческа сказала:

– Знаешь что? Это подождет. Зря я позвонила. Я просто подумала, надо довести это дело до конца.

Эмили различила в голосе собеседницы боль, и это пробило ее броню. Она поступила глупо. Франческа печется о Томасе. Не только о его работе или своих комиссионных. Она боится за него.

– Послушай, Фрэнки, давай договоримся вот как, – сказала Эмили, и ее голос начал понемногу окрашиваться эмоциями. – У меня есть доверенность на ведение дел Томаса, – призналась она. – Ты заключаешь сделку на самых лучших условиях, какие сможешь выбить, а я подпишу ее вместо Томаса. Мне понадобится одобрение его адвоката, но не думаю, чтобы Ким стала возражать. Единственное условие. Все, кто участвует в сделке и в производстве сериала, должны прочитать книги.

Франческа хмыкнула.

– Не могу же я вставить это в контракт, – заупрямилась она.

– Тебе придется, – сказала Эмили. – Не так уж это и много, Франческа. Если они хотят работать над «Обманным лесом», то должны хотя бы ознакомиться с первоисточниками. Все, что они станут делать потом, это их дело.

– И как ты собираешься проследить за этим? – не веря своим ушам, спросила собеседница.

– Никак. Но если в процессе я выясню, что кто-нибудь не читал книги, я их засужу.

– Даже Томас никогда не просил об этом.

– А надо было. «Обманный лес» – это волшебство. И капелька гениальности. Дело дошло до того, что мне приходится задаваться вопросом: может быть, это все, что оставит после себя Томас Рэнделл.

Она больше не могла говорить. Не находила слов. Томас всегда смотрел на Натана как на своего наследника. Теперь это может не осуществиться.

Эмили вклинила «до свидания» в невнятные возражения Франчески и повесила трубку. Она выдохлась. Для одного дня на нее свалилось больше чем достаточно. Взглянуть в лицо реальности – убийственная необходимость. Эмили пожалела, что не может погрузиться в неведение. Но нет способа отгородиться от ужасной правды того, что случилось с ее уже расколотой семьей.

Кроме того, который избрал Томас.

И Эмили ненавидела его за это. Во всяком случае, хотела ненавидеть. Но как можно ненавидеть того, кого любишь?

Джо оставил ей сообщение, чтобы она поужинала с ним в «Хорзфезерс», если хочет. В семь вечера. Когда Эмили вышла из больницы, была половина шестого, и она ехала домой на автомате. Она столько раз проделывала этот путь, что могла проехать мило и не помнить об этом. Ее подсознание способно было самостоятельно вести машину, как двигало ее пальцами, когда она печатала.

Красный свет на перекрестке Мэйн-стрит и Бродвея привел ее в чувство. Эмили поморгала, поняла, что терпеть не может песню, которую крутили по радио, и грохнула по кнопке переключения радиостанций, чтобы не слышать ее. На волне, на которую она переключилась, передавали безобидный легкий рок, и она снова поехала на автопилоте.

Левый поворот на светофоре снова привел ее на подъем к Мэримаунту. Эмили сбросила газ, чтобы свернуть направо, к Таппан-хилл, и заметила какое-то движение в зарослях деревьев слева. Ветви качались, хотя ветра совсем не было, но главное... кто-то продирался сквозь деревья.

Она притормозила, взгляделась в заросли и попыталась сфокусировать зрение на том, что там шевелилось. Это могло быть что угодно, но, несмотря на то, что тягостные события дня заслонили все, необычное утреннее происшествие мгновенно всплыло в ее памяти. Странное лицо за окном квартиры Джо.

И все же в зарослях, похоже, ничто не двигалось. Сзади Эмили стремительно нагоняла какая-то машина, поэтому она свернула и поехала по дороге, которая шла мимо школы. В зеркале заднего вида что-то шмыгнуло через дорогу, но когда она попыталась приглядеться попристальнее, все исчезло.

После этого, несмотря на всю ее осторожность и внимательность, Эмили больше ничего не увидела.

– Что, потихоньку сходим с ума, да? – спросила она себя вслух, выворачивая на дорожку к дому.

Но едва она переступила порог, как заперла дверь за собой на замок. А когда снова садилась в машину, чтобы отправиться в бар «Хорзфезерс», то спешила, и глаза ее перебежали от одной ночной тени к другой.

В темной палате Натана Рэнделла доктор Фредерик Гершманн, щурясь, в тусклом свете луны разбирал записи в карточке мальчика. Там не было ничего нового, ничего такого, чего бы он не видел. Он повесил карточку обратно на крючок и постоял, глядя на мальчика, трогательную фигурку с пластырем на глазах.

Он должен пребывать в полном сознании. У него нет совершенно никаких причин находиться в коме. И все же он лежит без движения.

– Интересно, ты меня слышишь? – спросил он Натана. – Представляешь, что творится здесь, в реальном мире?

Натан должен пребывать в полном сознании, и, судя по деятельности его мозга, он в нем и пребывал. Доктор Гершманн не стал говорить об этом его матери именно в таких выражениях, но так оно и было. Он не реагировал ни на какие внешние раздражители и во всех отношениях находился в коме.

Но каким-то образом Натан Рэнделл пребывал при этом в полном сознании.

Когда несколько часов назад Томас наткнулся на тропку-царапку, он едва замечал стрекот вездесущих сверчков, который, казалось, окутывал лес, но пока они шли, шум сильно поутих и в конце концов, когда Путаный путь привел их в самое сердце Большого Старого сада, песня сверчков совершенно прекратилась.

Сада не было. От него остались бесконечные ряды обугленных пеньков, торчащих к небу. Жуткое это было зрелище, и тишина лишь усиливала впечатление.

Томас шагал рядом с Брауни, стараясь не отставать от великана гризли, и смотрел, как под медвежьей шкурой перекачиваются мускулы. В них была мощь. Сила, которую Томас не мог даже вообразить. Но все же Брауни был таким дружелюбным, что Томас гадал, сможет ли гризли, когда ему настанет время исполнить свою роль, обратить эту невообразимую силу в насилие. Томас очень надеялся, что обойдется без этого. Подобный поступок уничтожит

медведя, как пить дать. Но если без этого им не вернуть Натана, что ж, он надеется, что Брауни не подведет.

– Наш Мальчик! – взволнованно сказал мистер Тилибом, поспешно нагоняя их, как это постоянно происходило на первом отрезке их путешествия. – Ты бы так гордился Брауни, если бы увидел, как он танцует. Он помнит все, чему ты его научил, и у него так здорово получается.

Колокольчик засеменял за ними, позвякивая на бегу. Томас мог отключиться от звона, но не от голоска маленького полосатого существа. Порой он нес чушь, но иногда говорил что-то по-настоящему дельное. Эта порция бормотания не относилась ни к тому ни к другому, но его слова глубоко задели Томаса.

Это его вина, он понимал это. Или, по крайней мере, во многом его вина. Впрочем, ответственность лежала не на нем, нет. Они могли бы предотвратить все случившееся, если бы только попытались. Но Томас знал, что он бы мог остановить это. Мог не дать ничему этому ни зайти так далеко, ни произойти вообще. В том, что стало с ними теперь, не было его подлинной вины, но он мог бы изменить это.

– Я люблю вальс, – сообщил Брауни, подтверждая оценку Тилибома. – Но мне ужасно хотелось бы выучиться танцевать танго.

На мгновение печаль едва не захлестнула Томаса снова. Потом его кольнула абсурдность происходящего, и он улыбнулся во весь рот. Он со смешком покачал головой и похлопал Брауни по спине.

– Дай мне только вернуть моего мальчика, – сказал он. – А потом, обещаю, я научу тебя танцевать танго.

Брауни широко улыбнулся, демонстрируя длинные ряды огромных острых сверкающих зубов. Любой другой при виде этой ухмылки в ужасе бросился бы наутек. Томас лишь негромко засмеялся и покачал головой.

– Мы спасем его, Наш Мальчик, – сказал Брауни, и его улыбка чуть померкла.

Они шагали в молчании, лишь позвякивание язычка Тилибома нарушало тишину. Мертвый, почерневший сад по обеим сторонам дороги казался призрачным, как будто духи деревьев ночью явились на свое прежнее обиталище. Очень скоро все следы веселья испарились из мыслей Томаса и стерлись с его лица.

Через четверть мили он остановился, огляделся по сторонам.

– Это первый пост, верно? – спросил он. – Я узнаю его.

– Верно, верно, Наш Мальчик, – подтвердил Тилибом. – Первый пост стражей. Был. До того, как...

Мистер Тилибом взгляделся в Путаный путь, как будто ему только что пришло в голову, что если они продолжают свое путешествие, то выйдут к дымящемуся пепелищу его родного городка, где тела его друзей и родных превратились в угли. Он остановился на полуслове, обхватил голубое брюшко ручками и больше ничего не сказал.

Томас не стал поддерживать разговор. Вместо этого он принялся сердито оглядываться вокруг. В свете рыжих звезд он разглядел, что слева свалено несколько обугленных древесных оболочек. Без лишних слов он свернул с тропинки и двинулся в мертвый сад. Секунду спустя Брауни и Тилибом поспешили за ним.

На пятьдесят ярдов углубившись в сгоревший лес, Томас остановился. Он оглядел поваленные деревья, потом взглянул на Брауни. Кроткие глаза гризли встретились с его собственными, в них ясно читался невысказанный вопрос.

– Я знаю, запах гари заглушает все остальное, – сказал Брауни Томас, – но ты не улавливаешь запаха Краснолиста?

Медведь распрямился во весь свой рост, который составлял весьма внушительные восемь с половиной футов, и принялся. Он устремил свой взгляд поверх обугленных верхушек деревьев, на которых никогда больше не родятся яблоки. Тилибом перестал шевелиться и потому затих.

Некоторое время спустя Брауни снова сгорбился.

– Точнехонько с северо-востока, – подтвердил он. – Не больше чем в паре сотен ярдов.

Краснолист плакал. Он стоял в небольшом ручейке, который когда-то отделял Большой Старый сад от остального Обманного леса. Он служил противопожарной полосой, и Краснолист содрогался при мысли о том, что могло бы случиться, не будь его здесь. Урон был огромен.

Но еще страшнее была неопределенность. Краснолист не мог решить, что делать. Что, если он вернется на свой пост, а пожар начнется снова? Он подумал, что, пожалуй, следует доложить капитану Толстосуку, но ветер донес до него слух, что Толстосук ушел. Покинул Обманный лес. Этого лесным стражам попросту не дозволялось. Нарушение служебного долга и все такое прочее.

Уж кто бы говорил.

Впрочем, в конечном счете Краснолист просто испугался. У него было немало веских причин для страха, но мысль о том, что он может струсить, была столь чужда стражу, что он был в состоянии лишь стоять столбом, запустив корни в ручей, и ронять слезы.

Он не заметил странную компанию, которая показалась из сторевшего сада чуть ниже по течению ручья от места, где он стоял. Равно как, погруженный в жалость к себе самому, не слышал, как они приблизились к нему по берегу ручья.

– Ты покинул свой пост, Краснолист, – раздался голос.

От неожиданности Краснолист слегка всплеснул корнями и обернулся к ним. Среди них был Брауни. Гризли всегда нравился Краснолисту, но в настоящий момент вид у медведя был крайне недовольный, даже сердитый. На плече у него сидел колокольчик, и увидеть его было для Краснолиста огромным облегчением. Он полагал, что все его сородичи погибли в пожаре, который опустошил край Колокольчиков и Свистулек.

Ему не пришло в голову задаться вопросом, почему гризли несет колокольчика на плече.

Краснолист был не слишком смышлен. Впрочем, ума у него хватало, чтобы по крайней мере понимать это.

С ними был еще третий. Это он говорил. Гнев на его лице нельзя было спутать ни с чем другим. Он казался знакомым, этот третий. Но нет, этого просто не могло быть.

– Стоять! – произнес Краснолист, распрямляя ветви. – Я – Краснолист из лесных стражей. Не делай резких движений, а не то тебе несдобровать.

– Хорошенький страж, нечего сказать, – заметил третий.

Краснолист обиделся, хотя и не считал, что пришелец погрешил против истины. Он уставился на гризли, который опустил колокольчика на рыхлую землю у ручья. Потом осторожно взглянул на третьего, не зная, как отвечать на такой гнев.

– Знаешь, я ведь могу тебя арестовать, – произнес он наконец.

– Ты идиот, – сказал пришелец.

Краснолист задрожал. Это уж слишком. Теперь он разозлился. С криком досады, унижения и даже отчасти ярости он замахнулся на человека одной из верхних веток. Брауни отпихнул человека в сторону, поднырнул под занесенную ветку и громко заревел Краснолисту в лицо.

– А ну прекрати, дубина – прорычал он.

Краснолист замер.

– Ты что, не узнаешь его? – спросил гризли.

– И не думаю, – признался Краснолист.

– Это же Наш Мальчик, – сказал маленький колокольчик.

– Этого я и боялся, – сознался лесной страж.

Он задрожал, потом овладел собой и распрямился, глядя сверху вниз на медведя, колокольчика и на Мальчика. Мальчик смотрел сердито, но Краснолист изо всех сил старался напустить на себя храбрый вид. Не то чтобы Наш Мальчик мог что-то ему сделать, как-то ему повредить. Но то, что он покинул свой пост, явно рассердило Нашего Мальчика. Хуже, Краснолист разочаровал его.

Ведь это Нашему Мальчику впервые пришла в голову мысль о лесных стражах – давным-давно.

– Простите, – сказал Краснолист, пристыженный собственными мыслями.

– Одного извинения недостаточно, – ответил Мальчик. – Ты бросил свой пост, но ты поступил не хуже, чем остальные. Где они все? Как весь этот... кошмар мог произойти, а стражи не положили этому конец? Вы здесь для того и поставлены! Как мог шакал Фонарь...

– Огонь, – быстро вставил Краснолист. – Это все огонь. Фонарь пускает его в ход, чтобы запугивать нас. Раздвоенный Ствол и Короткая Ветка... – Лесной страж быстро глянул в сторону маленького колокольчика. – Они сгорели в пламени, когда пытались остановить огонь, который шел на край Колокольчиков и Свистулек и Большой Старый сад.

Ветви дерева поникли.

– Я бежал, – признался он.

– И теперь ты здесь, – прорычал Брауни. – Ты остался в живых, чтобы сражаться дальше. Пожалуй, это самое лучшее.

– Самое лучшее, – залился звоном колокольчик. – И остальные стражи помогут.

– Не знаю, – с сомнением проговорил Краснолист. – У Фонаря есть огонь. Я знаю, что у него маленький мальчик. – Он посмотрел на Нашего Мальчика. – Твой отросток. Но может быть, вам вдвоем удастся что-то придумать вместе.

Наш Мальчик, которого, как было известно Краснолисту, звали Томасом, хотя он никогда бы не осмелился назвать его этим именем, печально покачал головой. Потом фыркнул, хотя Краснолист не мог бы сказать, от отвращения или от горя.

– Если с Натаном что-то случится... если Фонаря не остановят... Думаю, Обманный лес протянет немногим дольше. Если мы пойдем против старины Шака и потерпим поражение, в конце концов ты, скорее всего, все равно сгоришь.

Гризли взглянул на дерево, но Мальчик смотрел в сторону. Краснолист предпочел уставиться Мальчику в затылок, и его охватила ужасная печаль. Он повел себя как трус в прошлом, и ему до сих пор было страшно. Но страх поведет его вперед. Если речь идет о том, чтобы драться или умереть...

– Я оповещу лес, – сказал Краснолист. – Другие стражи будут решать сами за себя. Большинство из них отважней меня, так что, наверное...

Мальчик развернулся и через ручей двинулся в нетронутый лес на другом берегу.

– Исполни свой долг, – велел Мальчик. – Когда мы доберемся до крепости шакала Фонаря, нам понадобятся вы все.

Колокольчик поспешил прыгнуть в ручей и последовать за Мальчиком в лес, и его язычок залился звоном. Брауни бросил на Краснолиста прощальный взгляд, а потом и он тоже скрылся в лесу. За все это время Краснолист не проронил больше ни единого слова.

Ему нечего было сказать.

Когда разразится битва, все они останутся в живых или погибнут. Когда сражение столь реально, а выбор столь ясен, даже трус может почувствовать себя храбрецом.

Разве у него есть выбор?

Эмили перевернулась, ощущая сухость и противный вкус во рту и неприятно переполненный мочевой пузырь, и сквозь щелочки между веками несколько секунд всматривалась в цифры на будильнике. Была двадцать одна минута четвертого, утро пятницы. Она едва улавливала негромкий гул голосов от моргающего телевизора. Вчера поздно вечером, вернувшись домой, она заперлась на все замки и еще некоторое время не могла найти себе места от беспокойства, прежде чем в конце концов задремала.

В ее сновидениях жуткое лицо тарасилось из-за веток и листьев, с каждым повторяющимся сном приобретая все более чудовищные пропорции, изменяясь и искажаясь по мере того, как ночь катилась к рассвету. Его вряд ли можно было назвать настоящим кошмаром, поскольку ничего больше во сне не было. И все же он растревожил ее спящее сознание, и теперь, проснувшись, она была в дурном расположении духа, даже слегка раздражена. Звук телевизора ворвался в ее пробудившееся сознание и неприятно резанул слух.

Усевшись в постели, она свесила ноги с края кровати и поморщилась: голову прострелила острая боль.

В ящике прикроватной тумбочки было болеутоляющее, и она мысленно наказала себе не забыть выпить таблетку, как только опорожнит переполненный мочевой пузырь.

Приоткрыв глаза ровно настолько, чтобы не врезаться в стену или в косяк, она поплелась в туалет, не зажигая света. Мерцания телеэкрана было достаточно, чтобы она могла осуществить свою ночную экспедицию. Спустив трусики до лодыжек, она позволила глазам снова закрыться и негромко вздохнула от облегчения, избавившись от необходимости сдерживаться дальше.

Откуда-то снизу донесся приглушенный грохот.

Эмили распахнула глаза и в одно мгновение совершенно проснулась. Струйка мочи немедленно иссякла, и она позабыла про все свои позывы продолжить. Забыла про головную боль. Забыла про сны.

Это уже был не сон.

Так бесшумно, как только могла, она поднялась и натянула хлопчатобумажные трусики туда, где им полагалось быть. Осторожно, беззвучно она переступила порог спальни. По экрану телевизора на всех парусах несся большой корабль, и ей показалось, что она припоминает фильм «Улица зеленого дельфина» или что-то в этом роде. Она протянула руку к выключателю, потом отдернула ее. Это непременно привлекло бы внимание. Вместо этого она обошла кровать кругом – если бы Эмили растянулась поперек нее, какая-нибудь пружина могла ненароком скрипнуть, – и сняла телефонную трубку. Набрала «911» так быстро, как только могла, и слишком долго ждала, когда ей ответят.

Когда оператор наконец взял трубку, Эмили заговорила негромко, надеясь, что звук телевизора заглушит ее слова.

– В моем доме кто-то есть, – сказала она, потом быстро добавила имя и адрес, прежде чем повесить трубку. Остаться на линии дольше не было необходимости. Полиция скоро будет в пути.

А вдруг это окажется недостаточно скоро? Эта мысль настойчиво стучала в голове Эмили, это она побудила ее бесшумно подкрасться к двери спальни. Дверь оказалась

открыта, и Эмили поблагодарила судьбу. Она собиралась смазать петли, но у нее просто не выдалось случая. Подобными делами всегда ведал Томас. У них долгое время был хороший союз, удобное разделение труда. Пока все не полетело в тартарары. Она до сих пор не до конца понимала, почему все так получилось. Томас и Эмили десяти, даже пятилетней давности не допустили бы такого.

Энтропия. Все плохое случается. Отношения разваливаются.

Пока ты не смотришь, мир поворачивается и вся твоя жизнь превращается в черт знает что, сначала твоего сына, а потом и бывшего мужа без какого бы то ни было предупреждения сбрасывают со счетов.

А потом какой-то коварный маленький поганец с кровожадным блеском в глазах и дурацкой улыбкой на лице посреди ночи забирается к тебе в дом, а твой мир как ни в чем не бывало продолжает скатываться по смазанному шесту жизни в... в дерьмо.

– Нет уж, – прошептала Эмили с хмельной смесью злости и страха.

Все разом навалилось на нее в эту минуту, когда она стояла, прижавшись спиной к стене спальни, готовая уловить малейший звук. Но никаких звуков не было. Ни топота чьих-то ног внизу, ни скрипа ступеней, ни далекого воя полицейских сирен. В какой-то миг ей даже показалось, что она психанула на ровном месте. Может быть, никого и не было. Какой-нибудь местный бродяга запустил в стену дома яйцом, или ее сумочка соскользнула с края стула, где она, как ей казалось, устойчиво ее примостила.

Это было то, во что ей хотелось верить.

Потом она ощутила во рту привкус меди и поняла, что до крови прикусила губу. Эмили заплакала, сама не понимая почему. Она злилась, ей было страшно, но причину плача она не понимала.

Она быстро утерла слезы. Барабанные перепонки пульсировали в такт ее учащенному сердцебиению. Она бесшумно развернулась и чуть-чуть высунулась из-за двери, чтобы выглянуть в коридор.

Пусто. В коридоре никого. Никого, насколько она могла видеть, и на лестнице. Решение было принято, и ее тело начало движение еще до того, как она поняла, что делает. Эмили беззвучно прошла по коридору в комнату Натана. Ее глаза перебегали с места на место, разглядывая игрушки в поисках одного предмета, играть которым, по ее убеждению, Натану было еще рано, когда Томас принес его в дом. И она оказалась права. Вещь оказалась слишком тяжелой для мальчика. По крайней мере, пока. Но Натан не позволил Эмили отправить ее в подвал до лучших времен. Он настоял, чтобы она осталась в его комнате.

Она стояла у стены рядом с книжным шкафом Натана Эмили протянула руку и нащупала рукоять, зов потом закинула классическую деревянную бейсбольную биту на плечо.

В коридоре скрипнула ступенька. Третья сверху. Эмили без труда узнала этот звук. Эта ступенька скрипела, еще когда Рэнделлы только въехали в этот дом.

Она едва не взвизгнула от страха, но спохватилась. Постояла некоторое время, пытаясь успокоиться и унять сердцебиение, такое отчаянное, что сердце, казалось, готово было разорваться в груди. Потом перебросила светлые волосы за левое плечо и подобралась к стене комнаты. На мгновение она отразилась в зеркале над письменным столом Натана, и глаза ее расширились при виде того, как нелепо она выглядит. На ней была майка со смешным птенцом и трусики, и больше ничего. С битой через плечо она выглядела абсурдно.

Почему-то это лишь вселило в нее еще больший страх.

Она чувствовала его. Там, в коридоре, совсем близко. Прижавшись спиной к стене, она встала у самой двери и стала ждать, когда незванный гость переступит порог комнаты Натана. Из ее спальни неслось бормотание телевизора, и на миг она отвлеклась. Потом попыталась прислушаться к тому, что могло скрываться за этим звуком. Это, разумеется, было безумие. Она не могла услышать, как он дышит или что-нибудь еще.

Потом, словно по сигналу, она получила доказательство того, что ошибается. В коридоре рядом с комнатой Натана, возможно, как она подозревала, даже у входа в ее собственную комнату, кто-то захихикал. Негромкий смешок, но он все звучал и звучал. Это был не телевизор. Смешок был реальным, совсем близким и пугающим. Ей показалось, что ее вот-вот вырвет, но, когда хихиканье прекратилось, Эмили резко вскочила, распрямилась, готовая опустить биту на голову того, кто переступит порог комнаты.

Когда она выпрямилась, бита легонько ударила в стену у нее за спиной. Эмили крепко зажмурилась, выдавила несколько последних слезинок и затаила дыхание. Она наверняка выдала себя, обнаружила свое укрытие перед каким-то психом, по-настоящему наслаждающимся трепетом и ужасом, которые навел на нее.

На пороге темной спальни Натана, где единственным освещением был серый свет из окна, внезапно появился незванный гость. Он вошел напрямиком в комнату, никуда не сворачивая. Невысокий, но худой, и Эмили различила у него на лице растительность, что-то вроде густой бороды или чего-то подобного. А само лицо... это лицо было таким странным... и двигался он тоже странно, чуть горбясь. Она не слишком хорошо его видела, но он казался каким-то... не вполне нормальным, и от этого еще более страшным.

У Эмили кончился воздух. Ей необходимо было вздохнуть, и она позволила себе сделать короткий, резкий вдох.

Он обернулся.

Собственный вскрик показался Эмили ревом. Она изо всех сил взмахнула битой – так сильно, что даже потянула бицепс на правой руке. Деревянная бита с треском обрушилась на его лоб, расколов его пополам. Голова незваного гостя откинулась назад, он завопил от боли, как раненый пес, полетел навзничь и грохнулся на письменный стол Натана.

В темной комнате она лишь смутно различала его силуэт: он встал на четвереньки и попытался подняться на ноги. На мгновение она заколебалась. Ее тело, казалось, убеждало ее спастись, выскочить в коридор, сбежать по лестнице, а оттуда... но нет, он ее поймает. Эмили заставила себя двинуться на него, снова занесла биту. Незванный гость все никак не мог подняться, изо рта у него вырвался рык. Эмили вспомнился доберман, который жил по соседству, когда она была девочкой. Опасный, злобный пес. Рык был в точности такой же.

Вскрикнув, Эмили с силой опустила биту, не обращая внимания на острую боль, иголками пронзившую бицепс там, где она уже потянула мышцу.

Не поднимая головы, незнакомец взмахнул рукой и перехватил биту на полпути. Ей показалось, она услышала треск костей в его руке, и его рев стал громче. Незванный гость вырвал биту у нее из руки и быстро, без малейших усилий, встал.

Эмили застыла столбом при виде того, как этот... «зверь» было единственное слово, которое пришло ей на ум... развернулся к ней спиной. Рык утих, теперь он негромко ворчал.

– Не делай этого, – сказал он; голос у него оказался выше, не такой свирепый и более мальчишеский, чем она могла себе представить.

С этими словами он поднял биту и, замахнувшись так стремительно, что она едва уловила его движение, разбил окно. От удара биты сетка вылетела и беззвучно упала на

газон под окном. С полдюжины крупных стеклянных осколков отскочили от сетки и приземлились на полу в комнате. Все остальное стекло градом посыпалось на траву.

Незнакомец разразился смехом, хриплым кудахтаньем, не похожим ни на что.

Он бросил битую на пол, постоял немного, а потом ринулся в разбитое окно. Эмили завизжала. От земли их отделяло два этажа. Она бросилась к окну, но за эти драгоценные секунды он уже приземлился и уже был на ногах, мчался по газону так быстро, как она никогда в жизни еще не видела, чтобы человек бегал.

Никогда.

– О господи, – прошептала Эмили.

Голубые полицейские мигалки возвестили о бесшумном прибытии двух патрульных машин. С широко распахнутыми от только что пережитого потрясения глазами она спустилась встретить их.

В тот миг, когда она отпирала входную дверь, в голове у нее промелькнула мысль, что она, быть может, просто не очнулась от сна, который теперь превратился в кошмар. Может быть, все это дурной сон, подумала она почти истерически. Натан. Томас. Незнакомец. Все вместе.

Эта мысль принесла блаженство.

Потом она снова ощутила во рту привкус крови от прокушенной губы, и действительность незамедлительно навалилась обратно. Беспощадно.

На поляне в сердце Обманного леса, где горела синим огнем пирамида из крупных камней, возвышался исполинский дуб. В ветвях дерева сидел маленький дракончик по имени Смычок. Он с ужасом взирал на то, как генерал Арахисовое Масло, союзником которого он теперь стал, поднял меч на саму Королеву леса.

Это было святотатство.

Генерал призывал Смычка поддержать его в бою, но дракон не шелухнулся. Не мог шелухнуться. Она ведь Королева, и если она хочет их смерти, так тому и быть. Дракончик заплакал, и из ноздрей его закурился дым. Генерал снова крикнул, призывая его на помощь, а Смычок бездействовал.

Генерал Арахисовое Масло истекал кровью.

Сквозь густые завитки тягучего арахисового масла в том месте, где его разодрали острые деревянные когти Королевы леса, сочилась кровь. Над его телом с жужжанием кружили пчелы, взволнованные и растревоженные, поднявшиеся со своего места в начале стычки. Генерал сделал глубокий вдох и на миг замер, ожидая, когда арахисовое масло затянет раны. Мгновение спустя оно покрыло их, прохладное и целительное. Но боль никуда не ушла, и ему оставалось лишь гадать, унялось или нет кровотечение глубоко внутри.

Позади него каменная пирамида пылала голубым огнем. Впереди гневно щерилась Королева, прижимаясь спиной к дереву, которое было ее домом. Он посмотрел на нее, заметил местечко, где лезвие его меча смахнуло с ее правой груди кусочек коры, оставив глубокую засечку в дереве под ней, но явно не причинив никакого серьезного вреда.

– Своей самонадеянностью ты оскорбляешь лес, – процедила Королева леса. – Даже пчелы покидают тебя теперь.

И это было правдой, он тоже заметил. Одна за другой, потом небольшими роями пчелы потянулись от генерала в заросли. Они знали что-то такое, что он отказывался признавать.

Ему не следовало здесь находиться. Совсем не следовало. То, что он ступил на эту поляну не по собственной воле, значило очень мало, чтобы не сказать совсем ничего. Королева не потерпит ни его присутствия, ни его поиска, а генерал не может позволить дать себя остановить или даже задержать ни на миг сверх необходимого.

Он скорее умрет, чем позволит помешать ему спасти Натана.

Едва эта решимость выковалась у него в душе, как в сознании его окрепла еще одна мысль. Он посмотрел в белые сверкающие глаза Королевы и понял, что ему не миновать смерти.

– Смычок! – крикнул он. – Дракон, лети ко мне! Пока еще не поздно!

На краю поляны окружившие ее кольцом древесные нимфы с горящими красными глазами подняли взволнованный щебет, потом шархнулись от страха, когда взгляд Королевы уперся в них. Но Смычок не отозвался.

– Тогда иди же ко мне, моя Королева, – сказал генерал, с отточенной небрежностью взмахнув мечом. – Давай покончим с этим.

Ее тело покрывали громадные шипы. Ее когти из дерева были острыми, как бритвы. Ее волосы из ивовых лоз шевелились словно по собственной воле, хлестали из стороны в сторону, точно хвост скорпиона, готовящегося ударить. Королева леса распрямилась во весь рост, семь футов с лишним, и улыбнулась генералу Арахисовое Масло. На мгновение он замер, упиваясь ее красотой. Ибо она, без сомнения, была самым соблазнительным существом, чья нога когда-либо ступала на землю Обманного леса. Она ведь была Королева.

Теперь ее первобытное состояние, ее нагота влекли его. Но генерал побывал в слишком многих сражениях, бился в слишком многих бессмысленных войнах, чтобы надолго отвлечься от своей задачи. Эта война велась за нечто куда более ценное для него, нежели патриотизм или политика – и даже сама жизнь.

Крякнув и замолчав, генерал двинулся на Королеву, держа перед собой сбоку занесенный меч и сжимая рукоятку обеими руками. Королева легко скользнула от него влево и тогда бросилась на него, выставив когти и полосуя ими воздух, как будто драла самого генерала. Блеснув в голубом пламени и рыжем свете звезд, его меч просвистел и проскользнул между пальцев левой руки Королевы. Ее рука раскололась пополам, и два деревянных когтя, отрубленные, упали на землю и в считанные секунды съежились.

Но потеря двух пальцев едва ли замедлила ее наступление. Правая рука Королевы стиснула руку генерала. Ее волосы устремились вперед, вытянули меч из его пальцев и отбросили его на траву. Генерал попытался отбиться от нее и рассадил правую руку об огромный шип.

Тогда Королева заключила его в объятия. Шипы пронзили арахисовое масло и то, что скрывалось под ним. Генерал мгновенно почувствовал слабость и задумался, то ли это шипы ядовитые, то ли ему просто слишком сильно досталось. Тогда Королева леса обхватила его пальцами левой руки и сунула ему под нос изуродованную правую. На месте отрубленных пальцев уже начинали пробиваться молоденькие зеленые побеги.

Потом она убрала раненую руку, пальцы ее распрямились и затвердели, и она с силой, словно снаряд, вогнула их прямо генералу в грудь. Затрещали ребра. Внутренние органы были пробиты.

Генерал Арахисовое Масло протяжно охнул от отчаяния, боли и одиночества, и Королева леса отпихнула его. Он рухнул в голубое пламя, и арахисовое масло, покрывавшее его, начало плавиться и побулькивать.

Генерал выкатился из огня и лежал, едва дыша, на жесткой траве, которой заросла поляна. Он ждал смертельного удара, ослепленный болью от ожогов и ран. Вместо этого миг спустя он услышал аплодисменты.

Королева леса заговорила.

– Ты бросаешь мне вызов? – осведомилась она голосом, полным ярости и досады. И генерал вдруг понял, что она обращается не к нему.

– Разве это не чудное зрелище? – прорычал знакомый голос. – Ты сделала за меня мою работу, и я пришшел посмотреть. Прекрасно, проссто прекрасно. Рад видеть, что ты заняла верную сторону во всем этом деле.

Секунду или две Королева молчала. Потом ее голос раздался, но не из одной точки. Он исходил от самих деревьев, от леса, шепот, который немедленно сказал бы любому здравомыслящему человеку: сейчас прольется кровь.

– У меня нет союзников, только подданные. Я здесь не для твоего удовольствия. Ты заплатишь за это, как заплатил твой враг.

Теперь кровотечение у генерала было по-настоящему сильным. Арахисовое масло исцеляло его, но обожженная кожа поддавалась лечению не так хорошо. Это замедляло исцеление, быть может, слишком сильно. Там, где остались следы шипов, выступало новое арахисовое масло и затягивало раны. Но там, где Королева вонзила в него пальцы, пробила грудь... дела обстояли далеко не так хорошо. И все же генерал исхитрился отползти подальше от синего огня и кое-как усесться, чтобы видеть битву, которая должна была вот-вот разразиться. Видеть еще одно существо, у которого хватило глупости сунуться в логово Королевы, – только он сделал это намеренно, не принимая ее в расчет.

Генерал поднял глаза и увидел, что они стоят друг против друга. Королева леса и Боб Долгозуб, саблезубый тигрочеловек. Мех у него сваялся, на когтях и на губах запеклась кровь. Он прожил в лесу по меньшей мере одну ночь. Глаза его горели злобой и озорством.

– Я здессь не затем, чтобы драться с тобой, моя Королева, – прорычал Долгозуб. – Лишьшь для того, чтобы убедиться, что генерал и его това-рищи никогда не доберутся до своей цели.

«Товарищи, – подумал генерал. – Вот тебе и Смычок». В глазах у него начало понемногу темнеть, или, подумал он, возможно, это голубой огонь над грудой камней начал угасать. Он предпочел бы последний вариант, хотя и понимал, что эта возможность, скорее всего, была сугубо вымышленной.

Королева леса прорычала Долгозубу что-то практически нечленораздельное. Это явно был вызов. Долгозуб расхохотался.

– Мой хозяин – шшшакал Фонарь, дамочка, – нахально заявил тигрочеловек.

– Я убила генерала за кощунство, Роберт Долгозубый, – четко произнесла Королева леса, выпрямляясь в полный рост, и на ее ивовых волосах сами собой выступили шипы. Теперь каждая прядь напоминала скорее терновник, чем ивняк. – Но генерал не из нашего леса, тигренок. Ты – дело иное, и потому я дам тебе последний шанс склониться передо мной и присягнуть на верность своей Королеве, перед тем как сдеру с тебя шкуру и плоть.

Генерал лежал на боку всего в ярде с небольшим от своего меча. Ему хотелось бы заполучить его снова, но боль в животе делала невыносимо мучительной одну мысль о том, чтобы шевельнуться. Мысли его начали разбредаться, утратили фокус, но он все еще смотрел на Долгозуба и Королеву. Тигрочеловек издал рык, негромкий и низкий, расправил грудь и выглядел теперь таким свирепым, каким и привык генерал его видеть. Желтые глаза

вспыхнули в синем свете костра, и он сделал несколько шагов в сторону, не сводя глаз с Королевы.

– Предупреждаю тебя, Роберт. Я играла с тобой, когда ты был тигренком, но я выпущу тебе кишки без всякой жалости, если ты...

Долгозуб зарычал. Зашипел на нее.

– Заткни свою гнилую пасть, глупая ссестра. Пораженная, Королева замерла. Колючие ветви, свисавшие с ее головы, на миг безжизненно повисли вдоль спины. Она взглянула на Долгозуба с изумлением.

– Ты – всего лишь тупоголовая древесная нимфа, лесная шлюха, у которой еслишшком много сосислы и мания величия. С тех пор, как Наш Мальчик заключил тебя в этот круг, ты стала просто валежником! Это ты-то Королева леса? Ха-ха, насмешила! Королева этого круга, да, может быть. Пятачок земли, несколько горящих булыжников и большой дуб. Да половина обитателей леса думать о тебе забыла, старая гнилушка Чахлый кусстик. Шакал Фонарь даже не подумал позвать тебя на помощь, потому что толку от тебя ноль.

Генерал был ошеломлен не меньше, чем, судя по ее виду, Королева. В лесу вокруг поляны древесные нимфы щебетали, похоже, ведя какой-то разговор. Видимо, они тоже были поражены, потому что это они пропустили Долгозуба на поляну, а он взял и бросил вызов их Королеве. Но, возможно, после всего произошедшего, после всего того страха, который она им внушила, нимфы сами не знали, как им реагировать.

Эта мысль промелькнула у генерала, когда Королева леса закричала. Казалось, это был крик боли, чудовищной муки. Настоящий крик дерева, поваленного дерева, которое, хлеща и вспарывая воздух ветвями, падало на лесной ковер. Вот какой звук вырвался у нее, когда она набросилась на Боба Долгозуба с такой яростью, ничего подобного которой генерал не видел ни разу в жизни. Она была вне себя.

Что, насколько генерал понимал, стало единственной причиной, которая позволила Долгозубу так растерзать ее. Он метил ей в лицо. Зеленое и нежное, как молодой росток, что пробивается сквозь землю после того, как выпал последний снег перед победным наступлением весны. Это было ее гордостью, он знал это. Ее нежное лицо.

Долгозуб когтями содрал половину лица королевы. Один глаз лопнул, расплескивая клейкую живицу. И тогда она набросилась на него, оплетая его колючими прядями волос, когтями раздирая шкуру. Показалась кровь.

А генерал все смотрел, слабея. Умирая. И тут на кончик его носа опустилась пчела. Вот так просто, весь рой вернулся. Они облепили его. Заполнили его. Они пробивались в полость в его животе, набивая ее арахисовым маслом, действуя так, как могли бы действовать с медом и ткань его тела, его липкая и сладкая плоть отозвалась. Арахисовое масло текло по нему, затягивая рану в его животе, замуровывая пчел внутри, чтобы они жужжали там вечно, вернее, так долго, сколько им удастся поддерживать в нем жизнь.

Генерал с трудом поднялся на колени. Он протянул руку, щупальце арахисового масла вытянулось и обвилось вокруг рукоятки меча – и он, сверкнув, пролетел по воздуху и уютно улегся в его ладонь. Он поднялся и занес меч.

Боб Долгозуб вырвался и с криком побежал с поляны, истекая кровью, спотыкаясь и бранясь слабым голосом. Древесные нимфы полетели вслед за ним, и генерал с нехорошей улыбкой вознес небольшую молитву за гибель саблезубого.

Королева развернулась, увидела поднявшегося генерала и нахмурила ободранное лицо.

Теперь она была взбешена до безумия. Ее когти начали удлиняться, обрастать шипами, пока не стали напоминать зазубренные щупальца. Генерал подумал об отступлении. Не было никакого смысла продолжать этот бой. Теперь, когда древесные нимфы убрались прочь, он может продолжить путь к крепости старины Шака, чтобы найти Натана и спасти мальчика.

Держа перед собой меч, генерал начал отступать во всю прыть. Он обогнул пылающую синюю пирамиду, охваченную пламенем груды камней. Жар болезненно отозвался в том месте, которое уже было обожжено, но он не обратил внимания на неприятное ощущение. Другого выхода не было. На него надвигалась Королева.

Ее длинные пальцы, словно змеи, вились впереди нее, тянулись к нему. Генерал отрубил одно щупальце. Потом развернулся и бросился к краю поляны. Колочие ветви обвили вокруг его ног. Врезаясь. Сокрушая.

– Нет! – яростно крикнул он. – Только не сейчас.

Голова, плечи и руки генерала находились за границей поляны. Но даже теперь она тянула его назад. Им начало овладевать отчаяние. Пчелы в груди у него на мгновение утихи. Он перестал слышать жужжание и подумал, что они каким-то образом снова бросили его. Но нет, он ощущал, как они копошатся внутри, на его ребрах.

– Нет! – взревел он. – Моя Королева, вы не ведаете, что творите! Если я не спасу Натана, Обманный лес может погибнуть навеки! Неужели вы не понимаете? Наш Мальчик сотрет нас в порошок, из мести или просто с горя! Мы можем кануть в небытие!

Но Королева его не слушала. Она тащила его обратно, на поляну.

Королева не слушала.

Слушал кто-то другой.

На вершине дерева раздался звук, совершенно неуместный посреди всего этого кошмара, похожий на перебор струн арфы и перезвон колокольчиков, плач скрипки и пианино, и генерал, обернувшись, задрал голову и увидел, как дракон Смычок спикировал на поляну. В голубом огне его оранжевое брюшко отливало пурпурно-красным, зеленая кожа казалась черной. Но генерал не спутал бы его ни с кем другим.

Дракон налетел на Королеву леса. Ее терновые ветви-волосы облаком взвились над головой, потянулись к его хлопающим крылышкам. Смычок открыл пасть, и из его глотки вырвался язык пламени, рыжий и потрескивающий. Он дотла спалил ей волосы, прежде чем добрался до обезображенного лица. Смычок полетел дальше, мимо Королевы, а она вся занялась огнем, пламя алчно пожирало ее тело.

Королева леса дико закричала от боли и сдалась.

Ее объял огонь.

Несколько секунд спустя, когда Смычок снова устроился у генерала Арахисовое Масло на плече, от нее осталась лишь свежая, влажная обугливающаяся зелень неповрежденной половины лица. Она была слишком зеленой, слишком юной, чтобы гореть так быстро. Но в конце концов от нее останутся лишь угли.

Смычок заплакал огненными слезинками.

Генерал зашагал прочь с поляны, точно и прямо по тропке, которая вела к реке Вверх и крепости на другом ее берегу. Дракон печально фыркнул.

– Ты сделал то, что должен был, чтобы спасти лес, – сказал генерал, непривычный к роли утешителя. Ему нелегко пришлось сначала с Натаном, а теперь вот с драконом... Генерал никогда не был особенно сострадательным человеком. Даже когда его собственные ребята были маленькими, он редко целовал их царапины или утешал в их горестях.

– Я убил Сердце леса, – отозвался Смычок.

– Лес не смог бы жить без сердца, – заверил его генерал. – Возможно, из-за этого и весь сыр-бор. Раньше я думал, что Сердце леса – Наш Мальчик, в своем роде. Но теперь я задумываюсь, не перешло ли все это к Натану.

Они еще некоторое время шли по лесу, прежде чем дракон снова подал голос.

– Думаешь, мы погибнем? – спросил он наконец. – В этой битве, я имею в виду. Шакал Фонарь очень свиреп, ты же знаешь.

– Может быть, – ответил генерал – Такова природа войны. Ты боишься?

Дракон, казалось, едва не рассмеялся и слегка растопырил крылышки. Музыка больше не казалась нежной, она походила скорее на похоронную песнь.

– Раньше я боялся боли, но не боялся умирать, – рассудительно сказал Смычок. – Я думал, что тогда я буду со своими родителями. Теперь боль не внушает мне страха. Я утратил чувствительность. Но смерть... смерть страшит меня. Я не знаю, что лежит за лесом для того, кто проклят. А ты?

Теперь настала очередь генерала умолкнуть. Он прошел несколько ярдов с драконом на плече, потом на секунду остановился. И повернул шею так, что оказался с драконом глаза в глаза.

– Мы выясним это вместе, друг мой, – сказал генерал Арахисовое Масло.

Так, вместе, они зашагали дальше.

Когда Уолт Сарбекер подъехал к дому Эмили в Тарритауне, была половина девятого утра. Он не успел даже заскочить на работу. В семь с небольшим ему позвонил помощник с рассказом о преступнике, который забрался в дом Эмили Рэнделл этой ночью. Помощник не видел никакой связи, но дамочка Рэнделл спрашивала об Уолте.

Перед тем как подняться на крыльцо, он обошел дом, чтобы взглянуть на разбитое окно второго этажа. Дождь, который лил несколько дней, закончился, ярко сияло солнце, небо голубело над головой, дул приятный ветерок. Уолту на миг захотелось на пляж – как здорово было бы оказаться там сейчас с Дженни и их сынишкой Алексом. Весной он купил сыну нового воздушного змея, с динозаврами, и они запускали его при каждом удобном случае.

Потом он снова вспомнил сына Эмили Рэнделл на больничной койке, и сердце у него сжалось. На этой поганой работе сердце у него сжималось каждый божий день.

Раздраженно вздохнув, Уолт провел рукой по тронутым сединой волосам и направился обратно к переднему крыльцу. Он был удивлен, что плотники до сих пор не появились, чтобы вставить стекло, и мысленно положил себе отыскать их для миссис Рэнделл, если ей понадобится помощь.

Он поднялся по ступенькам на крыльцо, позвонил в дверь и принялся терпеливо ждать, сжимая в руке пакет из «Данкин донатс». Два стакана с кофе, черным. Если она предпочитает с сахаром и сливками, может добавить их сама.

Но, когда дверь открылась и Уолт увидел выражение лица бедной женщины, он разом позабыл про кофе. Он искал в памяти слово, которое обозначало бы это бледное лицо и пустые глаза, потерянный и пронизывающий взгляд. И он нашел это слово. У Эмили Рэнделл был такой вид, как будто она увидела привидение. Как будто все призраки ее жизни явились к ней этой ночью, и теперь она едва ли была в силах поверить, что днем к ней не явится новый дух.

– Миссис Рэнделл, вы меня помните? – спросил он ее. – Детектив Сарбекер.

Ее глаза на миг просветлели, и она открыла дверь шире.

– Да, детектив. Спасибо, что пришли так быстро. Мне... мне нужно поговорить с вами.

Она бросила мимолетный взгляд на пакет из «Данкин донатс», и Уолт почувствовал себя очень неловко, почти по-дурацки, из-за того, что держит его в руках. Он поднял его, чуть ли не всучил ей.

– Я принес нам кофе, – неуклюже пояснил он. – Подумал, после потрясения, которое вы пережили ночью, вам не помешает чашечка кофе.

Миссис Рэнделл отважно попыталась изобразить улыбку и попытка ее с треском провалилась.

– Думаю, кофе мне уже не поможет, детектив. Но все равно спасибо за заботу.

Она развернулась и пошла в дом, ее уязвимый и поруганный дом, и Уолту не оставалось ничего другого, как закрыть дверь и последовать за ней. В гостиной она уселась на диван и жестом пригласила его садиться в кресло напротив.

– Я думаю, мой бывший муж был прав, – начала она без предисловий. – Думаю, в самом деле существует преследователь, помешанный на «Обманном лесе», и я считаю, что это он виноват в том, что случилось с Натаном и с Томасом.

Уолт ощутил, как его охватила грусть, но попытался не выказать ее.

– Прежде чем мы перейдем к этому, миссис Рэнделл...

– Зовите меня Эмили.

– Эмили. Прежде чем мы перейдем к этому, я хотел бы услышать ваш рассказ о прошлой ночи. Я знаю, что вы уже дали показания, но я хотел бы услышать все это непосредственно от вас, если не возражаете. Все, что помните.

Она заморгала, помолчала, а потом изложила ему, с начала и до конца, ее версию событий этого утра. Из всей истории Уолт не слышал только о том, что случилось накануне утром в квартире мужчины, с которым она встречалась. Судя по ее тону, она ожидала, что он осуждающе отнесется к этим отношениям, но Уолт не сказал ни слова. И потом, была еще ее уверенность в том, что ее кто-то преследует.

– Я знаю, это покажется паранойей, – сказала она – Может быть, так оно и есть. Может быть, мне следовало бы обратиться к врачу. Но в этом деле слишком много совпадений.

Уолт согласился. Но не мог не задаться вопросом, не существуют ли некоторые из этих совпадений лишь в ее воображении. Впрочем, вслух он говорить об этом не стал. Ни к чему волновать женщину.

– Ну? – осведомилась она. – Что скажете?

Уолт неторопливо отпил кофе, потом склонился вперед и заставил женщину встретиться с ним взглядом.

– Буду откровенен с вами, Эмили, – сказал он. Однако он кривил душой. Он намеревался быть откровенным ровно в той степени, которую, по его мнению, она могла воспринять.

– Уж пожалуйста, – ответила она чуть вызывающе.

– Наша следственная бригада, которая побывала здесь сегодня утром, собрала образцы волос и крови, а также отпечатки пальцев. Если этого малого хотя бы раз задерживали за что-нибудь, где угодно в свободном мире, мы сумеем установить его личность. Если же нет, у нас нет ни единого шанса, если он больше не покажется.

Эмили хмуро усмехнулась:

– Он покажется, детектив.

– Зовите меня Уолт, – предложил Сарбекер. – В настоящий момент все, что мы можем для вас сделать, это регулярно патрулировать окрестности вашего дома на машине и уведомить больничную охрану, что вам может грозить опасность, чтобы они приглядывали за вами, когда вы там.

Лицо Эмили недвусмысленно отразило страдание. В глубине души Уолт ощутил какой-то отклик.

После того, что эта бедняжка так недавно пережила, он начал чувствовать острую необходимость сделать что-нибудь, чтобы она больше не страдала.

Уолт Сарбекер был не из тех, кто принимает каждое дело близко к сердцу. Вообще говоря, до сих пор все именно так и было. Но он ведь живой человек, а эта женщина уже потеряла так много.

– Что касается вашей теории, – сообщил он ей, – я разговаривал с докторами о вашем бывшем муже и вашем сыне. В обоих случаях ничто не указывает на попытку убийства. Скорее всего, это просто была попытка совершения кражи, и этот малый больше не вернется. Но если даже существует некий преследователь, у которого бзик на произведениях вашего бывшего мужа, он не имеет никакого отношения к тому, что произошло с мистером Рэнделлом и Натаном. Прошу прощения, если вам от этого только тяжелее. Но никакой связи просто нет. С другой стороны... – Уолт умолк, поняв, что он уходит от темы, и покачал головой.

– Что? – спросила Эмили.

– Ничего. Ничего относящегося к делу.

– Что? – повторила она снова, на этот раз настойчиво.

Уолт пожал плечами.

– Ну, если верить доктору Гершманну, между состоянием Томаса и Натана определенно существует какая-то связь. Что-то там такое с мозговой активностью.

Глаза женщины расширились.

– Но... они же сказали мне, что нет ничего общего. Они... – Она впиалась взглядом в Уолта. – Послушайте, детектив, эти врачи ни черта не понимают. Здесь что-то происходит. Они не знают, почему Натан не очнулся. Теперь появилась какая-то связь с тем, что произошло с Томасом...

– Ваш бывший муж пытался покончить с собой, Эмили, – без обиняков сказал Уолт.

Женщина вздрогнула, и ему стало тошно.

– Извините, – сказал он. – Но это правда.

– Возможно, – ответила она. – Но за всю свою жизнь Томас Рэнделл ни разу ничего не бросил на полпути. Не могу себе представить, чтобы он провалил такое простое дело, как самоубийство.

– Медицинские курьезы вам придется обсуждать с доктором Кардифф или с доктором Гершманном, – сказал он, пытаясь взять разговор в свои руки. – Я здесь затем, чтобы сообщить вам, что, в каком бы состоянии они ни находились, это не имеет отношения к тому, что произошло здесь сегодня утром.

Эмили посмотрела на него долгим взглядом, потом со вздохом уронила голову.

– Я понимаю, что вы, наверное, правы. Не так. Я понимаю, что вы правы. Но просто... вся логика в мире не может отменить того, что все это ужасно странно. У меня такое ощущение, как будто, несмотря на весь кошмар произошедшего, все это часть чего-то другого. Как будто должно случиться что-то по-настоящему ужасное, а я ничего не могу с

этим поделаться.

Уолт открыл рот, снова закрыл его. Ответить на это ему было нечего.

Ворчун стоял в коридоре перед каморкой Натана в холодном, насквозь продуваемом каменном мешке крепости шакала Фонаря. Даже из-за двери он слышал негромкое похрапывание мальчика. Так аккуратно, как только мог, он отпер дверь и приоткрыл ее. Гном в полосатом костюме вступил в клетушку и отметил, как странно потяжелели пистолеты, которые он носил под мышками. Инструменты смерти, вот что они такое. И всегда были. Но теперь они почему-то стали ему чужими.

На грязном одеяле, дрожа от пронизывающего холода влажных стен, спал Натан. Его голое тело покрывали темные воспаленные багровые и черные синяки. Кровь запеклась под носом, а на одеяле под ним краснело свежее пятно, источника которого Ворчун разглядеть не смог. Мальчик хрипло закашлялся во сне, изо рта у него показалась кровь, потекла вниз по щеке.

С холодным, как каменные стены крепости, рассудком и сердцем Ворчун вышел в коридор и принес тяжелое меховое одеяло, которое позаимствовал из своих покоев. Быстро оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, он вернулся в каморку мальчика и закутал его в одеяло.

От духа, исходившего от Натана, Ворчуна едва не вывернуло. Кровь, грязь и болезнь были составными частями этого запаха. Но присутствовало и еще что-то. Что-то более мрачное. Что-то такое, что должно было очень скоро появиться – появиться, чтобы забрать ребенка отсюда, спасти его, так как сам Ворчун Натана спасти не мог.

Гном поглядел на него, на нежное, нездоровое, страдальческое лицо мальчугана, которому не исполнилось еще и шести. Он был всего лишь мальчик.

– Прости, Натан, – прошептал он. – Меня придумывали не таким.

Во сне тело Натана скрутила судорога, и по его лицу пробежала осмысленная рябь.

– Папочка, – плаксиво прошептал мальчик. Затем его лицо снова разгладилось, и он опять впал в забытье.

Ворчун посмотрел на него еще немного, не в силах вымолвить ни слова, потом оставил Натана наедине с его болезнью и с его каморкой.

Но, подумал он, теперь мальчик хотя бы не замерзнет.

Лес поредел, и Томас с его спутниками вышли к реке Вверх. Здесь, на северо-востоке Обманного леса, к ней подступала блестящая песчаная ширь берега, и река несла свои воды более неспешно, чем в других местах своего извилистого пути вокруг леса.

Тилибом не любил песок. Он во всеуслышание жаловался на то, что песок скользит под подошвами и забивается между пальцев. Брауни тоже не испытывал радости. На движущихся песках не очень-то и спляшешь, если вздумается. Томас не обращал на их жалобы внимания. Колокольчик не в себе, а медведь не слишком-то настроен плясать, по крайней мере, с тех пор, как Томас появился в Обманном лесу.

У них полно других забот. С этими мыслями Томас зашагал по берегу к далеким Плешивым горам, и его спутники потянулись за ним, несмотря на ползучие пески. Далеко к югу небо над лесом начинало светлеть. Близился рассвет. Сейчас, как никогда, Томас был бы рад солнечным лучам.

Небо сегодня было лазурно-голубым, с желтыми и зелеными разводами – не то обрывки ползущих облаков, не то просто игра света. С реки тянуло холодком, и Томас поежился. Ему вспомнились его многочисленные прошлые путешествия сюда, наяву, как сейчас, и в снах, как это было многие годы. Он не помнил, чтобы когда-то прежде замерзал в Обманном лесу. Это был край, где неудобствам – настоящим неудобствам – не было места. Теперь все переменялось. Возможно, навсегда.

Во всяком случае, Томас понимал, что на самом деле воздух не столь уж и холодный. Там, откуда он пришел, где был его дом, все еще стоял жаркий и душный июль. В Обманном лесу, казалось, царил вечная осень. Пусть ранняя, но ровно тот ее миг, когда, несмотря на все очарование окружающего, воздух дышит предчувствием поры, которая наступит уже совсем скоро, и все начнет блекнуть и увядать; быстротечный миг, застывший навсегда. Во всяком случае, так он думал когда-то давным-давно. Похоже, «навсегда» – понятие не столь уж и непреходящее, как ему казалось.

Несколько часов они шли на запад по песчаному берегу широкой реки, огибавшей внешние границы Обманного леса. Хотя Томас ожидал, что мистер Тилибом будет постоянным источником плаксивых жалоб, колокольчик – если не считать звона его язычка – был странно тих. Наверное, подумал Томас, серьезность их положения наконец-то дошла до него, существа, всю расу которого уничтожил один пожар.

Один враг.

С этой мыслью Томас взглянул на лицо Тилибома, увидел в его глазах холодный блеск и понял, что маленький лиловый человечек, возможно, не так уж и не в себе, как ему казалось. Ведь жажда мести не обязательно порождает помрачение рассудка. После этого он стал относиться к Тилибому по-иному.

Вскоре берег стал довольно каменистым. Показался небольшой мол, вдающийся в воду, но никаких признаков кораблей. Равно как, обнаружил Томас, оглядев лес слева от них, никаких признаков жилья. Вообще никаких признаков жизни, если не считать этого мола.

Любопытно.

Миновав каменистую полосу, они завернули за поворот, и над ними, хотя и все так же далеко, нависли Плешивые горы. Томас на миг остановился, глядя на овеваемые всеми

ветрами вершины с ошеломляющей смесью чувств: страхом, гневом, предвкушением и глубокой, неисцелимой печалью, когда он в который раз спросил себя о том, как это все докатилось до такого состояния.

– Так вот они какие, – сказал Брауни и неуверенно сплясал небольшую джигу. В этом был определенный цинизм, даже сарказм, на который Томас не мог не отреагировать.

– Может, нам стоит отдохнуть несколько минут, прежде чем продолжать путь? – предложил он.

– И правда, – прозвенел Тилибом. – Мне не помешало бы помыться да и попить, если уж на то пошло.

Колокольчик поковылял к краю воды, непрерывно дилинькая на ходу. Не говоря худого слова, он просто прыгнул с берега в реку и камнем пошел ко дну. На поверхности с бульканьем лопнул большой воздушный пузырь, вырвавшийся из полого брюшка колокольчика.

– Пожалуй, и мне не помешало бы попить, – согласился Брауни, но даже когда он двинулся к берегу, взгляд его постоянно обращался к неприступным вершинам Плешивых гор.

Казалось, между ними установилась молчаливая связь. Безнадежное ощущение неотвратимой судьбы, которое заставило Томаса внезапно вскинуть глаза на гризли. По выражению на морде медведя Томас понял, что тот ощутил то же самое.

– Уже недолго, – хмуро сказал Брауни.

– Нет еще. Завтра к утру, думаю, – возразил Томас.

После этого ни один из них не проронил ни слова. Брауни припал к воде и начал пить. Томас снял ботинки, закатал штанины брюк и нерешительно опустил одну ногу в прохладу реки. Ноге стало холодно, но это было приятно, течение омывало крошечные волоски на коже, а ступня под водой ушла в песок. Всего в нескольких дюймах подальше от берега песок должен уступить место настоящему илу, он знал это. Вообще-то песка не должно было быть и здесь, но Томас никогда не задавался вопросом относительно чего-либо в Обманном лесу. Были определенные вещи, как, например, этот песок, которые показались ему неуместными еще тогда, когда он в самый первый раз побывал в этом странном месте.

Однако же он был. Томас ощущал его подошвами, совершенно реальный, что подтверждал каждый его нерв, каждый синапс. Ибо, несмотря на всю невероятность, Обманный лес был столь же реален, как и тот мир, в котором Томас появился на свет. Во многих отношениях, часто думалось ему, даже более реален. Более... он все никак не мог подобрать нужного слова, но в конце концов оно всплыло у него в памяти. Он был даже более *нормален*, чем его родной мир.

Прошло несколько минут с тех пор, как Тилибом ушел под воду, но Томас и Брауни не слишком беспокоились за него. Колокольчик не мог держаться на воде и определенно не мог плавать. Поэтому Томас и Брауни ничуть не удивились, когда услышали с берега немного дальше по течению трезвон – правда, несколько приглушенный, поскольку Тилибом слегка пропитался водой, – и, подняв головы, увидели, как колокольчик снова возвращается к ним. Несмотря на пузатость, полое тело колокольчика было вполне естественно подхвачено потоком и протащено вниз по течению, туда, откуда они пришли.

Колокольчик звякнул на каменной тропке, которую они пересекли незадолго до того, и приблизился, еще более мрачный, чем прежде. Раньше он вел себя дружелюбно, хотя и немного чудно. Теперь же, несмотря на освежающее купание, он, казалось, погрузился в

гневливое и подавленное состояние, из которого мог никогда не выйти. Он как будто кипятился, бурлил – не колокольчик, бомба готовая взорваться.

Это крайне встревожило Томаса. Такой спутник был опасен. Поведение Тилибома в будущем предсказать было невозможно.

Он взглянул на Брауни и услышал фыркающий смех, который исходил откуда-то из глубин медвежьего живота. Он тоже смотрел на приближающегося Тилибома Томас понял, что гризли ничего этого не видит, и ему стало не по себе. Да, Брауни его союзник. Они – товарищи по оружию. И Тилибом тоже должен быть его союзником. Но тот кошмар, который он пережил, превратил его скорее в обузу, чем во что-либо иное.

Пока они не дошли до крепости шакала Фонаря, придется решить, безопасно ли вообще брать Тилибома с собой. И может ли он рассчитывать на поддержку Брауни, если попытается отослать колокольчика прочь.

И все же, несмотря на помутившийся рассудок Тилибома, у них начало появляться какое-то чувство товарищества. Хотя Томас был еще совсем ребенком, когда впервые попал в Обманный лес, решения всегда принимал он, единственный среди них всех обладающий достаточной зрелостью, чтобы прислушаться к голосу разума. Это давало власть, но у него всегда было какое-то чувство утраты от того, что он занимает это положение. Как будто оно каким-то образом чего-то его лишало.

Тут же было нечто совершенно новое. Общая цель, которая теперь объединяла их, казалось, перечеркнула ничего не значащие прошлые годы. За эти годы Томасу не раз бывало одиноко. Писательство не способствует общению. Но, если не считать самых его сокровенных минут с Эмили, никогда и ни с кем еще он не чувствовал такой близости, как сейчас.

Несмотря на сомнения относительно Тилибома, он понимал, что ради жизни его сына и будущего Обманного леса они должны выстоять или пасть, жить или умереть вместе. Все было как сон. Единение настолько безупречное, что прежде он дважды усомнился бы в возможности его существования. Однако же оно существовало.

И едва только эта мысль полностью оформилась в его голове, песок под его ступнями вдруг пополз. Он взглянул на поверхность реки, которая омывала его босые ноги, – закатанные штанины уже дважды окунались в воду на дюйм или больше и теперь неприятно липли к коже, – но не заметил под водой никакого движения.

Песок и почва речного дна внезапно вспухли, заволновались под его подошвами, и Томас потерял равновесие. Он полетел назад, молотя в воздухе руками, и упал в реку там, где было глубже, лицом к берегу, так что успел заметить совершенно изумленное выражение на морде Брауни, прежде чем плюхнуться в холодную воду.

Река сомкнулась вокруг него. Хорошо хоть, ему удалось задержать дыхание. Но вода оглушила Томаса, и он ощущал какое-то зловещее давление на барабанные перепонки. В отличие от некоторых людей, он вполне уверенно чувствовал себя, ныряя с открытыми глазами, но падение разозлило, смутило и раздосадовало его.

Пока Томас пытался нащупать дно ногами, он взглянул под водой в сторону берега. Солнечные лучи проникали в реку на достаточную глубину, чтобы под поверхностью колыхалась золотистая рябь, но барахтанье Томаса взбаламутило ил, так что видно было немного. Но он сумел разглядеть нечто, вылезавшее из песка, с мощными клешнями и твердым голубым панцирем.

Голосом, который под водой казался скрежетом якоря по камню, Томас выругался:

– Черт.

Одним рывком он вытолкнул себя к поверхности и обнаружил, что, стоя на цыпочках, может высунуть лицо над водой.

– Песчаные крабы! – крикнул он.

Он совершенно позабыл об этих тварях. Глядя на выражение морды Брауни – веселье, стремительно сменившееся смятением, – Томас усомнился, слышал ли он вообще когда-нибудь об этих созданиях. Тилибом бежал по берегу к тому месту, где упал Томас, – где начал вылезать песчаный краб, – и все это происходило как во сне. Уши Томаса все еще находились под водой, поэтому, хотя он и видел, как колокольчик быстро ковыляет по песку, картина не сопровождалась звуком. От этого казалось, что берег находится где-то далеко.

Голубое пятно мелькнуло под водой, и Томас понял, что песчаный краб надвигается на него. Брауни взревел и прыгнул в воду, а Томас развернулся и нырнул в поток. Он почувствовал, как что-то попыталось поймать его за руку, крутанулся в воде и увидел, что еще один песчаный краб подобрался к нему сзади, пока он не видел.

Их было уже двое.

А будет больше.

Брауни всем телом нырнул в реку; голова, плечи и лапы исчезли под водой. Потом с плеском показался на поверхности, вытягивая из воды лязгающего клешнями и шипящего краба, который сбил Томаса с ног. Три его синие клешни щелкнули с опасной точностью, и одна из них сомкнулась на правой лапе Брауни, недалеко от плеча.

Гризли взревел, потом быстро развернулся, в два больших тяжелых шага очутился на берегу и оторвал песчаного краба от себя. Он вскинул его над головой и принялся безжалостно колотить о землю; панцирь затрещал, маленькие глазки выпучились, клешни щелкали, и вскоре от краба остались лишь красно-зеленые внутренности да осколки голубого панциря. К этому времени Томас уже взобрался на каменистую часть берега, где из земли не торчала ни одна крабья клешня. На камнях должно быть безопасно, решил он. Во всяком случае, нападение снизу не грозит.

– Тилибом! Брауни! Сюда! – крикнул он громко, и в ту же секунду краб, от которого ему удалось уплыть, высунул стебельчатые глаза из воды вместе с клешнями и принялся шевелить ими в его направлении.

Подбираясь к нему.

– Брауни! – снова крикнул Томас.

Но у гризли хватало своих забот. Песок у самого края воды заволновался, как будто земля собралась разверзнуться. По всему берегу из песка показалось несколько клешней, и Томас разглядел по меньшей мере еще двух песчаных крабов, которые выползали из воды на берег. Течение, казалось, не доставляло им ни малейших неудобств.

Везет же, подумал Томас. Они были к этому приспособлены.

Не колеблясь ни секунды, Томас огляделся вокруг и выбрал самый большой камень, поднять который, как он решил, будет ему под силу. Он обхватил его обеими руками, приподнял и, сгибаясь под тяжестью, с трудом двинулся по каменистому берегу туда, где начинался песок.

Тилибом впал в неистовство. Он стоял неподвижно и орал на крабов, и все его тело содрогалось так, что язычок молотил изнутри по животу – так громко, что Томас поморщился от боли. Но это помогло задержать крабов на какой-то миг. Ровно настолько, чтобы Томас успел приблизиться к ближайшему из них и сбросить камень.

Он разможил панцирь краба и придавил его к песку. Но в тот самый момент, когда Тилибом увидел Томаса и решил, что пора уходить, краб протянул дрожащую клешню и сомкнул ее вокруг ноги колокольчика. Томас понятия не имел, из чего Тилибом сделан – из фарфора или стали, – однако клешня не причинила ему особого вреда, если не считать небольшой царапины. Потом она упала на песок, и краб испустил дух.

Другие продолжали надвигаться.

Река с журчанием текла мимо как будто бы быстрее. Облака беспшашными ключьями неслись над головой, а легкий ветерок одинаково овеивал и невинных, и злодеев. Прекрасный день, чтобы умереть. Но Томас был исполнен решимости не покоряться.

– Брауни, давай сюда! – крикнул он гризли, который, несмотря на кровотечение из нескольких легких ран, одним вырывающимся крабом молотил другого. – Надо убираться отсюда, а не то убьют ко всем чертям!

Гризли поморщился, на мгновение отвлекся от крабов, потом отшвырнул двух в сторону. С тяжеловесной грацией мохнатого товарного поезда он помчался по песку к своим товарищам. В считанные секунды он очутился рядом с ними, окровавленный и вспотевший, несмотря на холодный ветер. А крабы надвигались на них по песку и по воде одновременно.

– Пожалуйста, постарайся не сквернословить, – попросил Томаса Брауни. – Это тебе не идет.

Томас посмотрел на гризли как на сумасшедшего, но понял, что Брауни вполне серьезен.

– Боюсь, теперь это мне идет, – сказал он грустно. – Мне уже не восемь лет.

– Думаю, нам всем это отлично известно, Томас, – огрызнулся Брауни.

На мгновение Томас опешил от того, что гризли назвал его настоящим именем вместо на первый взгляд более личного, но в действительности куда более формального прозвища, которым все его здесь звали. Но потом улыбнулся. Ведь разве это не был еще один пример той самой связи, о которой он размышлял в ту минуту, когда на них напали?

– Наш Мальчик! – крикнул Тилибом. – Берегись!

Томас вышел из мимолетной задумчивости в тот самый миг, когда песчаный краб попытался обойти его с востока.

– В лес? – спросил Брауни.

– Потеряем время, – заколебался Томас.

Едва он произнес эти слова, как послышался всплеск. Хотя Томас как раз нагнулся за следующим камнем и посоветовал остальным двоим сделать то же самое, он взглянул на реку. По волнам неслась плоская черная тварь. Еще одна показалась на поверхности. И еще одна, и еще, и вскоре уже ровно дюжина широких черных созданий скользила по воде.

– Смотри! – закричал Тилибом. – Ой, Наш Мальчик, смотри!

– Летучие манты, – прошептал Томас.

Память мгновенно вернула его в ту минуту в Филипс-Мэнор, когда он в одиночестве сидел на берегу Гудзона и увидел в воде одно из этих существ. Тогда он еще решил, что у него не все в порядке с головой.

Теперь он понимал – он подумал так только потому, что слишком много забыл. Утратил так много из того, что было жизненно важно для всего, чем он являлся, для всего, что имел. Обманчивый лес был для него в точности тем же, что сердце и душа, а он едва не потерял это все.

Манты со своими длинными, тонкими, похожими на хлысты жалящими хвостами

окружили крабов и атаковали. Брауни слегка отступил к лесу, до которого было ярдов тридцать или сорок, Томас не сдвинулся ни на дюйм, он знал, что манты не причинят зла. Летучие твари пришли им на помощь.

Через считанные секунды все крабы были перебиты или отползли в воду. Летучие манты стремительно пронесли по песку, потом развернулись и вернулись в реку, войдя в воду так аккуратно, как крючок у осторожного рыбака.

И исчезли.

Три товарища одиноко стояли на берегу, глядя, как мимо катится река Вверх. Долгие минуты спустя Томас повернулся к Брауни и ни слова не говоря принялся осматривать раны гризли. Их надо было промыть и перевязать, но серьезных среди них не было ни одной. Брауни ничто не грозило, разве что поболит немного.

Краешком глаза Томас заметил Плешивые горы, затмевающие западный край неба вдаль, и у него промелькнула чудовищная мысль. Вряд ли эти раны будут самыми страшными из тех, которые Брауни получит на этом пути.

Внезапно воздух огласил перезвон колокольцев и серебристых бубенчиков, и Томас застыл, а по лицу его медленно расплывалась улыбка. Брауни заворчал от удовольствия, а Тилибом открыл рот, чтобы завопить от радости по поводу их воссоединения.

– Наш Мальчик, Наш Мальчик, я знал, что ты придешь! – с ликованием воскликнул Смычок, и Томас ощутил, как в его сердце всколыхнулась любовь и надежда. Тогда как кое-кто из его друзей мог радоваться его присутствию потому, что им казалось, будто у него в руках находится ключ к будущему Обманного леса, Смычок, он знал это, искренне скучал по нему.

Он испытывал то же самое.

– Как здорово видеть тебя, дракончик! – сказал он громко, перекрывая музыку драконьих крылышек, и Смычок замахал ими медленнее и уселся на плечо к Брауни; его оранжевое брюшко стало чуточку побольше, чем Томас его помнил.

– А это что еще такое? – прорычал медведь, учуяв что-то в воздухе. – Ты ведь прилетел не один, верно, малыш?

После секундной заминки все обернулись и увидели человека, который стоял на опушке леса, не решаясь ступить на открытое место, заросшее невысокими кустиками, между деревьями и песком. Наконец человек заговорил.

– Этот малыш – настоящий храбрец, – сказал генерал Арахисовое Масло. – Я, вероятно был бы мертв, если бы не он.

Он очень осторожно вышел из леса и чуть прихрамывая двинулся по берегу реки к каменистому пятаку, на котором они сгрудились. Когда до них оставалось двадцать футов, он остановился, как будто ожидая приглашения присоединиться.

– Рад тебя видеть, Томас, – сказал генерал с нежностью в голосе, какой никто из них не слышал прежде, если судить по выражениям их лиц.

Томас прикусил губу, в душе у него сражались противоречивые чувства. Потом он вложил все эти чувства в два слова, сказанные севшим голосом.

Он сказал:

– Привет, пап.

Субботним утром солнце ярко светило в окно палаты Натана Рэнделла. Цветы, присланные из «Сентинел Софтвер», пахли чудесно: сладко, но не одуряюще. Они были

персикового оттенка, но Эмили не могла вспомнить, как они называются. Наверное, Лорена выбирала, кто же еще.

Но сейчас цветы не особенно ее занимали. Не до того было.

Она взглянула на Натана – он лежал на кровати все так же, как, казалось, уже целую вечность, хотя счет пока что шел всего лишь на дни. Нервы у Эмили были на пределе. Мало того, что она вынуждена видеть своего сына и его отца в совершенно беспомощном состоянии, так теперь еще приходится разбираться с попыткой проникновения в ее дом и этим преследователем, если он преследователь.

А кто он такой? Эмили не хотелось об этом думать, но это лицо в темноте снова и снова всплывало в ее воспоминаниях. Оно пугало ее, не из-за опасности, которую представляло, а потому, что заставляло ее усомниться в состоянии собственного рассудка и ломать голову над тем, что сказал Томас перед тем... перед тем, как попал в больницу.

Она сжала зубы, нахмурилась и снова обернулась к доктору Гершманну, который стоял у окна, выжидательно глядя на нее.

– Простите, док, – сказала она дрожащим голосом; руки у нее дико тряслись. – «Я не знаю» больше меня не устраивает. Этого мало. Вы же врачи. Вы должны разбираться в подобных вещах.

Гершманн вздохнул. На его блестящей лысине выступила капелька пота.

– Миссис Рэнделл, мне очень жаль, но больше мне сказать вам нечего. Как я уже говорил, мы связались с множеством специалистов. Аарон Левиц из Новоанглийской мемориальной клиники в Бостоне так заинтересовался этим случаем, что на следующей неделе подъедет к нам в свое свободное время. Но пока что мы просто не имеем понятия, что означает такая мозговая активность.

В палате, несмотря на гвалт в коридоре, стояла такая тишина, что Эмили показалось – она слышит тиканье своих часиков. Она смотрела на доктора Гершманна почти минуту, но никакого убедительного ответа не дождалась. Пока не поняла, что убедительного ответа нет. Тогда она перевела взгляд на Натана, на пластырь на его глазах – мальчик как будто как-то усох за те дни, пока был прикован к этой узкой, неудобной постели. Она присела рядом с ним, ей хотелось прикоснуться к нему, погладить по голове, перецеловать маленькие пальчики, как она делала, когда он был малышом.

Но она не стала Натан на этой койке, и Гершманн рядом, и еще это непреодолимое ощущение, как будто последние пару дней за ней наблюдают... Эмили чувствовала себя слишком уязвимой. Она надеялась, что Гершманн поймет намек, но он, казалось, ждал от нее какого-то ответа Чего-то большего.

Эмили повернула голову и встретила взглядом с доктором.

– Если не возражаете, – слабым голосом сказала она, – я бы хотела побыть со своим сыном наедине.

Эмили тихо сидела у постели Натана, и так все утро. Накануне она массу времени провисела на телефоне. Несколько раз звонила Лорена с работы. Детектив Уолт Сарбекер позвонил, чтобы сообщить, что они не обнаружили годных к использованию отпечатков пальцев, но результаты экспертизы волос пока еще не готовы. Франческа позвонила, чтобы сказать, что сделка с «Фокс» уже на мази и «разве это не хорошая новость»?

– Замечательная, – без особой убежденности ответила Эмили.

Но она так и не дождалась звонка от одного человека, услышать чей голос ей сейчас

было нужно больше всего. Утром, перед тем как уехать в больницу, она оставила Джо сообщение на автоответчике, но не упомянула о том, что это так срочно. Она не рассказала ему о взломе. Утро проходило, и она начала жалеть, что не сказала ему, как сильно он ей нужен. Как остро ей хочется просто оказаться рядом с ним. В его объятиях.

В самый разгар утра ей дважды позвонила Лорена. Она звонила из офиса, хотя была суббота, и Эмили поняла, что скоро ей придется выйти на работу. Это было нечестно по отношению к ее заместителю, какие бы в ее собственной жизни ни происходили трагедии.

Когда телефон зазвонил в следующий раз, она была уверена, что это Джо. Однако когда она полным надежды голосом сказала в трубку «алло», то с разочарованием обнаружила, что это не Джо, а Крис Лебо, ее адвокат. Крис о чем-то говорил ей, но Эмили словно оцепенела. Когда он попрощался, по ее лицу текли тоскливые слезы. Она уткнулась головой в сына и плакала, пока сестра не пришла обтереть Натана.

Было около часа дня, и Эмили оставила сына на попечение сестры. В голове у нее промелькнула рассеянная мысль, воспоминание о том, что она почти ничего не ела, так, пощипала что-то за завтраком, но она не чувствовала голода. Выйдя из палаты сына, она спустилась вниз проведать Томаса.

Ее бывший муж казался каким-то маленьким на своей койке. Воображение, которое когда-то так завораживало ее, сейчас просто взяли и отключили. Переступив через порог палаты, она потянула носом воздух, не отдавая себе отчета, зачем это делает. Она не знала, что ожидала почуять. Но запах был. Аромат, который обычно не встретишь в больничной палате.

В палате Томаса пахло бурей, тучами, набухшими готовым пролиться дождем, и живностью, спешащей укрыться где-нибудь от разыгравшейся непогоды.

Запах заставил ее застыть на пороге.

Она смотрела на лицо Томаса и видела Натана. Никогда еще у них не было столько общего, никогда еще они не казались столь похожи. И все же лицо Натана выглядело спокойным и безмятежным, тогда как у Томаса выражение было встревоженное. Может быть, промелькнула вдруг у нее мимолетная шальная мысль, он тоже чувствует запах надвигающейся грозы.

– Эмми, это уже слишком, – сказала она вслух и сухо, натужно рассмеялась, не веря себе самой.

Она не могла поверить.

Эмили сдвинулась с места и подошла к постели Томаса. Там она постояла некоторое время, любовь и горечь мешались в ее сердце, хотя она до сих пор злилась на него за его, как она считала, трусливое бегство. Но она не могла долго сердиться на него. Что бы он с ней ни сделал, то, что она делала сейчас, казалось – во всяком случае, ей самой – куда более скверным.

Она со вздохом присела рядом с Томасом и положила ладонь на его бицепс. На щеках у него проступила щетина, в волосах за прошлую неделю значительно прибавилось седины.

Она закусила губу и сказала:

– Прости меня.

За спиной у нее кто-то кашлянул.

Эмили поднялась, вспыхнула при мысли о том, что кто-то застал ее в момент чего-то такого, наиболее похожего на близость из всего того, что происходило между ней и Томасом за последний год. Когда она обернулась, глаза у нее были холодные и враждебные. Пока она

не увидела в проеме знакомую фигуру, выгоревшие светлые волосы и ласковые серые глаза.

– Ох, Джо... – прошептала она, внезапно слабея.

Он стремительно двинулся к ней. Эмили притянула его к себе и обхватила изо всех сил, уткнулась лицом в его грудь. Слезы, хотя она очень старалась отогнать их, выступили у нее на глазах, когда она стала рассказывать ему о том, что произошло прошлой ночью. Впервые за все время Эмили начала понимать, как она испугалась. И она была вынуждена признать, что ужас не отпустил ее.

Она поведала ему о человеке, который влез в, ее дом, и он пришел в бешенство из-за того, что она не рассказала об этом раньше. Эмили немного рассердилась. Он что, в самом деле думал, что она стала бы оставлять такое сообщение у него на автоответчике? Кроме того, когда он не перезвонил, она подумала, что он хочет немного отдохнуть от нее.

Когда ее слезы немного поутихли, Джо прошептал ей:

– Ничего, милая. Я не позволю, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. Обещаю.

Эмили заледенела. Джо ощутил ее внезапное напряжение и отступил от нее на шаг, взгляделся в лицо. Она не знала, что ему сказать. Интересно, он отдает себе отчет в том, что сейчас пообещал? И было ли это обещание искренним, или он просто хотел ее успокоить?

Через некоторое время она слегка расслабилась и выдавила из себя тусклую улыбку.

– Я рада, – сказала она. – После вчерашнего утра я не хочу, чтобы ты куда-нибудь уходил, не то чтобы я нуждалась в защите, имей в виду.

– Нет, конечно, – согласился Джо, качая головой. – Но одна голова хорошо, а две лучше.

– Точно, – кивнула Эмили.

На этот раз улыбка у нее вышла теплее, естественней. Она снова обняла Джо, и это было куда лучше, чем она себе представляла что бы ни произошло, он собирался быть с ней рядом. Вот что он на самом деле сказал ей только что, и это было именно то, в чем она сейчас нуждалась. Прошлой ночью, одна в своем доме, она умирала от ужаса при мысли, что незваный гость вернется.

– И за что ты извинялась перед Томасом? – спросил Джо. – Вроде ведь не ты влила в него тот коктейль из виски с таблетками.

Поежившись, Эмили осторожно отстранилась от Джо, не вынимая, однако, пальцев из его руки, и повернулась, чтобы еще раз взглянуть на Томаса. Он не пошевелился, разумеется. Но, если только все это не была игра ее воображения, его лицо казалось еще более встревоженным, чем прежде.

– Мне сегодня звонил адвокат, – сказала она – Он считает, что мое ходатайство о единоличной опеке будет удовлетворено. Конечно, когда Томас выздоровеет, они проведут психиатрическую экспертизу, чтобы определить, в состоянии ли он... но пока...

Она не договорила и, уронив голову, закрыла глаза и стала беззвучно молиться. Потом отняла у Джо руку и пробежала пальцами по спутанным светлым волосам.

– Ты так говоришь, как будто делаешь что-то плохое, – нерешительно сказал Джо. – Я думал... в общем, разве ты не этого хотела?

Не оборачиваясь к Джо, Эмили медленно кивнула.

– Хотела, но теперь не знаю. Я не знаю, что лучше для Натана, а если я не знаю... кто тогда знает? Я дошла до такого состояния, что уже не понимаю, начались ли те видения у Томаса просто потому, что на него слишком много всего навалилось, или это была...

Эмили замерла, глаза ее были широко распахнуты, она смотрела на Томаса, но не

видела его. Они с Джо словно бы оба затаили дыхание. Она только что поняла, что собиралась сказать и что Джо тоже это понял.

Тогда он произнес это вслух.

– Правда? – договорил он за нее, едва скрывая насмешку. – Мы говорим об одном и том же или как? О том, как он якобы получал тайные послания от персонажей собственных книг? Милая, я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но, пожалуйста, не говори мне, будто ты в самом деле думаешь...

Она взорвалась и в ярости набросилась на него.

– Я не знаю, что думать! – закричала Эмили, сверкая в его сторону глазами, потом закрыла лицо ладонями, в единый миг лишившись всех сил.

Джо потянулся, сжал ее руки и осторожно отвел их в сторону. Эмили подняла глаза, не желая встречаться с ним взглядом. Но в конце концов она все-таки посмотрела в его спокойные серые глаза и поняла, как он переживает за нее вопреки всему. Она понимала, каково ему пришлось с ней в последнее время. Большинство мужчин дали бы деру. Но Джо не захотел уходить. Он захотел остаться с ней. Это стоило многого.

– Это безумие, Эмми, – сказал он ласково с мольбой в глазах. – Ты ведь понимаешь это, правда? Мне жаль, но Томас слетел с катушек, а потом попытался покончить с собой. Вот что произошло. Ты хочешь оставаться с ним до тех пор, пока он не придет в себя, и это нормально. Только не позволяй втянуть в этот бред себя. Нельзя слишком долго вглядываться в бездну, Эмили.

Впоследствии Эмили не смогла вспомнить, что именно переломило ее в тот миг. Быть может, виновато было красноречие Джо, в котором проснулся эрудированный преподаватель английского. А может, просто его нежность. Каковы бы ни были причины, она вдруг ощутила в себе внезапную потребность и неожиданно появившиеся силы поделиться с ним источником разброда в своих мыслях.

– Сядь, пожалуйста, – произнесла она и взяла его за руку. – Я хочу рассказать тебе одну историю.

Она подвела его к стулу у окна, и Джо, хотя и не без колебания, уселся. Эмили несколько долгих секунд смотрела в окно, потом развернулась и поглядела на Томаса. К Джо она стояла спиной. Это почему-то казалось важным, как будто помогало ей притвориться, будто его здесь нет. Будто она говорит с одним Томасом, который не мог ее слышать.

– Когда Томасу было семь, его семья переехала в Виргинию. Его отец, Шон, был кадровым военным, и они тогда жили на базе. Однажды днем, когда отец куда-то уехал на несколько дней, Томас с несколькими другими ребятами играл на улице у себя перед домом. Его мать, Энни, была на кухне, стряпала ужин. Томас до сих пор помнит, что в тот день она собиралась приготовить печенку, и он отчаянно надеялся, что ему удастся задержаться на улице допоздна, чтобы она скормила его порцию собаке. Эмили улыбнулась.

– Он говорил, что иной раз не возражал бы, чтобы ему позволили отправиться спать без ужина.

Тут она обернулась и взглянула на Джо. Он сосредоточенно слушал. Рассказ был довольно безыскусный, но она понимала: он по ее голосу слышит, что все не так просто.

– Я уверена, ты понимаешь, к чему я клоню, – сказала она, устремив взгляд за окно и снизив голос почти до шепота. – Или думаешь, что понимаешь.

В коридоре закричала сестра. Мимо палаты Томаса пробежали несколько пар ног. На

сестринском пульте в коридоре звонил телефон. Жизнь продолжалась. Смерть продолжалась. За окном солнце отбрасывало длинные тени. Томас Рэнделл в своей постели не шевельнул ни единым мускулом, не шелохнулся. Но датчики, регистрирующие его мозговую активность, продолжали свой немислимый анализ.

Джо раскрыл было рот, очевидно, решив, что Эмили сделала паузу в ожидании какой-то его реплики. Но немедленно проглотил первый же звук, который сорвался у него с языка когда она продолжила.

– Становилось поздно. Томас радовался, что мама все не зовет и не зовет его ужинать. Есть печенку. Многие родители уже вернулись домой, и вся улица была заставлена машинами. Мяч, которым они играли, вылетел на дорогу...

Продолжать Эмили не могла. Она закусила губу, вытерла глаза и, обернувшись, улыбнулась Джо и пожала плечами.

– Случается сплошь и рядом, – сказала она Джо посмотрел на нее странно, непонимающе.

– Томас побежал за мячом. Его сбила машина? – Джо задумался. – И... что? Он уже был в коме?

Эмили кивнула.

– Собственно, поэтому он и держал дома эти таблетки. После той аварии у него много лет время от времени случались приступы.

– Прости, Эм, я не понимаю. Как это ни прискорбно, такое, как ты сама сказала, случается сплошь и рядом. И Томас явно выкарабкался. – Он пожал плечами. – Не хочу выглядеть бесчувственным, но какое отношение это имеет ко всему остальному?

На языке у Эмили вертелся ответ «никакое», но она крепко сжала губы, чтобы оно не сорвалось. Потом проглотила его. Эти мысли крутились у нее в голове, раздирали ее изнутри иглами коготков, и ей необходимо было выпустить их наружу, поделиться ими с кем-нибудь, а не то она и впрямь сойдет с ума.

Она вспомнила, как Томас впервые рассказал ей эту историю. Они тогда еще и года не были женаты, и она со смехом упомянула о том, как случайно столкнулась со старой приятельницей, и та узнав, что она вышла замуж за известного детского писателя Ти-Джея Рэнделла поинтересовалась, откуда ее муж берет идеи. Всем известно, что глупее вопроса задать писателю невозможно – главным образом потому, что ни у одного из них нет настоящего ответа, – и Эмили знала о том, какой дурной славой пользуется этот вопрос.

Но Томас не рассмеялся. Вместо этого он сказал ей очень спокойно: «Я хочу рассказать тебе одну историю». И начиналась эта история словами: «Когда мне было семь, моя семья переехала в Виргинию». Она так и не забыла этот рассказ. Но в нем были некоторые моменты, в которые она так и не поверила до конца.

– За рулем той машины сидел генерал Шон Рэнделл, – проговорила она быстро. – Отец Томаса.

Она увидела боль в глазах Джо, боль за маленького мальчика, которого он никогда не знал, даже после того как этот маленький мальчик превратился в мужчину, и поняла, что все-таки немного его любит. Может, даже больше, чем немного. Она сделала три шага до стула на котором он сидел, взяла его за руку и, прислонившись к стене, продолжила:

– Мать не позвала Томаса ужинать, потому что хотела сделать ему сюрприз. Его отец возвращался домой на несколько дней раньше срока. Уже стемнело, а генерал ехал чуть быстрее положенного – ему не терпелось увидеть домашних. Сначала он подумал, что Томас

мертв. Но, как ты понимаешь, это было не так.

Оба посмотрели на неподвижное тело бывшего мужа Эмили.

– Ну, надо полагать, – пробормотал Джо себе под нос. Эмили скупно улыбнулась, намеренно не отводя глаз от Томаса.

– Да он не был мертв, – повторила она. – Он был в Обманном лесу.

Она почувствовала на себе взгляд Джо, но он ничего не сказал. А что, собственно, он мог сказать на подобное заявление?

– Теперь, когда его родителей больше нет в живых, а врачи, которые лечили его тогда, скорее всего, или тоже умерли, или скоро умрут, ты – единственный человек кроме меня, кому известна эта часть истории, – призналась Эмили. – Мне не следовало бы рассказывать об этом даже тебе, но, может быть, ты начнешь понимать, почему все это так меня пугает. Почему тот факт, что врачи не могут дать мне ни единого объяснения тому, что происходит с моим мальчиком, пугает меня до ужаса.

Тогда Томас пролежал в коме почти месяц. Когда он поправился, он говорил только об Обманном лесу, чудесном и одновременно уютном месте, где он жил, пока его тело лежало на больничной койке. И все идеи для этих книг он почерпнул оттуда, понимаешь?

– Почему, как ты думаешь, он никогда не писал ничего другого?

Как она и ожидала, именно последнее соображение заставило Джо недоверчиво нахмуриться. Быть того не может, вот что он собирался сказать. Но Ти-Джей Рэнделл за всю свою писательскую карьеру и впрямь ни разу не издал ни одной другой книжки, кроме серии «Обманный лес».

Джо слегка поежился, и Эмили показалось, что он даже сам этого не заметил. Потом он поднялся со стула, взял ее за руки и притянул к себе. Так близко, что она почувствовала, как от него пахнет одеколоном – приятный мужской запах.

И немедленно вспомнила о том, другом запахе, о грозовом запахе... леса.

– Писатели все время черпают вдохновение в своих снах, Эмили, – сказал Джо. – В семилетнем возрасте, да еще и в коме, кто знает, что сознание Томаса могло сострять, чтобы развлечь его. Но то, на что ты намекаешь...

– Я ни на что не намекаю.

Джо взглянул на Томаса, и на лице его забрезжило понимание.

– погоди, – сказал он. – Ты хочешь сказать, ты думаешь, что сейчас они с Натаном...

– Ну разумеется нет, – отрезала Эмили, и с души у Джо упал камень, когда он услышал уверенность в ее голосе. – У меня голова идет кругом, Джо, но я не сумасшедшая. Я – разумная женщина. Я только хочу сказать, что теперь ты понимаешь, как трудно, по-настоящему трудно мне разобраться во всем этом.

Джо кивнул.

– Абсолютно. Господи, какая жуткая история.

– Да. Но она сделала его богатым.

Оба рассмеялись над ее непочтительным высказыванием – что и входило в намерение Эмили. Она забралась в кольцо рук Джо и расслабилась там.

– Просто мне нужно, чтобы ты был со мной, говорил со мной и уверял меня, что я не схожу с ума, ладно?

– Я никуда не уйду, – заверил ее Джо.

Но в глазах у него билась какая-то мысль, зреющий вопрос.

– Что? – спросила она.

– Мне просто стало любопытно... Что случилось с генералом? С отцом Томаса? – спросил Джо, явно все еще под впечатлением от ее рассказа.

Эмили ощутила, как ее пробрал озноб. Она прикусила губу и снова взглянула на Томаса; ей ничего не нужно, только бы снова услышать его голос и голос Натана!

– Однажды ночью Шон в полной форме пришел к Томасу в палату. Он не дождался, когда Томас придет в себя. Убежденный, что убил своего единственного сына, генерал пустил себе пулю в лоб. Врачи обнаружили его труп лежащим поперек неподвижного тела Томаса; кровь и все остальное было разбрызгано по палате.

Час спустя, – неумолимо добавила Эмили, – Томас вышел из комы.

Журчание бегущей воды, довольное урчание танцующего гризли, немзыкальное бомканье живого колокольчика и неистовая песнь драконьих крылышек, слившиеся воедино на берегу реки Вверх в необыкновенном оркестре любви, тревоги и товарищества. Это должно было стать кошмарной какофонией. Но стало музыкой.

Брауни, Смычок и мистер Тилибом сбились в кучку неподалеку от края воды, хотя каждый из них был начеку, опасаясь возвращения песчаных крабов. Им казалось неудобным прервать и даже подслушать разговор, который двое их спутников вели в нескольких ярдах от них, ближе к деревьям. Ближе к лесу.

Томас Рэнделл и генерал Арахисовое Масло крепко обнялись. Хотя Томас не стеснялся плакать, генерал не проронил ни слезинки. Не мог, наверное.

Спустя некоторое время, в течение которого генерал снова и снова повторял, что все будет хорошо, Томас начал сбивчиво говорить:

– Мне... мне жаль, что ты оказался здесь, – признался он с неподдельной мукой. – Мне жаль, что из-за меня ты попал сюда.

Очень твердо генерал ответил:

– А мне – нет.

Он положил покрытую арахисовым маслом руку на плечо Нашего Мальчика.

– Мы вместе, Ти-Джей. Это единственное, что имеет значение.

Ненавистное прозвище в его устах не вызвало у Томаса никакого возмущения. Оно показалось совершенно естественным. Он кивнул, отстранился от генерала, весь в вязкой пленке арахисового масла, и взглянул на Плешивые горы.

– Ты прав, – сказал Томас. – Идем за моим сыном.

Все вместе они зашагали вдоль реки Вверх на запад, направляясь к крепости шакала Фонаря.

В понедельник утром Эмили просидела в своей машине на стоянке перед зданием «Сентинел Софтвер» почти пятнадцать минут, прежде чем у нее получилось выбраться из машины и войти внутрь. Сейчас ей как ничто другое нужна была какая-то стабильность в жизни. Единственный способ добиться этого, который она смогла придумать, – это вернуться на работу, пусть и на неполный день.

Эмили не стала предварительно звонить, так что, когда она вошла в оформленную в теплых тонах приемную, Беделия за стойкой вытаращила на нее глаза. Потом поведение девушки сменилось столь странной смесью сочувствия и искренней радости от ее возвращения, что Эмили против воли успокоилась. Кроме того, для нее большим облегчением было узнать, что Артур Хоббс, генеральный директор, тоже в офисе.

Первым делом она заглянула в кабинет к Артуру и попросила принять ее, когда будет время. У него оказалась «окно» в районе полудня, и она с радостью согласилась на него.

Когда она вошла в отдел кадров, Лорена пришла в восторг.

– Господи! – завопила миниатюрная, с рыжими крашеными волосами заместитель и кинулась обнимать Эмили. – Что ты здесь делаешь?

Эмили ухмыльнулась, не в силах сдержаться:

– Я здесь работаю, ты не забыла?

Лорена захлопала в ладоши, как девчонка.

– Ох, как же я рада, что ты вернулась! – выпалила она. Потом, нахмутив лоб, добавила: – Подожди, ты действительно вернулась?

– В одиннадцать тридцать я встречаюсь с Артом, – подтвердила Эмили. – Надеюсь, поначалу я смогу работать два или три дня в неделю, когда не буду в больнице. Там от меня все равно мало толку, так что мне хотелось бы вернуться сюда, в гущу событий.

«Немного общения тоже не повредит», – подумала Эмили. Это ощущение уже давало о себе знать. Горячий прием Лорены укрепил ее в убеждении, что это была воистину хорошая идея. Именно то, что ей нужно. Люди, с которыми можно поговорить, снова почувствовать себя нужной. Прошло всего десять дней с тех пор, как она в последний раз была на работе, – возможно, они пока не так уж и сильно заметили ее отсутствие, – но трагедии последней недели заставили ее почувствовать себя никчемной и бесполезной. А в последнее время она начала чувствовать себя еще и уязвимой.

Этого Эмили не хотелось. Мама учила ее никогда не сдаваться.

– Давай пообедаем вместе? – возбужденно спросила Лорена. – Я уверена, Сандра и Эллис тоже обрадуются, что ты вернулась.

– Ничего, если мы отложим это до пятницы? Просто мне бы хотелось немного посидеть за столом, разобраться с бумагами, заново акклиматизироваться. Ну и так далее.

Лорена улыбнулась:

– Конечно.

Она поцеловала Эмили в щеку и вернулась за свой стол, оставив начальницу заново привыкать к жизни за стенами больницы.

Улыбнувшись в ответ, Эмили вошла в свой кабинет, такой успокоительно и ошеломляюще знакомый. Вон жестянка с леденцами, которые она всегда держит у себя на столе. Календарь с цветами, который она раз в год заказывала у одной итальянской

компании-импортера в Бостоне. Огромный паучник в кадке, который в ее отсутствие – совершенно очевидно – поливала Лорена.

После непродолжительного осмотра кабинета она уселась в кожаное кресло за столом. Более часа она разбирала бумаги, проглядывала резюме, перезванивала людям, с которыми Лорена не могла разобраться. Было уже больше половины одиннадцатого, когда Эмили откинулась на спинку кресла, слегка повернула его и выглянула в окно, чтобы полюбоваться видом леса.

И завизжала.

Из-за дверей кабинета донесся крик Лорены и грохот телефонной трубки, упавшей на стол или на стул. Эмили в ужасе смотрела в окно, когда в ее кабинет вбежала Лорена.

– Боже, Эмили, что...

– За окном. На краю стоянки, у самых деревьев... видишь? – пробормотала Эмили с таким ощущением, как будто заговаривается.

Лорена встала у окна рядом с ней и выглянула на улицу. Сердце у Эмили бешено колотилось. На мгновение она испугалась, что все это ей чудится. Что Лорена ничего не увидит.

Потом заместитель сказала:

– Господи, а это что за придурак?

Ну вот, она его увидела.

От этого почему-то было еще страшнее.

Хохотун стоял в тени деревьев и смотрел вверх, на окно кабинета Эмили Рэнделл. У него было превосходное зрение, и он кружил возле здания, заглядывая в окна, пока не заметил ее – минут через двадцать после того, как она вошла внутрь.

А теперь она заметила его.

Он дико захохотал. Ему было никак не сдержаться, честное слово. Ведь Хохотун был гиеной, по крайней мере, какая-то часть его была. На самом деле это был даже не смех, скорее нервный, гортанный выкрик, который он не мог сдержать. И он определенно нервничал. Постоянно нервничал, с тех самых пор, как только покинул Обманный лес, вышел тропкой-царапкой в мир, из которого явился Наш Мальчик. Ему дали задание, а он не знал, с какой стороны за него взяться. Они хотели, чтобы он поговорил с ней, заставил ее поверить. Хохотун не был даже по-настоящему уверен, что понимает, почему это так важно, просто Смычок и все остальные так сказали.

Для того чтобы малыш Натан вернулся назад и чтобы Наш Мальчик одержал победу, она должна поверить.

Но Хохотун все испортил. Сначала он напугал ее, да и вообще, с чего они решили, будто она не испугается? Им надо было послать крошку Тилибома, или пускай бы шел сам Смычок. Но колокольчик был немного не в себе, так сказал дракон. А Брауни и Смычок нужны были в Обманном лесу.

Пришлось идти Хохотуну.

Но он напугал ее. А она завизжала и ударила его, и он порезался, когда вылетел из ее окна.

Теперь он снова ее напугал. Даже сейчас, когда она смотрела на него из окна кабинета. Он поступил опрометчиво, слишком отдалившись от деревьев, и теперь в окне уже маячили две женщины.

Залившись гортанным смехом, он отступил в заросли деревьев и зашагал по лесу обратно. Он вернется к ее дому. К дому – или, может быть, к больнице. Там он просто дождется, когда сумеет снова подобраться к ней близко, и тогда он сцапает ее и скажет ей. Объяснит. Он заставит ее поверить.

Его охватила дрожь.

Теперь Хохотун не просто нервничал. Он немного боялся. Время уходило слишком быстро. Они велели ему поторопиться, но уже прошло несколько дней. Он начал понимать, что ему придется во что бы то ни стало подобраться к ней настолько близко, чтобы заставить ее слушать. Может, Хохотун немного и «недалекий», как всегда говорит Брауни, но он не дурак. Он понимал, что по доброй воле женщина не станет слушать.

Придется ее заставить.

– Это поразительно, – сказал генерал Арахисовое Масло с широко раскрытыми глазами в липких нитях.

Он остановился рядом с Томасом; на плече у него снова восседал Смычок. Брауни и Тилибом как вкопанные остановились за ними, и колокольчик громко дзынькнул. Генерал ломал себе голову, нельзя ли что-нибудь с этим сделать, не прибегая к убийству бедняги. Беспокоился он и о том, не станет ли Тилибом обузой для них и во многом другом. Было совершенно очевидно (во всяком случае, генералу), что Тилибом не вполне в своем уме. Ему уже доводилось видеть такое прежде – это жуткое выражение в глазах солдата, который повидал слишком многое.

Они так легко надламывались.

Это война. Они не могут себе позволить, чтобы Тилибом своим звоном возвестил об их прибытии или совершенно съехал с катушек в самый неподходящий момент. Это был один из множества вопросов, которые им с Томасом предстояло обсудить перед штурмом. Но пока что еще только надвигался закат, и штурм приходилось отложить до утра. Им еще предстояло немало пройти, прежде чем они окажутся у подножия Плешивых гор. Именно там они собирались расположиться лагерем на ночлег.

И все же он не мог пройти мимо этого зрелища и не остановиться хотя бы на миг, чтобы полюбоваться им.

– Он был здесь еще до того, как я впервые попал сюда, – сказал Томас.

– Это... – Генерал искал слово, слово, которое не употреблял так давно. И он нашел его. – Это прекрасно, – сказал он.

И впрямь. Огромный фонтан, бьющий в воздух из небольшого озера, был истоком реки Вверх. Отсюда поток взбегал в гору и огибал весь Обманный лес, пока не забредал в западную оконечность леса и не был вынужден подниматься ввысь, все больше забирая в горы, откуда в конце концов срывался в Туманное ничто.

– Думаю, вода уходит в Ничто, а потом снова появляется здесь, – объяснил Томас. – Просто часть цикла.

– Ну да, – согласился генерал, разглядывая стофутовый фонтан. – И если это было не так до твоего первого появления, то стало так, когда ты начал писать.

Томас вздрогнул, как от пощечины. На лице его отразилось раскаяние – выражение, которое генерал хорошо помнил с детства сына.

– Неужели это действует таким образом? – спросил Томас.

– Уж кто бы спрашивал, – сказал генерал с дружелюбной улыбкой. Он протянул руку и

взберишил сыну волосы. – Это же ты привел меня сюда, помнишь?

Но это не помогло. Томас лишь помрачнел еще больше.

– Папа, я уже говорил тебе, я...

– Я не это имел в виду, Ти-Джей, – перебил его генерал. – Поверь мне, я никогда не верил, что бывает что-то... после. Я никогда не был особенно религиозен, как, уверен, ты помнишь. Когда ты впервые попал сюда...

Теперь настал черед генерала мрачнеть, ведь он не мог не вспомнить обстоятельства, при которых Томас попал в аварию.

Его взгляд снова вернулся к фонтану. Все остальные держались в нескольких футах поодаль, так что один Смычок оказался свидетелем этого разговора. Но дракон изо всех сил старался не слушать. Генерал взглянул на него, протянул руку и липкими пальцами погладил кожистые зеленые крылышки. Смычок кивнул.

– Когда ты впервые попал сюда, – начал он снова, – врачи были убеждены, что ты умрешь. Пожалуй, я всегда предполагал, что Обманный лес каким-то образом подлатал тебя – примерно так же, как это дурацкое арахисовое масло залечивает мои раны.

С тех самых пор он стал частью тебя, так что ваши судьбы не могут не переплетаться. А потом, когда ты начал писать о нем, в общем, это все переменяло.

Томас оглянулся, поймал взгляд Брауни. Тилибом ни на кого не смотрел, но его глаза шныряли вокруг, и он, казалось, что-то бормотал себе под нос. Он беспокоил генерала все больше и больше.

– Я рад, что оказался здесь, Томас, – проговорил генерал некоторое время спустя. – В каком-то смысле ты спас меня. Хотя я знаю, что у тебя не было никаких на то причин. Я был не слишком хорошим отцом.

Какая-то часть его отчаянно хотела, чтобы Томас возразил ему, но на самом деле он на это не рассчитывал. И не напрасно. Томас хранил молчание, глядя на струю воды. Генерал не был глупцом. Он знал, что их с сыном связывала любовь. Но эта любовь не значила, что Томас пойдет на ложь, чтобы облегчить бремя его вины.

Некоторое время они молча стояли рядом.

– Прости, что все так получилось, – сказал наконец генерал. – Мы вернем Натана, Ти-Джей. Жаль только, что у меня не хватило проницательности понять, что затевается. Я мог бы все это предотвратить.

Томас покачал головой.

– Это моя вина, – возразил он. – Наверное, я совсем забыл об Обманном лесе. Через некоторое время он стал для меня просто сном, и в конце концов я начал воспринимать эти сны как данность. Когда родился Натан, все это просто перестало казаться важным.

Мне никогда не приходило в голову, что я могу... причинить кому-то зло.

Внезапно Смычок затрепыхал крылышками. Генерал поморщился от громкой музыки прямо у него под ухом; отец с сыном вскинули брови и взглянули на дракона. В этот миг Томас как никогда был похож на своего отца, и генерал еле заметно улыбнулся.

– Смычок? – спросил Томас.

– Ты ничего не сделал, Наш Мальчик, – серьезно сказал Смычок. – Мы могли бы обойтись без тебя. По пути генерал многое объяснил мне – то, что я, наверное, всегда знал, но никогда не понимал. Мы были здесь до тебя. И, может быть, некоторые из нас перестанут существовать или все ужасно изменится, но я думаю, что мы будем здесь и после тебя. Но даже если бы это и было не так, то, что сделал Фонарь, – зло. Твой Натан ничем не

провинился. Но все же это он расплачивается за наши страхи.

Томас хмуро кивнул. Генерал Арахисовое Масло потянулся и положил руку сыну на плечо, крепко сжав его. Подошел Брауни – он, казалось, тоже расслышал последнюю часть разговора.

– Тогда идем, – сказал он. – Сегодня вечером мы доберемся до подножия, а завтра утром спасем малыша Натана.

– Завтра утром, – с веселым безумием проговорил Тилибом, – шакал Фонарь умрет.

Несколько часов спустя они продрались сквозь заросли деревьев и обнаружили, что пейзаж стал более суровым. Чахлая трава уступила место камням и голой земле, а впереди вздымались к небу горы. Прямо перед ними была самая высокая из Плешивых гор.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал Брауни.

– И где же стражи? – спросил Томас. – Похоже, Краснолист нас подвел.

Лес за спиной у них ожил, послышалась тяжелая поступь, ветви зашептались, полетели листья, затрещали корни. Томас стремительно обернулся и увидел, как шесть деревьев отделились от зарослей и двинулись вперед. Краснолист был среди них. И Козодой и Чернокорый тоже. Возглавлял их капитан Толстосук, который выступил вперед и поднял ветви в подобии салюта.

– Ты недооцениваешь нас, Наш Мальчик, – сказал Толстосук. – Многие в наших рядах погибли в огне, но мы с тобой. Шакала Фонаря нужно остановить, не просто из-за того, что он представляет угрозу для всего леса, но и из-за того зла, которое он уже натворил.

Томас едва не задыхался от волнения. Облегчение, уважение, страх, надежда и множество других чувств бушевали у него в душе.

– Спасибо, капитан, – сказал он. – Вы даете мне веру.

В ту ночь они спокойно спали под ветвями хранителей леса.

Близился рассвет.

Огонь факелов дрожал на сырых стенах зала для аудиенций шакала Фонаря. Тот на четвереньках мерил шагами каменный пол, пламя внутри его выдолбленной из тыквы головы горело ярче обычного. Негромкий рык вырвался из его пасти.

То было сердце крепости. Убежище, где он уединялся от леса, от мира. Здесь до него нельзя было добраться, никогда. Или, во всяком случае, он верил в это до того, как Наш Мальчик отвернулся от Обманного леса и все начало разваливаться. Фонарь был королем страха, но внезапно страх начал одолевать его самого, это и было причиной тому, что он похитил ребенка, рассчитывая силой привлечь внимание Нашего Мальчика.

Но сейчас в самом сердце своей крепости шакал Фонарь чувствовал себя уязвимым как никогда. Он убьет мальчишку, если придется, если Наш Мальчик не прислушается к доводам разума. Если лес для него так мало значит, пусть тогда хотя бы передаст свою власть старине Шаку. Логично. По крайней мере, на взгляд старины Шака.

– Ммм, – промычал Фонарь, ощерив зазубренную тыквенную пасть; и по стенам разбежались гротескные тени от огня в его голове, отражения жутких грез его сознания.

Если Наш Мальчик не пойдет на сотрудничество, старине Шаку нечего будет терять. Он вырвет сердце Томаса Рэнделла из груди и отведаст его на ужин. Он раздавит глаза Нашего Мальчика зубами. Он наделает сосисок из его потрохов и приготовит салат из его мозгов.

А потом вместе со всем остальным Обманным лесом шакал Фонарь сгинет.

Именно эта вполне реальная возможность крутилась у него в мозгу, когда дверь в зал распахнулась и окованное железом дерево грохнуло о каменную стену. На пороге стоял Скалоголовый, его всклокоченная борода была в пузырьках слюны, как у бешенного пса, расщепленный череп окружало облако зловонного дыма.

– Повелитель Шак! – закричал Скалоголовый.

фонарь зарычал и одним прыжком преодолел зал, пламя в его голове ярко вспыхнуло. Он сбил Скалоголового с ног, прижал мерзкого человечешку к полу. Когти старины Шака разодрали одежду Скалоголового и располосовали грудь, он рычал и лязгал зубами в лицо незваному гостю.

– Нет, пожалуйста, не нужно! – проскулил Скалоголовый. – Я... прости, но я...

– Молчать! – прошипел шакал Фонарь. – Ты слишком много позволяешь себе, скотина.

– Нет... пожалуйста, – взмолился Скалоголовый. – С Бобом беда, мой повелитель.

И тут всякая нужда в объяснениях отпала. Шакал Фонарь услышал бормотание и сопение одной из сестер Примат и, подняв глаза, увидел в коридоре темный силуэт громадной горной гориллы. Мгновение спустя она вошла в зал с безжизненным телом Боба Долгозуба в лапах. Его мех был в запекшейся крови.

– Долгозуб, – прошептал старина Шак. – Черт. Он взревел громко и протяжно, и пламя в его тыквенном черепе слабо затрепетало. Горилла осторожно уложила Долгозуба на каменный пол и покинула зал так быстро, как только могла. Скалоголовый уселся рядом с неподвижным телом Долгозуба, но шакал Фонарь словно не замечал их обоих, в ярости расхаживая по залу взад-вперед, и голова у него шла кругом.

Молниеносным скачком он снова оказался рядом со Скалоголовым, взглянул на Долгозуба. И заметил, что грудь тигрочеловека вздымается и опадает.

– Он жив, – сказал Фонарь.

– Да, – чуть слышно произнес Скалоголовый, и в его голосе, обычно столь злобном и циничном, слышалось явное облегчение.

– Тогда мы будем драться, – уверенно заявил Фонарь. – Вымой его и уложи где-нибудь в постель.

Скалоголовый взвалил Долгозуба на плечо, и из расселины в его черепе польхнуло зеленое пламя.

– Это все он виноват, – буркнул Скалоголовый. – Наш Мальчик.

Фонарь замер.

– Наш Мальчик сделал *это*? – переспросил он недоверчиво.

– Эти раны нанесла Бобу Королева леса, – ответил Скалоголовый. – Но этого никогда бы не случилось, если бы не этот тупой кусок мяса.

Шакал с облегчением кивнул. Он не считал Томаса хорошим бойцом, но слова Скалоголового заставили его призадуматься. Нет, он одержит верх. Он растерзает Мальчика в клочья, если потребуется.

Но это не понадобится. Совсем. Ведь у него в руках этот сопляк, Натан. Пока Натан в его власти, Томас как миленький будет плясать под дудку старины Шака.

Внезапно его внимание привлекло хлопанье крыльев, Фонарь обернулся и увидел, как на каменный пол за дверью уселся ворон Барри.

– Прошу позволения войти, мой повелитель, – сказал Барри.

«О, – подумал Фонарь, – хоть кто-то из моих слуг имеет представление об этикете».

– Входи.

Барри влетел в зал и устроился на высокой спинке кресла шакала.

– Что случилось, летун?

– С мальчиком плохо, – отозвался Барри. – Он умирает.

Несмотря на всю свою тревогу, шакал Фонарь не бросился в каморку, где держали мальчика. Негоже его подданным видеть его панику, а именно ее он сейчас и испытывал. Нет. Старина Шак не бросился со всех ног вверх по винтовой лестнице и не помчался, обдирая когти, по коридору, он прошествовал на задних лапах, распрямив спину и выпятив грудь, и в глазах его горел огонь.

Даже когда Скалоголовый унес куда-то Долгозуба, чтобы заняться ранами на теле тигрочеловека, Фонарь не утратил самообладания. Все пошло не так, как было задумано, но он не собирался ни с кем делиться своими тревогами. Даже с вороном, который самым первым из обитателей Обманного леса поклялся в верности старине Шаку и его плану.

Ворон Барри убил своего брата по приказу Фонаря. Как по нему, так это был шикарный жест.

Когда он добрался до коридора, ведущего к каморке Натана, то увидел, что из одной из дверей бьет яркий свет. Однако еще прежде чем он дошел до двери, до него донеслось цоканье копытцев по камню, и он понял, что рядом с заболевшим сопляком находится Султанчик. А где Султанчик, там и Ворчун.

Фонарь остановился и поднял руку, давая Барри знак сделать то же самое.

– ... неважно. Если ему не дать какого-нибудь лекарства или хотя бы немного поесть, и быстро, он умрет, – говорил Ворчун.

– Мы знали об этой возможности, – отозвался Султанчик, хотя голос его звучал далеко не так уверенно, как хотелось бы шакалу.

– Да, но... – угрюмо протянул Ворчун. – Не знаю. Знаю только, что на такое я не подписывался.

Фонарь предпочел немедленно ворваться в комнату. Дверь была приоткрыта лишь наполовину, и он употребил всю свою немалую силу, чтобы грохнуть ей о стену, так что вся комната содрогнулась, как от удара грома, возвещая о его прибытии. Из его глаз и зазубренного рта вырывалось пламя, а оранжевая кожа, казалось, рдела изнутри.

– Идиот! – бушевал он. – Ты пришел ко мне за защитой и поступил ко мне на службу, прекрасно зная, на какую низость я способен! И на тебе, вдруг заскулил, как жалкий грызун.

Он умолк и вдруг застыл. Барри устроился в изножье постели мальчика. Султанчик и Ворчун просто смотрели на него с открытым ртом. Под омерзительными одеялами мальчишка, страшно исхудавший, закашлялся и захрипел. Но глаза его не открылись. Кожа у него отливала изжелта-зеленым – оттенком, обычно не присущим человеческой плоти.

Потом взгляд Фонаря перескочил обратно на Ворчуна, и он перемахнул через всю комнатку, как будто собирался наброситься на гнома и порвать его на клочки. Вместо этого он просто остановился перед брюзгливым коротышкой, размахнулся и тыльной стороной правой передней лапы разбил ему переносицу.

Ворчун вскрикнул; из обеих ноздрей у него хлынула кровь.

Правая рука гнома дрогнула, на четверть дюйма дернулась к оружию, которое, как Фонарь знал, он носил под пиджаком. Но дальше не двинулась. Ворчун молча смотрел на него.

– Весь Обманный лес висит на волоске, гном, – усмехнулся Фонарь. – Жизнь одного

ребенка в сравнении с этим – ничто. Если он доживет до появления Нашего Мальчика, ничего больше нам и не нужно. Если ты такой трус, что не можешь поддержать меня в грядущей схватке, уходи сейчас. Пожалуйста. Меня тошнит от трусов.

Старина Шак счел за лучшее не упоминать о том, что Ворчун ему нужен. Как и о том, что, реши гном уйти, он был бы мертв еще до того, как дошел до двери. Однако Ворчун, несмотря на то, что явно был взбешен ударом и оскорблением, ничего не ответил, ни словом, ни делом.

– Значит, – произнес Фонарь таким тоном, как будто ничего не произошло, – ты считаешь, что его нужно покормить.

– Когда он в сознании, он не соглашается проглотить ни крошки, – сказал Султанчик и тихонько заржал, потом переступил копытцами. – Он вполне может умереть, если не поест.

В углу стояло небольшое деревянное блюдо, на котором лежал размякший кусок сыра и несколько ломтей комковатого темного хлеба. Фонарь взял сыр и принялся когтями сдирать с краев заплесневевшие корочки. Когда с этим было покончено, он отломил небольшой кусочек, подошел к постели Натана и вложил его мальчику в рот.

Натан даже не открыл глаз.

Фонарь вонзил острый коготь мальчику в щеку, проколов кожу, и Натан очнулся с испуганным криком боли.

Мальчик захныкал. При виде старины Шака глаза его расширились и он вжался в матрас, пытаясь отодвинуться так далеко, как только мог, не падая с кровати.

– Пожалуйста, – прохрипел мальчик. – Пожалуйста, не надо...

Это было все, что ему удалось выдать из себя, прежде чем его снова скрутил приступ кашля, от которого он заметно слабел с каждой минутой.

– Ты будешь есть, – сказал шакал. И только.

Затем он поднес небольшой кусочек сыра к губам мальчика. Тот отшатнулся, но потом, глядя на Фонаря и дрожа от страха, он открыл рот и позволил положить туда еду. Начал жевать, медленно, мучительно. Потом попытался проглотить, но попытка стоила ему жесточайшего приступа кашля. Пережеванный сыр заляпал грязное белье.

Натан прижимал руки к горлу, по щекам у него катились слезы, глаза начали терять осмысленность.

– Я не могу глотать, – сказал он слабым голосом. – Очень больно. Как будто там все... съежилось.

Он потерял сознание и упал на матрас. Шакалу невыносимо хотелось как-то отыграться за оскорбление, которое нанес ему мальчишка, выплюнув сыр таким возмутительным образом. Но наказать его за это явно было невозможно. Нет, как бы трудно ни было ему об этом думать, старина Шак вынужден сохранить малолетнему щенку жизнь. Во всяком случае, до тех пор, пока не появится его папаша.

А он не заставит себя ждать, это уж как пить дать.

– Позаботьтесь о нем, – прорычал шакал Фонарь, злобно зыркнув на Султанчика с Ворчуном. – Если он сдохнет, вам тоже не жить.

За час до рассвета лесные стражи подхватили остальных на свои ветви и начали подъем. Им предстояло долгое и тяжелое восхождение, но зато небольшой отряд, собравшийся штурмовать крепость, сможет вступить в бой со свежими силами, когда они достигнут вершины.

Мистер Тилибом сидел у подножия и провожал их взглядом. Сообща было принято решение – и эту весть принес ему его добрый друг Смычок, – что практически невозможно заглушить его на время приближения к крепости. Судя по тому, как перед этим генерал и Наш Мальчик о чем-то перешептывались, Брауни возражал, а крыльшки Смычка издавали печальную музыку, мистеру Тилибому казалось, что что-то здесь нечисто. Неужели они ему не доверяют?

Но Смычок дал ему слово, что дело не в этом. А Смычок никогда не обманывал. Ни разу.

Тилибом хотел убить шакала Фонаря, но не хотел подвергать жизнь друзей опасности звоном своего брюшка-колокольчика. Поэтому он остался. Он сидел, всхлипывая, и смотрел, как они поднимаются в гору, примерно полчаса, пока они не исчезли из виду. Тогда он поднялся и двинулся в долгий, страшный и одинокий обратный путь к пепелищу своего дома в краю Колокольчиков и Свистулек, где, как он думал, он сможет посидеть и поплакать немного, прежде чем начать отстраиваться заново.

Каждое утро, представлялось ему, он будет подниматься и звонить по погибшим Давать по одному удару за каждого из своих близких, которых его лишила злоба Фонаря.

Через час после рассвета он оглянулся назад, на уходящий ввысь пик Плешивой горы. В своем воображении он видел там, в этих горах, Нашего Мальчика, и генерала, и Брауни, и всех остальных.

– Убейте его, – прошептал мистер Тилибом – За меня. За нас всех.

Когда-то давным-давно Обманный лес был ему уютным домом.

Теперь он превратился в ад.

В то самое время, когда Тилибом шепотом возносил свои мольбы, лесные стражи завершили восхождение и в полный рост распрямились на безжизненном плато, на котором шакал Фонарь построил себе крепость из верхушки горы. В самом высоком месте Обманного леса с одной стороны река Вверх достигала своей высшей точки и низвергалась в пустоту, чтобы начать весь путь заново. С другой стороны виднелся плоский уродливый фасад оплота старины Шака.

Капитан лесных стражей Толстосук осторожно опустил Томаса на открытую всем ветрам вершину.

– Какие будут приказы, Наш Мальчик? – спросил капитан.

Томас взглянул на лицо в коре Толстосука.

– Мой отец – военный, – сказал он. – Все, что я хочу знать, это как нам попасть внутрь.

Толстосук улыбнулся.

– Не бойся, Томас, – сказал он добродушно. – Предоставь это нам.

Томас посмотрел на отца и увидел, как тот прищурил глаза в темных сладких нитях.

– А когда мы окажемся внутри? – спросил он.

Генерал немного помолчал. Он смотрел на фасад крепости, изучая ее. Потом вновь обратил взгляд на сына.

– Нас всего четверо. Будем держаться вместе и обобщем здание сверху донизу. Все, что нам нужно, это Натан. Если кто-то встанет у нас на пути, мы его убьем, – сказал он просто, потом остановил свой взгляд на каждом из них. – У кого-нибудь из вас возникнут с этим трудности?

– За Обманный лес, – сурово сказал Брауни.

– За Нашего Мальчика, – сказал с ветки Краснолиста Смычок.

– За жизнь, – сказали деревья, все хором. Тогда Толстосук наклонился, и несколько его верхних ветвей преподнесли Томасу дар.

– Что это? – спросил Томас, когда капитан лесных стражей передал ему большой лук и колчан со стрелами.

– Это все сделано из моих ветвей много-много лет назад, – сказал Толстосук. – Они принадлежали одному знаменитому лучнику. Теперь все это твое. Тебе нельзя без оружия.

– Ты очень добр. Но я никогда в жизни не стрелял из лука, – ответил Томас, недоуменно глядя на подарок.

Толстосук засмеялся, а за ним и все остальные.

– Ти-Джей, подумай, – сказал его отец. – Может быть, ты утратил власть над этим местом. Может быть, у тебя никогда и не было подлинной власти над ним. Но иногда ты все же мог что-то изменить, верно?

– Это твоя история, Наш Мальчик, – с низким поклоном сказал Брауни. – Может быть, ты и не знаешь, чем она кончится, но уж точно можешь написать, что ты лучник.

Томас посмотрел на оперение стрел в колчане.

– Я попробую, – ответил он неуверенно.

В эту минуту массивные нижние ворота крепости отворились, оттуда выбежала великанская черная горная горилла и, подволакивая лапы, с воплем бросилась на них.

Томас вытащил из колчана стрелу, положил ее на лук, натянул тетиву и отпустил древко. Ощущение оказалось приятное. Очень естественное. Остальные с трепетом проводили взглядом оперенное красно-зеленое древко, с пением сорвавшееся с тетивы.

Стрела пролетела в нескольких ярдах от гориллы. Свирепо вереща, разъяренная обезьяна продолжала наступать. Генерал Арахисовое Масло выхватил меч. Томас потянулся за следующей стрелой.

Из ворот крепости выскочили еще две гориллы.

Битва началась.

После шока, который Эмили испытала, увидев преследователя из окна своего кабинета, она просто отключилась. Все ее тело и разум оцепенели, как будто внутри нее начал смерзаться лед. Лед, который лишь самую чуточку подогревала, подтапливала мерцающая аура злости, окружавшая его. Она устала бояться. Измучилась трагедией, в которую превратилась ее жизнь, и была раздосадована этим новым поворотом ее сюжета.

Местная полиция приехала, разумеется. Они прочесали окрестности и вернулись ни с чем, а потом один из них, по фамилии Уитни, переговорил с детективом Сарбекером из Тарритауна, и тот попросил ее увидеться с ним, чтобы обсудить какое-то подобие программы защиты. Она договорилась встретиться с ним в больнице, чтобы она успела проведать Натана и Томаса, и Сарбекер с готовностью согласился.

Когда Эмили немного успокоилась, а полицейские уехали, она позвонила Джо, просто поговорить. Она рассказала ему, что произошло, и он предложил заехать к ней домой и привезти необходимые ей вещи, чтобы она могла переночевать у него. И все.

Лорена отловила Дориана из отдела маркетинга и Гарта из отдела корреспонденции – оба они отличались крепким и внушительным сложением, – и они втроем проводили Эмили до машины. Преследователь не показывался, но его отсутствие не утешало Эмили. До сих пор он проявлял упорство. Она знала, что он появится снова. И снова.

Впоследствии, во время разговора с Сарбекером, Эмили не могла даже вспомнить, как доехала от работы до больницы. Как будто включился автопилот, а все ее тело просто подчинялось самым основополагающим импульсам. Первым делом она отправилась к Натану и поцеловала его в лоб, потом заглянула к Томасу. Все было без изменений.

Когда подъехал Сарбекер, они решили посидеть за чашечкой кофе в кафетерии. Должно быть, они попали в пересmenoку, повсюду вокруг них люди ели и пили, и свободный столик они нашли с огромным трудом.

Когда она закончила пересказывать ему события дня, детектив посмотрел на нее с теплотой и сочувствием. Потом взгляд его стал озабоченным, и он взъерошил волосы с явно недовольным вздохом.

– Я видел такое миллион раз, – сказал он, – хотя в основном это были обиженные экс-супруги и все в таком роде. В таком случае защитить вас было бы куда проще.

– Что вы говорите, Уолт? – спросила она, вспомнив, что он просил ее называть его по имени. Такая неформальность ей нравилась. Она ощущала себя более значимой для него и, как следствие, почему-то чувствовала себя в большей безопасности. Она понимала, что это было глупо, но это не отменяло ощущения.

– Мне очень жаль, Эмили, – сказал Сарбекер, откидываясь на спинку стула и серьезно глядя на нее. – Но вы должны понимать, что никто не может гарантировать вам безопасность.

– Разумеется, я понимаю, – резковато ответила Эмили. Потом закатила глаза. – Но, господи, что я должна делать? Этот парень на самом деле ничего мне не сделал. Пока. Но он где-то рядом, постоянно. Он побывал в моем доме. Может быть, в эту самую минуту он преспокойно сооружает себе бутерброд у меня на кухне. Что я, по-вашему, должна делать?

На глазах у Эмили вскипали слезы, но она отчаянно противилась им, кусая губы

изнутри.

– Вам нужно уехать, – серьезно сказал Сарбекер, подаваясь вперед и вынуждая ее посмотреть ему в глаза. – Пожить немного где-нибудь в другом месте. Со временем он утратит к вам интерес.

Эмили с легкой улыбкой покачала головой, потом отбросила свои светлые волосы за спину и с обиженным изумлением посмотрела на него. Судя по его выражению и тону, он ни на секунду не верил в то, что она уедет из города, пока Натан и Томас все еще в коме.

– Я не могу уехать, – произнесла она то, что он и так уже знал, – вы же знаете.

Сарбекер вздохнул.

– Тогда мы особо ничем не сможем вам помочь, – сообщил он ей без обиняков. – Я попытаюсь сделать так, чтобы патрульная машина почаще показывалась в вашем районе. И дам вам номер своего пейджера. Он всегда включен. Если хотите, могу посоветовать вам инструктора по самозащите, которого мы время от времени рекомендуем. Он из местных и довольно толковый.

Она взглянула в его добрые печальные глаза. Сегодня седины в его волосах казалось больше, но она подозревала, что это всего лишь игра кошмарного освещения в кафетерии.

– Это все, что вы можете сделать? – спросила она без особой надежды.

Он так настаивал на встрече с ней, и Эмили почему-то решила, что здесь кроется что-то большее, что теперь, когда еще кто-то увидел человека, который преследует ее, полиция займется ее делом более тщательно. Перепуганная Лорена описала приметы человека с лицом, которое, как она сказала, так заросло бородой, что он «был похож на оборотня».

– Так все? – подстегнула Сарбекера Эмили, когда он не ответил немедленно.

– Такова горькая правда, – признал Сарбекер с явным огорчением, – но, поскольку нам неизвестно, имеет ли этот псих дурные намерения или просто одержим навязчивой идеей, никто не даст нам разрешения на упреждающий арест или наблюдение.

– Значит, он должен убить меня, чтобы в полиции решили, что мне нужна защита? – спросила она.

Сарбекер ничего не ответил.

Распроставшись с детективом, Эмили провела остаток дня у Натана – просто сидела в палате, иногда принималась читать ему книжку, которую принесла из дома; он любил, когда она читала ее ему перед Рождеством, «Полярный экспресс»^[16], вот как она называлась. До Рождества было еще далеко, но он не знал об этом. Или, во всяком случае, она считала, что он не знает. Единственное, что имело значение, это слова, успокоительные, чудесные слова и обещание надежды.

Несколько раз она подумывала о том, чтобы спуститься и снова проведать Томаса, но так и не проведала. Он сам повинен в своем состоянии, а сыну она нужнее. Натан в жизни и мухи не обидел. Эмили неусыпно дежурила у его постели, как будто надеялась сделать для сына то, что полиция, скорее всего, не могла сделать для нее самой.

В шесть часов тридцать семь минут зазвонил ее сотовый. Она достала его из сумочки и раскрыла.

– Слушаю.

– Привет. Ты еще в больнице?

– Привет, Джо. Да, я как раз собиралась тебе звонить.

– Я захватил твои вещи. И подумал, что никуда больше не поеду. Закажем доставку в

каком-нибудь китайском ресторанчике и носу никуда не высунем до второго пришествия.

Тон у него был шутливый, но шутка вышла натянутой. Он хотел развеселить ее, разрядить напряжение в их разговоре, во всей ее ситуации, но с треском провалился. И все же эта попытка подняла его в ее глазах. Он был по-настоящему хороший человек.

– Вот что, – сказала она. – Позвони в «Сады Пекина» и сделай заказ, а я заберу его по дороге.

На том конце трубки повисла пауза. Некоторое время спустя Джо спросил:

– Думаешь? Совсем скоро уже стемнеет, а заказать доставку мне вовсе не сложно.

– Не нужно, я сама, – заверила она.

У Эмили было такое ощущение, как будто она целый день купалась в своем страхе, как будто она сидела под водой, задержав дыхание, скрываясь от света над поверхностью. Не помешает, подумала она, увидеть этот свет хотя бы на миг, украдкой приобщиться к реальному миру на несколько минут, когда она не едет в машине, не сидит в больнице и не замурована в спальне своего приятеля. Всего-то – забрать заказ из китайского ресторана, но это повод пообщаться с людьми.

– Ладно, – согласился Джо. – Я закажу. Курицу с кунжутом?

– Гуньбао, – сказала Эмили. – Хочется чего-нибудь остренького. Может быть, это меня взбодрит. А не заехать ли мне еще и за пивом?

– От пива тебя потянет в сон, – заметил Джо, искренне обрадованный переменой в ее голосе. – Но если хочешь, ради бога. Тебя точно не нужно встретить?

– Нет, мне ведь не надо заезжать домой, – сказала она. – Думаю, мне ничего не грозит, по крайней мере сегодня вечером.

После этого они закончили разговор, и на лице Эмили задержалась легкая улыбка. Ничего еще не кончено. Она остро это чувствовала, в глубине души она не могла избавиться от страха, который за прошедшие два дня возрос экспоненциально. Но даже если от нее потребуются титанические усилия, она, чего бы это ни стоило, снова станет реальным человеком, всего на одну ночь.

Было около половины восьмого, когда она въехала на стоянку у «Садов Пекина». Эмили не спешила, в основном потому, что этот ресторан прославился своей выдающейся неторопливостью в исполнении заказов на вывоз. Потому, когда она зашла внутрь и обнаружила, что еда до сих пор не готова, это не вызвало у нее удивления, разве что легкую досаду.

В животе у нее урчало, когда она уселась на обитую красным дерматином скамью и изо всех сил попыталась не слушать посетителей, которые дурными голосами пели под караоке в соседнем зале. Владельцам повезло, что в их ресторане готовили лучшую китайскую еду во всем округе Вестчестер.

К тому времени, когда еда была готова, одна особенно неумная девица успела изнасиловать, казалось, весь репертуар Барбры Стрейзанд. За окнами быстро опускалась ночь.

Эмили обеими руками обняла пузатый пакет из коричневой бумаги и почувствовала тепло, исходящее от его дна. Сквозь щель между двумя скрепками, которыми официантка сколола верхушку пакета, просачивался восхитительнейший из запахов. Судя по аромату, Джо, наверное, попросил их приготовить курицу гуньбао поострее. Эмили улыбнулась. У нее потекли слюнки.

Она преодолела четыре бетонные ступеньки крыльца и пошла через стоянку, держа пакет обеими руками, прижимая его к груди, как будто пыталась защитить его от зла. Небо заметно посерело, и окруженная деревьями стоянка казалась еще более темной. И все же ночь пока не вступила в свои права, пока не до конца.

Слева от нее раздался хлопок, потом треск, и Эмили вздрогнула от неожиданности. Сердце на миг затрепыхалось в груди, потом она огляделась и поняла, что это трещал трансформатор на телефонном столбе, когда на краю стоянки вспыхнули фонари.

Она негромко рассмеялась себе под нос.

Но это было не смешно. Ее тревога, ее страх – они были реальными и небезосновательными. Пора ехать к Джо и покончить с этим. Подхватив пакет правой рукой, она освободила левую и принялась рыться в сумочке, которая висела у нее на левом плече. Покопавшись немного в ее недрах, она в конце концов извлекла ключи. Нажатие кнопки – и сигнализация на машине пискнула, давая понять, что она отключилась.

Эмили распахнула заднюю дверцу и устроила пакет на полу.

Когда она захлопнула ее и потянулась открыть переднюю, прямо у нее за спиной стоял он.

– Эмили, послушай, – произнес он полуворчливо-полужалобно.

И захохотал – этот нервный звук исходил откуда-то из глубины его тела.

Эмили ткнула его в грудь обеими руками, отпихнула и бросилась бежать. Но он оказался сильнее и проворней, чем она думала. Засмеявшись еще громче, еще безумней и схватив обеими руками, он развернул ее к себе лицом и так приложил о бок машины, что спину Эмили прострелила боль, а голова безвольно мотнулась назад.

– Ради бога, пожалуйста, не де...

– Посмотри на меня! – рявкнул он.

Она подчинилась.

– Ты должна выслушать, – сказал, почти прорычал он. – Ты должна поверить, а не то им обоим конец. Нам всем конец.

Все его лицо покрывал светлый мех. Нос слегка выдавался вперед. В свете фонаря блестели клыки. Но хуже всего были его уши. Они располагались почти на самой макушке, остроконечные, как у волка или кого-то в этом роде. Он был ужасен.

– Ты не узнаешь меня? – спросил он, и снова расхохотался.

Эмили завизжала.

– Отойди от нее! – раздался голос. Голос Уолта Сарбекера.

Голова у Эмили шла кругом, руки, которые стиснул нападавший, разламывались от боли, она вскинула голову и увидела, что Сарбекер медленно приближается к ним, целясь в ее обидчика. Ее охватило облегчение. Должно быть, он сам «вел» ее, несмотря на то, что тогда сказал. На свой страх и риск.

Но у него пистолет, а этот... это существо ничем не вооружено.

– Ты должна поверить, – прорычал незнакомец снова и припер ее к машине, глядя ей в глаза. – Взгляни на мое лицо, – потребовал он. – Ты меня знаешь. Ты же читала все его книжки, я знаю, что читала.

Эмили взглянула на нападавшего, и глаза у нее расширились.

Детектив переместился, теперь он стоял меньше чем в десяти футах, справа от нее.

И снова ее ударили о бок машины. Ей показалось, она услышала, как одно из ребер треснуло, и ее пронзила острая боль.

Эмили запоздало закричала. Из всех сил всадила колено ему между ног. Это было единственное, что пришло ей в голову, а нападавший не сделал ни единой попытки защититься. Он закричал, как раненое животное и посмотрел на нее испуганными глазами, при виде которых ей на миг захотелось протянуть ему руку.

– На землю, живо! – крикнул Сарбекер.

Он бросился к нападавшему, который двинулся на детектива, заливаясь своим пронзительным, плачущим, истерическим смехом, а потом ринулся вперед, как будто собираясь напасть. Или обороняться.

Сарбекер выстрелил.

Существо с телом человека и лицом зверя как подкошенное рухнуло на асфальт. Под ним быстро начала растекаться лужа крови.

Не сводя с нападавшего глаз и дула пистолета, Сарбекер кошачьим движением встал рядом с Эмили.

– Вы не ранены? – спросил он.

– Похоже... похоже, нет, – ответила она.

– Он что-то говорил? Вы знаете, почему он преследовал вас?

Эмили поглядела на обмякшее тело.

– Вы толком его не рассмотрели, да? – спросила она.

– Что, это кто-то из ваших знакомых?

– Возможно. В некотором роде. Переверните его, пожалуйста.

– Что? – переспросил Сарбекер. – Зачем?

– Пожалуйста, – сказала Эмили.

С огромной осторожностью, все время держа его на мушке, Сарбекер правой ногой перевернул тело. И выругался себе под нос при виде меха, клыков и ушей.

Он был еще жив. Еще дышал. Хотя, судя по луже крови, натекающей из него, продлиться этому суждено было недолго.

– Боже правый, это еще что такое? – прошептал Сарбекер, обращаясь больше к себе самому.

Раненое и умирающее существо слабо захихикало.

Эмили опустилась рядом с ним на колени, хотя Сарбекер кричал, чтобы она держалась от него подальше, и махал пистолетом.

– Это все правда, да? – спросила она и протянула руку – коснуться его лица. – Ты... Прости, прошло много времени. Я не помню, как тебя зовут. В последних книгах ты не появлялся. Как же тебя звали...

Эмили на мгновение задумалась.

И в ту же секунду существо испустило дух. Его глаза навеки закрылись, сердце перестало биться. И почти сразу же оно начало таять, истончаться, как солнечный свет, ускользающий за край мира на закате. Через несколько секунд после того, как процесс начался, он исчез, как будто его и не было.

– Хохотун, – негромко произнесла Эмили Рэнделл.

Уолт Сарбекер стоял все на том же месте, таращась на пустую мостовую, когда на подмогу ему подъехали другие полицейские. Мужчина, который напал на нее, объяснила Эмили, сбежал. Детектив Сарбекер сделал один выстрел, который спугнул его. Он спас ей жизнь, заявила она.

Нет, она не может объяснить, почему он не говорит.

Пение крыльев Смычка, словно призыв к оружию, огласило воздух. Дракон взмыл высоко над полем битвы и исчез. По прибытии они решили, что Смычок проникнет в крепость и попытается оценить масштабы сопротивления, с которым им придется иметь дело. Если ему удастся быстро отыскать Натана, тем лучше.

Почему-то, когда дракон влетел в одно из высоких окон и оказался вне пределов видимости и даже слышимости, Томаса охватила дрожь. Пронзительный ветер, гулявший по каменистому плато на вершине горы, пробирал до костей, но дело было не в нем.

Где-то в недрах этой крепости его сын до сих пор жив. Он знал это. И они вытащат его, так или иначе.

– Ти-Джей, берегись! – проревел тягучий голос.

Сестры Примат выскочили из крепости и бросились в бой. Громадные горные гориллы могли одним движением разорвать человека на куски. Но для этого им нужно было до него добраться. Лесные стражи двинулись им наперерез. Их ветви хлестали обезьян, сдерживали их напор. Брауни прорвался сквозь их строй и схватился с одной из тройки горилл. Томас слышал его яростный рев и видел рваные раны, которые когти Брауни уже оставили на морде обезьяны.

Но теперь одна из сестричек прорвалась сквозь строй стражей. Они были великанами, но временами это оборачивалось против них же. Их хлещущие ветви мешали друг другу.

– Это которая? – крикнул генерал Арахисовое Масло, с занесенным мечом бросившись горилле наперерез.

Томас взглянул на нее, громадную, слюнявую тварь, которую шакал Фонарь послал уничтожить их. Он знал ее. Ведь это он ее создал. Когда Томас впервые попал в Обманный лес, сестер Примат не существовало.

– Ребекка, – ответил он.

Генерал преградил Ребекке Примат путь, и Томас посмотрел в ее глаза. Его охватила ужасная грусть. Она жаждала его смерти. Да, таков был приказ Фонаря, но все равно знать это было жутко.

Генерал Арахисовое Масло занес меч, рубанул Ребекке по рукам, чтобы помешать ей ударить его. Она упала навзничь, он подскочил и изо всех сил всадил в Ребекку клинок; она взревела от боли и ярости.

И испустила дух.

Томас заплакал.

А деревья закричали.

Двое из лесных стражей – Чернокорый и Краснолист, на взгляд определил Томас, – были объаты огнем. Он с ужасом смотрел на них, потом охватил взглядом все поле сражения. Генерал мчался к горящим деревьям, в то время как Брауни все так же дрался с Абигайль Примат, а капитан Толстосук пытался поймать ее сестру Коретту в кольцо своих ветвей. Защищал Томаса, хотя его подчиненные были в огне.

Это было уже слишком.

Томас бросился к ним, умоляя прекратить. Остановить смерть. Он даже не понимал, что говорит, в голосе его звучал один лишь ужас. Слезы высохли, и он ощущал внутри только онемение и пустоту, пустоту, где должен был быть Натан.

Двадцать футов отделяло его от битвы, от пылающих деревьев и от его отца, который даже в эту минуту забирался на кричащие деревья, отсекал горящие ветви, пытаясь спасти их

этой ампутацией. Томас увидел, как солнце отражается от жирного коричневого арахисового масла, которое покрывало все тело Шона Рэнделла, и передернулся от отвращения.

Это не вымышленный мир.

Внезапно в единой вспышке он вспомнил, как обедал с Франческой, казалось, так давно и далеко. Она сказала, что Обманный лес в каком-то смысле пугает ее. Томас тогда не понял ее. Но теперь он взглянул на своего отца, на это безумное страшилище со сверкающим мечом, и осознал, что именно она имела в виду.

Понял этот страх.

В вышине раздалось безумное кудахтанье, заключающее в себе одновременно карканье и злобный хохот. Они слились в единое целое. Над ним на крыльях черных как ночь парил ворон Барри, поглощая солнечный свет и с презрением отражая его. Еще одно существо, которое Томас считал другом, считал добрым, перекинулось на сторону свирепого шакала Фонаря, когда настал момент истины.

Относительно судьбы ворона Дэйва, брата Барри, который предупредил его, у Томаса не было никаких сведений. И никакой надежды.

В когтях Барри держал длинную веревку, с которой капала вода. Она была мокрой насквозь. Но к концу веревки был привязан горящий факел, завернутый в шерстяные тряпки. Массивная штука, невероятно большой огненный шар. Теперь, глядя на него, Томас понял, каким образом загорелись Чернокорый и Краснолист.

Ворон спустился ниже, готовясь протащить пылающий факел сквозь верхние ветви капитана Толстосука.

С упавшим сердцем и мгновенно заледеневшими легкими Томас быстро потянулся за спину, вытащил из колчана стрелу, кинул ее на лук, натянул тетиву и спустил ее. Он смотрел, как стрела плывет по воздуху, и понимал, что до сих пор лишь присутствовал при битве. Они сражались за него, за него и за Натана, а он умышленно держался в стороне от собственно сражения.

Стрела нашла свою цель. Она пронзила тело Барри, остановив его на лету. Ворон без единого вскрика камнем понесся вниз и беззвучно рухнул наземь.

Томас убил ворона Барри. И тем самым начал убивать Обманный лес.

Краснолисту и Чернокорому пришлось отступить, чтобы огонь не перекинулся на их товарищей стражей. Несмотря на все усилия генерала Арахисовое Масло, который в самый последний миг был вынужден спрыгнуть на землю, оба дерева пожирало неугасимое пламя.

Капитан Толстосук вместе с двумя уцелевшими лесными стражами, Козодоем и Осенью, обступили распахнутые ворота в крепость шакала Фонаря. Они были слишком велики, чтобы войти внутрь, но очистили дорогу. Или почти очистили. Абигаиль и Коретта Примат продолжали преграждать им путь, хотя генерал и Наш Мальчик теснили Коретту.

Абигаиль молотила себя в грудь и готовилась кинуться на Брауни. Рваные раны у нее на морде сильно кровоточили. На его горле остались отметины от ее пальцев в том месте, где она стиснула ему шею, вероятно, пытаясь сломать ее.

Никогда в жизни Брауни не приходилось вести себя, как тот, кем он являлся, – громадный медведь гризли.

Абигаиль Примат набросилась на него, ее толстые кожистые лапицы пытались ухватить его так, чтобы нанести как можно больше вреда. Брауни взревел, привлекая внимание Томаса и генерала. Но они вели свой собственный бой. Он развернулся, пытаясь сбросить

гориллу, но та обеими лапами уже вцепилась ему в пасть и пыталась сломать ему челюсть.

– Нет! – закричал Брауни.

Он сгибался под ее чудовищным весом, пытаясь стряхнуть обезьяну. Задними лапами она обвила его брюхо, передние дергали за челюсти, растягивали мышцы до предела. Боль была невыносимая, но еще несколько секунд... и Брауни бешено замолотил лапами в отчаянной попытке вырваться.

Абигайль Примат взвизгнула: стрела пробила ей плечо, и острое оцарапало медведю спину. Лапы ее разжались, и Брауни отшвырнул ее прочь. Взревев от боли и ярости, подобных которым не испытывал никогда в жизни, гризли налетел на нее. Он рвал ее зубами, как самый обычный пес, и, как самый обычный пес, прижимал ее к земле, наступив передними лапами ей на грудь.

Потом он встал на задние лапы, потянулся к стреле, которую Томас пустил в Абигайль, и вытащил ее из обезьяньей груди. Кровь забрызгала его морду, и от ее медного привкуса на губах он впал в еще большее безумие. Охваченный первобытным неистовством, Брауни взмахнул правой лапой и распорол горилле брюхо. И снова брызнула кровь, пачкая его шкуру, а лапа взлетала и опускалась снова и снова.

Потом его челюсти сомкнулись на ее потрохах, и он принялся драть их.

Томас мог лишь смотреть. У него не осталось больше слез. Но глядя, как Брауни зубами рвет тело Абигайль, он знал, что мишка никогда больше не будет танцевать.

Мгновение спустя гризли оторвался от своей добычи, его рев расколол небо, словно гром, и он бросился бежать ко входу в крепость какой-то первобытной рысцей. Томас почувствовал на своем плече чью-то руку и, обернувшись, увидел отца – тот смотрел на него с сочувствием. За спиной у него лежала мертвая Коретта Примат. Голова ее была почти отделена от шеи.

– Боже правый, что я наделал? – спросил Томас.

– Ты выбираешь, – ответил генерал. – Ты выбираешь свою жизнь, своего сына и свою кровь.

Теперь покрытое арахисовым маслом лицо казалось невыразимо печальным.

– К каким бы ужасам это ни привело, Ти-Джей, ты выбрал правильно. Я сделал неверный выбор, но сейчас я здесь, чтобы исправить ошибки прошлого.

С этими словами генерал бросился следом за Брауни с обнаженным мечом.

Томас последовал его примеру с луком в руке, хотя и без отцовской уверенности. Он смирился с мыслью, что ему не удастся спасти ничего из того, во что превратился Обманный лес. Если он сможет спасти хотя бы Натана, этого будет довольно.

Скалоголовый стоял на пороге крепости, где свет факелов играл на стенах, уже посветлевших в лучах зари. Стены были влажные и серые, и места маловато для настоящего сражения, но Скалоголового это не волновало.

Он будет драться там, где ему приказал повелитель. Шакал Фонарь дал ему особые указания. Тот, кто первым переступит порог, должен умереть, причем мучительно, для острастки прочих. Из расселины в его черепе полыхало зловонное зеленое пламя. В каждой руке он держал по грубо сработанной пике: к длинному древку были примотаны острые, как бритвы, кинжалы. Он оттачивал владение этим оружием многие годы.

Делать людям больно – единственное, что хорошо ему удавалось. Но в Обманном лесу

ему никогда не позволяли убивать. До тех пор, пока шакал Фонарь не взял его к себе.

Он завертел пики перед собой, словно они были какие-то убийственные часовые стрелки, готовый исполнить приказание повелителя вопреки всем своим дурным предчувствиям. Он был готов убивать.

Обезумевший гризли ворвался в крепость со стремительностью и разрушительной силой лавины. Его рев сотряс стены; Брауни приподнялся на задних лапах и поднял правую переднюю, только когти блеснули в свете факелов.

Когти устремились вниз, раздирая беззащитную грудь Скалоголового. Тот резко, пронзительно вскрикнул. Он отшатнулся и с силой, которую придал ему страх, с глухим хрустом вогнал одну из своих пик в грудь медведя.

Это даже не приостановило Брауни.

Гризли протянул обе лапы и схватил Скалоголового, вскинул его над головой и взревел так громко, что больше уже Скалоголовый ничего не слышал.

Слабея, он взмахнул второй пилой и всадил ее медведю в спину. Брауни пошатнулся, поник и едва не грохнулся. Скалоголовый почти выпал у него из рук. Но он удержал его. Гризли крепко прижал Скалоголового к себе, взмахнул правой лапой и погрузил ее в зеленый огонь, горящий в расселине его головы. Когти Брауни зацепили край обнаженного черепа, и в тот самый миг, когда Скалоголовый почуял запах паленого медвежьего меха, раздался тошнотворный треск и оглушительный хруст.

Брауни оторвал Скалоголовому всю левую часть лица.

Ничто, кроме зеленого огня, не вырвалось наружу, если не считать клуба вонючего дыма.

Медведь пошатнулся. Упал. Его кровь, точно масло, растеклась по сырому каменному полу.

Хихикнув, как непослушный ребенок, Скалоголовый заплакал и захрипел. Подняв голову, он единственным уцелевшим глазом увидел, как генерал Арахисовое Масло вошел в крепость вместе с Мальчиком, и, протиснувшись мимо них, бросился в лес. Пламя на месте недостающей части головы пылало высоко, как никогда.

Смычок слетел по лестнице и завернул в коридор, и музыка его крыльев отражала его настроение. Она звенела, как бешеная, неистовая песнь каллиопы^[17], играемая на три четверти.

Дневной свет обрисовывал на пороге силуэт генерала Арахисовое Масло. За ним Смычок различил нижние ветви кого-то из лесных стражей – скорее всего, капитана Толстосука, – который охранял вход в крепость.

Потом он увидел Томаса, стоящего на коленях рядом с генералом. У громадного, неподвижного, истекающего кровью тела самого лучшего во всем мире друга Смычка. Руки Томаса были в крови гризли, а сам он был холоден и молчалив. Оцепенел.

Смычок не оцепенел, хотя молил об этой напасти.

– Брауни! – вскрикнул он, и музыка его крыльев, несмотря на бешеный темп, превратилась в погребальную песнь.

Миг спустя он затрепыхал крылышками и уселся на пол рядом с гризли. Глаза у него были закрыты, но он дышал. Поверхностно, да, но дыхание есть дыхание.

– Мы должны вытащить его отсюда, – сказал Смычок.

– Как только найдем Натана, – ответил Томас.

Драконы крылышки задрожали, звук их теперь куда больше походил на звон бьющегося стекла, чем на музыку. Из ноздрей вырвались крошечные язычки пламени. На мгновение его охватило желание накричать на Томаса, обвинить его во всем, что произошло. Но потом он взглянул на истекающего кровью гриззли, на остекленевшие, полуприкрытые глаза его друзей и подумал о том, что сказал бы Брауни.

Вина лежала на всех и ни на ком. Больше всех на шакале Фонаре и тех, кого он склонил на свою сторону. И все же на них нельзя было возложить всю ответственность за то, что произошло здесь. Иногда, подумал Смычок, гроза налетает, не считаясь с тем, нужен земле дождь или нет.

Он посмотрел на Томаса.

– Ладно, – сказал он. – Мы выручим Натана, но потом вы сами по себе. Если Брауни умрет, не знаю, захочу ли я спасти то, что останется от Обманного леса.

По лицу Томаса промелькнуло выражение боли и горя, но он только кивнул.

– Я вернусь, – шепнул дракон своему тяжелораненому другу.

С этими словами он устроился на плече у генерала Арахисовое Масло, и они все втроем двинулись дальше.

Они поднимались по массивным каменным ступеням винтовой лестницы, которая, похоже, была сердцем крепости, а эхо бродило вокруг них между гулкими стенами. Томас диву давался, что Фонарь не подтянул на подмогу больше сил. Он-то ожидал десятки воинов, согнанных со всех концов Обманного леса. Но, с другой стороны, лес всегда был населен более чем скудно, и Томас за все те годы, что был его довольно нерадивым попечителем, не сделал ничего, чтобы изменить положение.

Его дыхание эхом металось по лестничному колодцу.

Он оглянулся на отца, думая, что тот, может быть, что-то скажет. Быть может, было у него какое-то знание или что-то личное, чем нужно было поделиться. Но потом он увидел, как генерал движется, ту ухватку, с которой солдат до мозга костей подходил к делу ведения войны. И понял, что вот этот самый миг, сражение бок о бок, и есть наивысшая близость, которая когда-либо существовала между ними. Наивысшая близость, которая когда-либо может между ними быть.

Лестница вывела их на верхний этаж, в огромный зал с окнами по кругу, выходящими на лес, и горы, и реку Вверх в том месте, где она низвергалась в ничто. Отсюда шакал Фонарь мог видеть все, что происходило вокруг его крепости.

В дальнем конце зала виднелась высокая арка, а за ней – еще одна лестница, ведущая выше.

– Это не та лестница, по которой я поднимался в прошлый раз, – тихо сказал Смычок. – Когда я летал по крепости, я слышал, как кричал Натан, но все двери на том этаже были заперты. Правда, мы еще не добрались до того этажа. Нужно еще подняться.

Они двинулись через зал, Томас оглядывался по сторонам, ожидая увидеть в окнах какой-нибудь признак нападения. Лишь когда они отошли на несколько футов, он оглянулся назад, на лестницу, и увидел в сыром колодце адское рыжее зарево. Услышал цоканье когтей по каменным плитам.

И шакал Фонарь ворвался в зал. Его тыквенное лицо озарял огонь из прорезей глаз и рта, искрящихся жутким ликованием. Шакалье тело, гибкое и поджарое, преградило путь к арке, ведущей на лестницу.

Следом за ним в зал вошел Боб Долгозуб. Раны, которые нанесла ему в схватке Королева леса, еще не зажили, но, казалось, это лишь сделало его еще опаснее.

– Тебе никогда до него не добраться, – прошептал старина Шак; и пламя его разума ярко пылало. – Только если я позволю. А я не позволю, пока ты не исправишь все то зло, которое причинил, и не сделаешь меня королем Обманного леса.

Томас ошеломленно на него уставился.

Он даже не обратил внимания на то, что по комнате разнесся отзвук цокота копыт по каменному полу и в зале показался Султанчик, появившийся с той же стороны, откуда они пришли всего несколько минут назад.

– Ты чокнутый маньяк, – рявкнул генерал. – Томас тут ни при чем. Все пожары, все убийства, все безумие пошло от тебя!

Томас положил стрелу на тетиву своего лука, натянул ее на тот случай, если старина Шак шевельнется. Оглянулся через плечо на Султанчика, которого когда-то так любил.

– Я лишь хочу получить своего сына.

– А я хочу получить власть. И ты дашь ее мне!

По спине Томаса пробежал холодок.

– Я... я не знаю как.

– Тогда вы оба умрете, – заключил старина Шак.

Томас спустил тетиву своего лука.

Лихорадка у Натана прошла, но он все еще дрожал под грязными одеялами. В животе у него крутило, и он попытался сделать так, чтобы его вырвало, но ничего не вышло. Он выхаркнул что-то красное и коричневое и хотел заплакать. Но слез не было.

Послышался скрежет ржавого металла, и дверь в его каморку с грохотом распахнулась. На пороге в измятом и перепачканном костюме стоял Ворчун с одним из своих огромных колытов в руке. Он опасливо оглянулся назад, в коридор, потом взглянул на Натана.

– Вставай, парень, – сказал Ворчун.

Натан с трудом приподнялся в постели. В животе у него что-то колыхалось и перекачивалось.

– Ворчун, пожалуйста, – попросил мальчик. – Мне правда плохо. Я... я не могу. Не трогай меня.

Гном вскинул пистолет.

– Вставай.

Натан попробовал. Он уселся в постели, спустил ноги с края кровати и сделал попытку встать. И тут же осел на пол и начал кашлять и задыхаться, отхаркивая кровавую слизь.

Ворчун смотрел на Натана. Глаза у мальчишки были запавшие, обведенные черными кругами, кожа с желтизной. Лихорадка спала, но он все равно мог умереть, если не давать ему покоя и еды, а ни того ни другого в ближайшее время ему не видать. Во всяком случае не от старины Шака.

Хмыкнув, гном подошел к лежащему на полу Натану, протянул к нему свободную руку и перекинул мальчишку через плечо, как куль с мукой.

Вскинув взведенный колыт, Ворчун вышел в коридор с Натаном на плече.

– Ворчун, не надо... пожалуйста, – проскулил Натан. – Мне страшно.

– Еще бы, – непонятно сказал Ворчун. – А теперь молчок. Мы вытащим тебя отсюда.

На больничной стоянке Джо Хэйес смотрел на Эмили Рэнделл большими глазами. После того как накануне вечером на нее снова напали и полночи она провела в тарритаунском участке, давая показания, она появилась на пороге у Джо в состоянии такого шока, в каком ему едва ли приходилось кого-либо видеть. Она дернулась, когда он попытался приблизиться к ней, и уснула на боку, лицом к стене, на расстоянии от него.

Он тут ни при чем, повторяла она снова и снова.

Еще бы он был при чем, но что тогда «при чем»? Вот что его мучило. Парень, который напал на нее – и который, по всей видимости, благополучно смылся, несмотря на то, что полицейский, оказавшийся рядом, выпустил по нему пару пуль, – не успел ничего большего, чем просто напутать ее. Джо не был бесчувственным. Он понимал, что она, должно быть, ощущает себя невыносимо уязвимой, ведь этот ублюдок не дает ей проходу. Но в прошлом она приходила за утешением к нему, а теперь, к чему бы она ни стремилась, она искала это в своей собственной голове.

Утром она не проронила почти ни слова. Они позавтракали практически в полном молчании и ехали в больницу сквозь дождь под аккомпанемент одного лишь шуршания «дворников» по стеклу.

Несколько раз он пытался заговорить о том, что ее снедает. Она отделялась какими-то невнятными отговорками, но ни разу не ответила прямо.

Теперь, когда они вышли из машины под дождь, Эмили отгородилась от него зонтом, как будто он мог защитить ее от дальнейших расспросов, и терпение у Джо лопнуло.

– Господи боже мой, Эмили, да поговори же со мной! – Он смотрел на нее, ожидая ответа, которого так и не последовало. – Пожалуйста, – добавил он запоздало. – Я пытаюсь быть рядом с тобой, но ты не подпускаешь меня.

Ее ореховые глаза смягчились, и она посмотрела на него с чем-то сродни жалости, но это лишь привело его в еще большее замешательство. Дождь мочил его коротко подстриженные волосы и стекал по лицу. Он стирал капли руками, едва сдерживаясь.

– После всего, что я пережил вместе с тобой, мне казалось, ты самое малое вступишь меня в свою жизнь, – сказал он с искренней печалью в голосе. – Я хотел, чтобы у нас все получилось. Я хочу быть рядом с тобой, чтобы поддержать тебя, если ты упадешь, обнимать тебя, когда ты плачешь, и целовать, когда ты смеешься.

Эмили придвинулась к нему, и Джо почти сразу же понял, что это только для того, чтобы поделиться с ним зонтом, защитить его от дождя. Она пошла ко входу, но Джо не мог сделать этого. Не мог сделать ни шага к этой больнице. Жизнь, которая шла в ее стенах, принадлежала Эмили, а если он не был частью этой жизни, места ему там не было.

В конце концов она раскрыла рот. Ему показалось, что она плачет, но по ее лицу в каплях дождя сказать наверняка было нельзя.

– Эм? – произнес он.

– Я буду сегодня звонить моему адвокату. Отзываю прошение о единоличной опеке, – сказала она.

Он только захлопал глазами. Потом спросил:

– Это из-за Томаса? Ты все еще хочешь быть с ним?

Она ласково улыбнулась.

– Все совсем не так, – сказала она. – Я люблю его. Я же тебе говорила. Часть меня всегда будет его любить. Но я не могу поступить с ним так. Тебе этого не понять.

Джо покраснел.

– Не надо разговаривать со мной, как с маленьким мальчиком, Эмили, – процедил он. – Может быть, если бы ты попыталась объяснить, я...

Она вспыхнула. Безжизненное выражение слетело с ее лица, стертое бешенством, которого он никогда не видел на нем прежде.

– Я не могу этого объяснить! – заорала она. – Черт побери, Джо, хватит, пожалуйста! Если я позволю себе задуматься об этом, по-настоящему задуматься, хотя бы на секундочку, я просто сойду с ума. Пожалуйста, оставь эту тему в покое!

Он захлопал глазами. Она учащенно дышала, почти задышалась. Глаза ее были расширены, как будто она поражалась его поведению, как он – ее.

– Господи, Эмили, да что с тобой такое творится? – спросил он так мягко, как только мог.

И в ту же секунду, едва произнес эти слова, он понял, что именно этого говорить не следовало. Эмили заледенела. Чем бы ни было то обнаженное чувство, которое она только что продемонстрировала ему, теперь оно было наглухо запечатано, упрятано за каменным лицом бездушной статуи. Как будто бы он протянул руку и просто выключил ее, одним щелчком переключателя.

– Ты очень хороший, Джо, – сказала она. – Но мы больше не увидимся.

Она развернулась и зашагала ко входу в больницу. Он бросился за ней, но через три шага остановился. В походке Эмили не было ни малейшего колебания. Она даже не оглянулась, чтобы посмотреть, идет ли он следом. Что бы с ней ни произошло, что бы ни надломилось в ее душе, он пытался убедить себя, что сможет все поправить, если только она даст ему шанс.

Но она скрылась в вестибюле, и Джо Хэйес подумал о том, какого труда это будет стоить. Сколько ее прошлого он уже принял, пытаясь любить ее.

Она не хотела этого.

Бросив последний взгляд, он развернулся, уселся в свою машину, завел двигатель и поехал домой.

Войдя в больницу, Эмили решительно направилась к лифту и в молчании поднялась наверх. Она подошла к сестринскому посту у палаты Натана, по ее бесстрастному лицу медленно катились слезы.

– Мне необходимо немедленно поговорить с доктором Гершманном, – сказала она.

К счастью, Гершманн как раз делал обход. Она молча прождала почти пятнадцать минут; когда он оказался, она поприветствовала его одним лишь взглядом, потом вошла в палату Натана, зная, что он последует за ней.

Она не смотрела на неподвижное тело сына.

Не могла.

От этого невозможное показалось бы еще более нелепым.

– Что такое, миссис Рэнделл? Случилось еще что-нибудь?

– Куда уж еще? – спросила она горько.

Гершманн захлопал глазами, как будто она выругалась.

– Доктор, я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали, – сказала она. – Я хочу, чтобы моего бывшего мужа перевели сюда. Попросите каких-нибудь санитаров поднять его сюда и

поставить для него койку рядом с Натаном.

Хмыкнув, Гершманн чуть отклонился назад, поглядел на нее исподлобья. Провел рукой по лысеющей макушке.

– Миссис Рэнделл... Эмили. Я уверен, вы должны понимать, что я не могу вот так просто взять и переместить Томаса. Он даже не мой пациент. А правила нашей больницы...

В одно мгновение она оказалась перед ним, нос к носу, глядя ему в глаза, несмотря на разницу в росте.

– Вам известно, почему мой сын до сих пор в коме?

– Вы же знаете, что нет.

– А Томас?

Гершманн ничего не ответил.

– А если я скажу вам, что считаю, что если их поместят рядом друг с другом, это может помочь им выздороветь? – осведомилась она.

– Почему вы так думаете? – спросил врач, хмурясь.

– Вы не знаете, что с ними такое. Не понимаете, как их лечить. Это хоть что-то. У меня доверенность на принятие решений по медицинским вопросам от имени Томаса, а Натану я мать. Я требую, чтобы вы положили их рядом, в одной палате, и сейчас же, или я заберу их домой и сделаю это там.

– Это ради них, – спросил доктор Гершманн, – или ради вас?

Эмили метнула в него сердитый взгляд. Потом он смягчился.

– Я просто считаю, что им нужно быть вместе. Одной семьей.

Врач еще некоторое время смотрел на нее. Потом пожал плечами.

– Посмотрю, что удастся сделать, – сказал он и вышел из палаты.

Когда он ушел, Эмили упала на стул, разрыдалась и обхватила себя руками, а потом обняла своего малыша, и целовала его, и шептала обещания, которые могла лишь надеяться сдержать.

Дальше все закрутилось очень быстро.

Томас выпустил стрелу, которая вспорола затхлый воздух зала и понеслась к своей цели, шакалу Фонарю. Но старина Шак оказался слишком проворен. Стрела звякнула о каменную стену, и Фонарь бросился на Томаса.

Генерал Арахисовое Масло преградил ему дорогу. Сверкнул меч, рассекая плечо старины Шака. Фонарь попятился, и генерал начал теснить его в угол.

– Ты не можешь так поступить, – проскулил старина Шак; огонек в его тыквенной голове неуверенно помаргивал.

Султанчик напал на Томаса сзади. Со всей быстротой, на которую он был способен, Томас кинул очередную стрелу на тетиву и стремительно обернулся. Вид у пони с хохолком светло-зеленых перьев на макушке был совсем не ласковый. Всю его кротость сейчас как рукой сняло, он несся на Томаса, храпя, как взбесившийся жеребец. Томас заколебался.

Сколько раз он ездил верхом на Султанчике?

Пони взвился на дыбы, занес копыта, чтобы размозжить Томасу череп.

С трубным ревом и звоном бьющегося стекла Смычок бросился Султанчику в морду. Язык пламени вырвался из драконьей пасти, но пони только взвился на дыбы еще выше, и огонь лишь опалил ему шерсть.

Большого, чтобы избавиться от сантиментов, Томасу не понадобилось. Он выпустил еще

одну стрелу и попал Султанчику в мясистую часть лопатки. Пони заржал, громко, яростно, однако когда он опустил, то отступил на несколько шагов.

– Наш Мальчик! – вскрикнул Смычок и спикировал на Томаса, изрыгнув из ноздрей язычки пламени. Его оранжевое брюшко казалось таким беззащитным, таким ярким в столь мрачную минуту.

Томас застыл, спрашивая себя – неужели и дракон против него? Но Смычок пронесся над его головой, и Томас услышал, как он с потрескиванием и свистом выдохнул огонь. И снова он обернулся, выхватывая из колчана очередную стрелу, бросая ее на лук, натягивая тетиву – все сразу одним стремительным движением.

Боб Долгозуб пылал, воя от боли и страха. Он рухнул наземь, и Томасу немедленно стало ясно, что произошло. Саблезубый тигрочеловек бросился на Томаса сзади – разодрать его, покончить с ним. Дракон Смычок спалил его заживо.

Даже сейчас, когда пламя лизало громадные, похожие на клыки зубы, торчавшие из нижней челюсти Боба, когда его шерсть и кожа обуглились, тигрочеловек пытался заставить свои лапы двигаться вперед. Боб в последний раз замахнулся на него, но Томас отступил. Потом Долгозуб умер.

– Смычок... – начал Томас. Но дракон уже летел к окну.

– Я хочу помочь Брауни! – крикнул он. – Для тебя я уже сделал все, что мог.

Глаза у Томаса расширились, но он ничего не ответил. За несколько секунд Смычок дважды спас ему жизнь. О чем еще он мог просить?

Шакал Фонарь в дальнем углу улучил секунду и когтистыми лапами ударил генерала Арахисовое Масло, но тот увернулся и снова взмахнул мечом. Ни один из них не осмеливался приблизиться к другому.

Томас натянул тетиву лука, несмотря на сопротивление, и крутанулся, чтобы прицелиться в Султанчика. Но пони уже сорвался с места. Несмотря на рану, он рысью несся к двери, через которую появились старина Шак и Долгозуб. К выходу на черную лестницу крепости.

Томас нахмурился. Бегство было не в духе Султанчика.

Потом он услышал надсадный кашель и плач, доносящиеся с лестницы за аркой. И яростное шиканье Ворчуна.

И все понял.

– Ворчун, гнусный предатель! – крикнул Султанчик на бегу к двери.

– Натан! – закричал Томас.

Он готов был броситься к арке, когда услышал позади какую-то возню. Вскрик боли и раскат недоброго смеха. Адское лицо Фонаря вспыхнуло ярче, по стенам заплясали его зловещие тени.

– Мальчик! – взревел старина Шак.

Томас обернулся, чувствуя, как его, словно магнитом, тянет туда, куда его малыша уносят от него по лестнице. Он разрывался напололам. Но когда он увидел, что Фонарь стоит над неподвижным телом генерала Арахисовое Масло, он остолбенел.

– Папа? – нерешительно позвал Томас.

Но его отец лежал неподвижно, и в животе его зияла рана. Арахисовое масло, кожа и мышцы были разодраны, и внутренности вывалились наружу розово-красно-коричневым клубком. Над ним на задних лапах стоял шакал Фонарь. Его тыквенное лицо было измазано кровью, и чудовищные лапы – тоже. Но была и другая кровь. Кровь самого Фонаря. Она

обильно текла из полудюжины ран в тех местах, где меч генерала задел, рассек или пронзил его. И все же, непонятно каким образом, шакал крепко держался на ногах. Его низкий, надменный, вкрадчивый смех эхом раскатился по залу.

Потом он поднял заднюю ногу и помочился на пол, метя свою территорию, и его моча смешалась с кровью отца Томаса Рэнделла.

Томас выкрикнул что-то нечленораздельное даже для него самого. И выпустил стрелу, которая все эти непостижимые бесконечные секунды покоилась на его луке. Она влетела шакалу Фонарю в глаз, пробила затылок его тыквенного черепа и продолжила полет – лишь затем, чтобы бесполезно дзенькнуть о стену.

Огонек свечи в голове старины Шака слегка затрепетал, потом загорелся ровно. Из дыры в затылке тошнотворно пробивался свет, отбрасывая тень раны на стену.

– Наш Мальчик, – прошептал Фонарь. – Здесь все было идеально, пока не появился ты. Меня боялись. А потом пришел ты, и страх исчез. Ты изменил все и подчинил себе.

Я убью тебя только за одно это. Ты не сделаешь по-моему, значит, ты умрешь. Может, Обманный лес умрет вместе с тобой, но лучше так, чем жить без их страха, который питал меня. Я был здесь дотепя. Может быть, я останусь здесь и после тебя.

Томас покачал головой.

– Ты спятил. Я подарил тебе такой страх, какого ты и представить себе не мог. Я подарил тебе страх миллионов детей, для них ты был самым худшим порождением их ночных кошмаров. Неужели ты не понимаешь этого?

Старина Шак громко расхохотался, морщась от боли в ранах, наконец-то проявляя хоть какую-то уязвимость.

– Ты болван, Томас, – произнес жуткий зазубренный рот. – Это не страх. Ты сделал из меня выдумку, книжное зло, ужас на словах. Выдумку. В этом нет подлинного страха. Что может быть безопаснее выдумки? Даже самый напутанный ребенок все равно может закрыть книгу и отложить ее в сторону.

Томас прищурился.

– Ты прав, – сказал он и потянулся за следующей стрелой. – И, пожалуй, настало время положить этой выдумке конец.

В тот же миг, когда Томас положил стрелу на лук, шакал Фонарь бросился на него. Он взревел, по стенам разбежались гротескные отблески света, и не успел Томас даже натянуть тетиву, как когти Шака обрушились на него. Словно иглы впились ему в лицо и грудь, и он закричал.

И упал. Яростно рыча, истекая расплавленным воском вместо слюны, шакал Фонарь начал рвать его. Томас закричал. Боль была настолько сильной, что его мозг отказывался воспринимать ее, и сознание начало гаснуть. Когти вспарывали его живот и пах, мышцы ног, терзали обнаженные ребра.

Фонарь отскочил в сторону, сжимая в челюстях окровавленную добычу. Потом стал подкрадываться обратно. Те ошметки инстинкта самосохранения, которые еще оставались у Томаса, заставили его перевернуться, и он пополз по залу. Он едва понимал, что за ним и под ним волочатся куски его плоти.

Еще несколько дюймов – и он затих, ткнувшись щекой в лужу отцовской крови с шакальей мочой пополам. Он даже не почувствовал запаха. Когда темная тень уже начала застилать его сознание, затмевая разум, он подумал о Натане. Тогда его разум вернулся обратно, в здесь и сейчас, и он подумал «Все должно было быть не так».

Он в последний раз протянул руку, и кончики пальцев коснулись щеки мертвого отца. Шакал Фонарь зарычал. Шакал Фонарь рассмеялся. И тогда Томас Рэнделл умер.

Эмили сидела на деревянном стуле между двумя кроватями в палате Натана, подремывая на солнышке, которое било в окно. Негромкое попискивание двух одинаковых мониторов, отслеживавших сердечные ритмы Томаса и Натана, убаюкивало ее.

По экрану Томаса поползла тонкая прямая линия.

Глаза Эмили распахнулись.

Она закричала.

Когда Томас умер, по телу шакала Фонаря пробежал холодок страха, и он даже поежился. Он оглядел стены, посмотрел на солнечные лучи, льющиеся сквозь окна. Пол под его ногами все еще был вполне твердым.

Шакал Фонарь снова расхохотался.

Томас Рэнделл мертв. Наш Мальчик. Его больше нет, а Обманный лес уцелел. Теперь старина Шак станет его безраздельным хозяином, и смерть любому, кто встанет у него на пути.

Он задумался. Ухмыльнулся. После этой битвы в лесу осталось не много таких, кто осмелится встать у него на пути. Пожалуй, из всех – один лишь дракон. И еще этот чертов гном Ворчун, который оказался предателем и попытался утащить мальчишку Натана в безопасное место. О, он видел, как они спускались по лестнице. И видел, как Султанчик бросился в погоню.

Славный пони. Старина Шак подумал, что надо будет наградить его какой-нибудь высокой должностью в его новом королевстве.

Скребя когтями по каменному полу, подошел к окну, которое выходило на бескрайнее плато и реку Вверх. Сначала он не увидел их. Единственные, кто шевелились, были три уцелевших лесных стража, топтавшихся у входа в крепость внизу.

Но Ворчун не мог уйти этим путем. Деревья остановили бы его, не зная, что он снова переметнулся на другую сторону.

Шак перешел к другому окну, откуда открывался чуть более прямой вид на берег реки и обрыв в ничто вдаль. И – пожалуйста. Гном с мальчишкой, перекинутым через плечо, шагал по каменистой площадке к воде.

– Ворчун! – оскалился он. – Я сожру твое сердце.

Рыкнув так, что свечка в голове у него вспыхнула, он развернулся и бросился к двери.

Мертвые отец и сын лежали в нескольких дюймах друг от друга. Арахисовое масло, несмотря на всю свою густоту, начало оползать с тела генерала. Кровь Томаса начала стекаться с отцовской, перемешиваться, собираться в одну лужу. Она уже стала остывать.

Там, где кончики пальцев Томаса коснулись лица генерала, они дрогнули, оставив на поверхности арахисового масла завитки отпечатков. Внезапное гудение огласило зал, и арахисовое масло, покрывавшее грудь генерала, заволновалось и забурило.

Маслянистая пленка лопнула, и пчелы вырвались наружу. В прошлом они стали частью его тела, помогая ему остаться в живых. Теперь они вырвались на волю и впали в неистовство. Рой сбился в одну тучу, их яростное жужжание слилось в оглушительный гул.

Шакал Фонарь помедлил на самой вершине лестницы, перед тем как спускаться. Он слышал жужжание, но решил не обращать внимания. И зашагал вниз.

Рой опустился на тело генерала, сдвигая, слепляя и поднимая в воздух арахисовое масло, которое так долго поддерживало в нем жизнь, которое было его панцирем. Ибо то, что скрывалось под ним, не было телом, в котором он появился на свет. Это была оболочка, которая существовала лишь в Обманном лесу. В своем родном мире он умер еще до того, как его нога ступила в лес.

Пчелы двигались стремительно, почти головокружительно быстро. Немыслимо быстро. И арахисовое масло тоже зашевелилось. Оно потекло, перепрыгнуло с лица генерала на пальцы Томаса Рэнделла. Оно взбежало по пальцам Томаса, на глазах облепляя все его тело. В считанные секунды пчелы набились в раны на животе Томаса, и арахисовое масло хлынуло поверх них.

Томас открыл глаза. Липкие нити арахисового масла склеивали его веки, но он все видел. Он раскрыл рот и провел языком по губам, срывая запечатывавшие их липкие нити. Он чувствовал их вкус.

Вкус жизни.

Томас Рэнделл, генерал Арахисовое Масло, поднялся на ноги. Он огляделся вокруг, увидел на полу труп своего отца, на краткий миг уронил голову, вознося молитву за человека, который ушел бы в вечность еще несколько десятков лет назад, если бы только его сын согласился отпустить его.

Свет заиграл на клинке отцовского меча, который лежал на сыром и холодном каменном полу в нескольких футах поодаль. Томас протянул руку, и арахисовое масло щупальцами разбежалось по залу, обвило рукоять и притянуло меч к нему в руку.

Тогда он пошел за своим сыном.

Река уже виднелась впереди, когда Ворчун услышал за спиной цокот копыт Султанчика по каменистому плато. Он не остановился, чтобы подумать. Он крутанулся, не слишком бережно свалил мальчика на твердую, открытую всем ветрам землю и вытащил второй кольт.

Теперь у него в каждой руке было по пистолету, «кольту-миротворцу», излюбленному оружию стрелков старого американского Запада. Давным-давно он нашел их в Сердце леса. Кто-то побывал у них. Кто-то оставил их там вместе с патронташем, полным пуль. И других пуль у него не будет.

Теперь солнце находилось за крепостью, ее длинная холодная тень пересекала вершину горы. Река Вверх струилась мимо в пятидесяти или шестидесяти ярдах от них, а еще в сотне ярдов она достигала края плато и обрушивалась в бездну клубящегося света и тумана, которая вела в никуда. Возможно, куда угодно.

Куда-то. В глубине души Ворчун чувствовал, что знает, куда она выведет.

Султанчик приближался галопом, храпя и потея, и по ноге его из раны в лопатке текла кровь. Светло-зеленые перья на макушке полоскались на ветру.

Ворчун вскинул оба револьвера и прицелился в пони, который когда-то был ему лучшим другом.

– Ни шагу вперед! – сказал он громко. Фыркнув, Султанчик с топотом остановился футов в двадцати поодаль и принялся перебирать копытами и храпеть.

– Отдай мне мальчишку, – сказал пони. – Старина Шак вырвет твоё сердце, но если ты

сейчас одумаешься, может быть, мне удастся убедить его пощадить тебя.

Гном в полосатом костюме горько рассмеялся и покачал головой.

– Ты и впрямь в это веришь? – спросил он. – Он обезумел, Султан. Да разуй же ты наконец глаза, приятель. Я хочу сказать, если бы он действительно собирался исполнить то, о чем говорил в самом начале, если бы он действительно пытался спасти лес, спасти всех нас, это одно дело. Но ты взгляни на него.

Он кивнул в сторону Натана. Пони взглянул.

– Он не должен был пострадать, – сказал Ворчун. – А теперь он умирает. Ты ведь не этого хотел, верно? Этот парнишка был с нами с того самого дня, как появился на свет. Он дергал меня за бороду, ездил на тебе верхом, смеялся и никогда не докучал никому своим нытьем, как некоторые дети. Он – хороший мальчик.

Он сын Нашего Мальчика. А Томас, может, и позабыл нас, но это не значит, что он нас разлюбил, Султан. Это значит лишь, что ему нужно было жить. Нужно было стать тем, кем ему было предназначено стать, быть отцом этого мальчика. Я повидал в том мире побольше твоего. Там нелегко. Томас отвернулся от нас не потому, что ему так захотелось. Такова жизнь, вот и все. И за это мы убьем его единственного сына?

Копытца Султанчика глухо цокнули о камень – он переступил с ноги на ногу. Взглянул на Натана – его глаза внезапно распахнулись. Мальчик был нездоров и от него пахло болезнью и еще кое-чем похуже. Но он был всего лишь ребенком.

– Султанчик? – позвал Натан.

– Томас мог превратить это место в рай, если бы только захотел, – сказал Султанчик, но как-то неожиданно неуверенно.

Ворчун чуть расслабил руки. Дула его револьверов немного опустились. Он склонил голову набок и умоляюще посмотрел в глаза пони.

– Оно и так рай, идиот, – сказал он с любовью. – Вернее, было раем, пока старина Шак не принялся жечь и убивать.

– Все уже гибло, уже менялось. И все потому, что Наш Мальчик позабыл про нас, – сердито возразил Султанчик, хотя на Натана он больше не смотрел. Не посмотрел даже, когда мальчик снова повторил его имя слабым голосом.

– Все гибнет, – сказал Ворчун. – Все изменяется. Так было всегда до тех пор, пока не пришел Томас и не начал видеть нас в своих снах, изменять все по своему желанию. Если все возвращается на круги своя, это не его вина.

Я не хочу умирать, Султан, – сказал гном. – Но я не могу допустить, чтобы умер Натан. Я не могу позволить Фонарю завладеть им.

– Это единственный выход, – возразил Султанчик. – Единственный способ воздействовать на Томаса. Если ты собираешься помешать мне забрать его, тебе придется меня убить.

Султанчик бросился вперед. На один-единственный миг Ворчун потрясенно застыл, потом его лицо исказилось от горя. Он вскинул кольты на уровень груди Султанчика.

И выстрелил.

Пони умер. Ворчун рыдал над его телом. Натан тоже плакал, и его кашель, его сопение и всхлипы заставили Ворчуна снова вернуться к жизни.

Он убрал пистолеты и нагнулся, чтобы поднять мальчика, и тут раздался голос.

– Я ценю преданность, и тебе это известно, гном, – прорычал шакал Фонарь.

Ворчун вскинул голову и со страхом смотрел на приближающееся чудовище. В тени

крепости шакал Фонарь выглядел как настоящее привидение; огонь свечи озарял изнутри его тыквенную голову. Сквозь один его глаз виднелась дыра в затылке.

Сквозь эту дыру он видел, что уцелевшие лесные стражи обошли замок и приближаются к ним. А под ветвями, в тени их крон, бежал генерал Арахисовое Масло, высоко вскидывая колени, и размахивал мечом.

– Странно, – прошептал старина Шак. – И предательство я тоже ценю. Это урок, ты так не считаешь? Урок тому, кого предали, и тем, кто может предать в будущем. Во всяком случае, если с предателем расправиться незамедлительно. Я собираюсь сделать пример из тебя, предатель, – сказал Фонарь, наступая на Ворчуна.

Гном стоял перед мальчиком Генерал был далеко, но приближался. Ворчун сунул руки за пазуху и схватился за пистолеты в тот самый миг, когда Фонарь прыгнул на него. Ему удалось вытащить один из них из кобуры и выстрелить, но пуля лишь смяла тыквенную голову, и тогда Фонарь налетел на него. Оба кувырком покатались по земле. Ворчун сильно ударился затылком и на миг утратил ориентацию.

Старина Шак располосовал его лицо, и из ран потекла кровь.

Кровотечение разозлило Ворчуна не на шутку.

Собрав все свои силы до последней капли, он всадил колено Фонарю в пах. Старина Шак ахнул, и Ворчун отшвырнул его. Фонарь полетел на землю рядом с пистолетом, который Ворчун сумел выхватить, но потом не удержал.

Второй все еще находился в кобуре, и теперь он вытащил его. Он выстрелил всего один раз и промахнулся. Шакал Фонарь не переставал двигаться, но теперь держался на расстоянии, опасаясь пистолета.

По его весу Ворчун понял, что он разряжен. И в миг этого осознания увидел, как в глазах старины Шака вспыхнул огонь. Фонарь прочитал это понимание на его лице.

– Ну-ка пристрели меня, – весело сказал старина Шак.

Теперь он снова приближался.

Целясь в Фонаря из бесполезного пистолета, Ворчун наклонился, чтобы поднять Натана. Одним могучим усилием он снова вскинул мальчика на плечо и почувствовал, как заныли царапины на лице, открываясь еще сильнее.

– Пристрели меня, – повторил Фонарь. – Или мне придется убить вас обоих.

Потом прорезанные в тыкве глаза расширились, и оба услышали тяжелую поступь приближающихся деревьев.

Ворчун улыбнулся.

Шакал Фонарь рассмеялся.

– Скажи честно, – спросил он. – Ты считаешь, что эти дряхлые стражи успеют добраться сюда вовремя, чтобы помочь тебе?

– Они не одни, – заметил гном.

На миг шакал Фонарь заколебался. Потом обернулся на шум надвигающихся стражей и увидел несущегося на него генерала Арахисовое Масло с занесенным мечом.

Когда старина Шак повернулся к нему спиной, Ворчун кинулся к реке Вверх.

Шакал Фонарь с рычанием набросился на Томаса. Арахисовое масло обнажило меч, словно ножны, когда он замахнулся им. Лапа Фонаря ободрала ему плечо, но Томас отсек ему другую. Хлынула кровь, и старина Шак с воем покатился по земле.

Он заскулил, пытаясь подняться на три лапы, потом встал на задние, решив

передвигаться на двух ногах. Культю он прижимал к телу и угрожающе рычал, глядя на Томаса Огонек свечи в его тыквенной голове помаргивал.

– Тебе больше нет здесь места, – сказал ему Томас голосом, тягучим от арахисового масла, которое покрывало его горло изнутри.

Фыркнув от изумления, Фонарь поморщился, на его жутком лице появилась полуулыбка.

– Ты уничтожил Обманный лес для меня, – сказал он. – Ты насадил эти правила. Добро торжествует, а зло должно быть повержено. В жизни так не бывает. Только в сказках.

Свечка в тыквенном черепе снова моргнула и начала оплывать. Огонек побледнел в тени исполинской крепости.

Его глаза и рот плакали воском.

– Это все выдумка, Шак, – холодно произнес Томас – Моя. Твоя. Неважно. Существует лишь одно правило: все идет от души. Ты никогда этого не понимал.

С подбородка у него капал воск, и Фонарь пробормотал:

– Теперь ты Король леса.

– Нет, – сказал Томас, – этот титул принадлежит не мне.

С тяжелым сердцем Томас Рэнделл, генерал Арахисовое Масло, взмахнул мечом и рассек тыквенную голову старины Шака точно пополам, разрубив свечку на две части и погасив пламя.

Гнилая тыква распалась на две половинки, и обезглавленный шакалий труп мешком рухнул на землю.

Когда лесные стражи наконец-то нагнали его, Томас обернулся к ним спиной. Он смотрел на реку Вверх на том конце скалистого плато. Он заметил Ворчуна с Натаном на руках за миг до того, как гном бросился в бурлящую воду.

– Ворчун, подожди! – крикнул он.

Он бросился к реке, наискосок, пытаясь обогнать течение. На берегу он прибавил ходу. Снова и снова Томас выкрикивал имя сына. Наконец голова Ворчуна показалась над водой, и его глаза встретились с глазами Томаса.

Ворчун помахал рукой. А потом, все так же держа Натана в руках, гном исчез в водопаде. Томас как вкопанный остановился у обрыва и заглянул через край туда, где вода неслась вниз, в Туманное ничто.

У них все будет хорошо, он знал это. За этим туманом та часть Натана, которая была заперта здесь, в Обманном лесу, отыщет дорогу домой. Просто Томас хотел попрощаться.

Он смотрел вниз, в туман, и плакал.

Эмили безмолвно плакала, глядя Натана по голове. Его отец только что умер – санитары увезли его тело на каталке, – а Натан даже не знал об этом. Не мог знать.

В сердце у нее что-то занемело, там, где зарождалось горе, ведь она всегда любила Томаса, что бы ни произошло между ними.

Но горе подождет. Его затмевал страх, как бы то, что произошло с Томасом, не отняло у нее и Натана. У ее бывшего мужа случился обширный инфаркт, и доктора только разводили руками. На ровном месте. Никаких причин.

И она сидела, гладила головку сына и его милое личико и шептала ему, что он должен вернуться к ней.

И он слышал.

Натан Рэнделл забормотал что-то себе под нос. Его руки медленно поднялись к глазам, оторвали пластырь, которым их заклеили, чтобы не открывались.

– Боже правый, Натан! – вскрикнула Эмили, достаточно громко, чтобы услышала медсестра на посту в коридоре.

Ее малыш открыл свои голубые, как у Пола Ньюмена, глаза и посмотрел на нее серьезно и озабоченно.

– Мамочка, почему ты плачешь? – простодушно спросил Натан.

Эмили была не в силах ответить. Она могла лишь сжимать его в объятиях, раскачиваясь взад и вперед, и шепотом возносить бесчисленные благодарения тому, кто ответил на ее молитвы.

Однажды утром, несколько недель спустя после похорон Томаса Рэнделла, Натан проснулся очень радостный. Это был тот самый день, в который его матери предстояло подписать контракт на экранизацию «Приключений в Обманном лесу». Но Натану не было еще шести, и он не знал об этом. Это был, можно сказать, счастливый день для его семьи, исполненный радости и горечи одновременно. Но и об этом он тоже не знал.

Но все равно он улыбался до ушей, когда пришлепал на кухню в своей пижаме с Бэтменом и обнял маму так сильно, как только мог. Он еще не окреп до конца, но Эмили улыбнулась горячности этого объятия.

– Как дела, дружище? – спросила она Натана. – Как тебе спалось?

– Отлично, – ответил Натан, усаживаясь на свое место в ожидании, когда Эмили насыплет ему в тарелку кукурузных колечек.

Потом он сказал:

– Мне снился папа.

Эмили захлопала глазами. Сердце начало леденеть. Она положила руку Натану на затылок и присела рядом с ним.

– Ты скучаешь по нему, да, малыш? – спросила она, – Это ничего. Мама тоже по нему скучает. Но он будет приглядывать за нами. Я знаю, что будет.

– Ну конечно будет, – радостно подтвердил он с полным ртом размякших от молока колечек. – Он сам сказал, что будет.

Рука Эмили, медленно гладившая Натана по голове, замерла.

– А что еще он сказал? – спросила она.

– Он сказал, я смогу видеть его во сне, когда только захочу. И я смогу приходить в Обманный лес и помогать папе сделать его лучше, – весело ответил Натан. – А еще он сказал, может быть, когда я подрасту, а он станет сильнее, он придет навестить нас, если сможет.

По коже у Эмили побежали мурашки, и она крепко обняла Натана. Ее внимание раздражало его, и он попытался выкрутиться и вернуться к своему завтраку. Она не отпустила его.

Она не до конца верила в это. И совсем не понимала. Все это пугало ее, хотя и приносило ее сыну такую радость. Это возвращало ему его отца – каким образом, она могла лишь очень отдаленно представлять.

Оно существовало.

Волшебство все-таки существовало.

За домом Рэнделлов гном в полосатом костюме бросил последний взгляд на дом, улыбнулся про себя и зашагал по дороге, ведущей на Бродвей.

Он собирался поймать попутку, если удастся, или пройти всю дорогу до Манхэттена пешком. На примете у него был один магазинчик в Гринвич-виллидж, где можно было купить мягкую фетровую шляпу в точности того самого оттенка зеленого цвета.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Каджуны – потомки акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде, которые в XVIII веке в период войны с французами были сосланы англичанами в Луизиану. *(Примечания, кроме особо оговоренных, переводчика)*

Джамбалайя – блюдо из риса с ветчиной, сосисками, цыпленком, креветками или устрицами, приправленное травами.

В английском Jackal Lantern созвучно с Jack O'Lantern – именем фольклорного персонажа.

Родди Макдауэлл – американский актер, исполнитель одной из ролей в сериале «Планета обезьян»

Соответствует 21 градусу Цельсия

Дорожный Бегун – герой мультипликационного сериала «Веселые мелодии»

«Вина по ассоциации» – обвинение в соучастии в проступках и нарушениях закона, допущенных не политиком лично, а организацией, к которой он принадлежит, или лицами, с которыми он ассоциируется. Такое обвинение служит одним из методов политической борьбы, в том числе предвыборной. *(Прим. ред.)*

Популярная комедийная телепрограмма, выходившая в 40 – 50-е годы XX века; многие телекомпании показывают ее и сегодня.

Сотрудник, имеющий статус профессора и исполняющий соответствующие обязанности, однако не числящийся в штатном расписании. *(Прим. ред.)*

Фалафель – пирожок из молотого гороха или фасоли с пряностями, обжаренный в масле.

Здесь: психиатрическая клиника муниципальной больницы «Бельвю», место действия многих городских легенд о Нью-Йорке.

«Сумеречная зона» («Twilight Zone») – телесериал Рода Стерлинга, впервые транслировавшийся в Америке в 1959 году. *(Прим. ред.)*

Локи – в скандинавской мифологии бог из асов, отец мирового змея Ёрмунганда

В английском Fox Trot – буквально «лисы рысь» – фокстрот, название танца. (*Прим. ред.*)

В фильме «Волшебник страны Оз» часть, относящаяся к жизни Дороти в Канзасе, снята на черно-белой пленке, а часть с действием в стране Оз – на цветной.

«Полярный экспресс» – популярная детская книга о необыкновенном путешествии маленького мальчика на волшебном поезде «Полярный экспресс» на Северный полюс к Санта-Клаусу в канун Рождества, по мотивам которой в 2004 году был снят одноименный фильм. *(Прим. ред.)*

Клавишный музыкальный инструмент со свистками. *(Прим. ред.)*